Р1
С 91

СУХОВО-КОБЫЛИН

ТРИЛОГИЯ

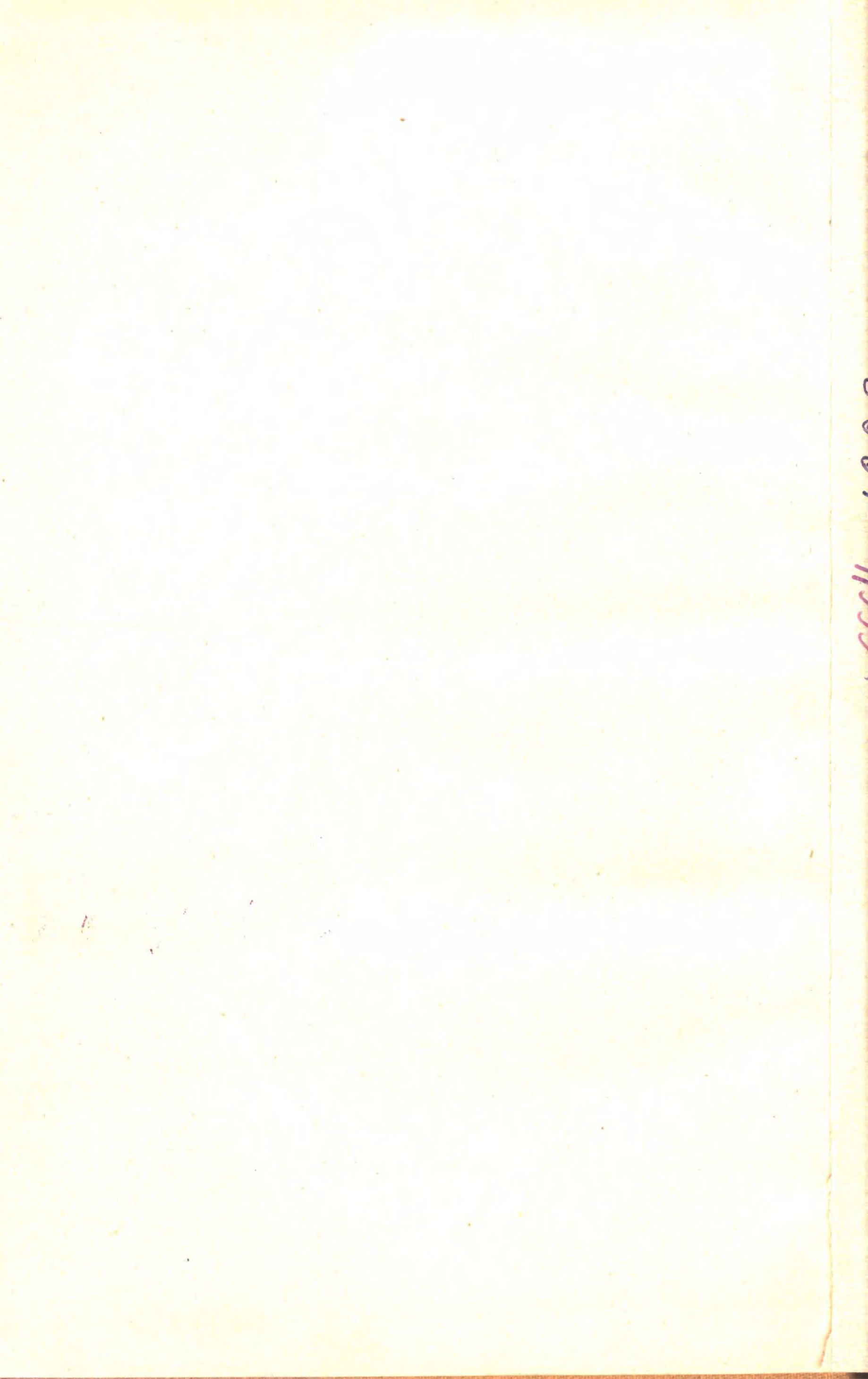
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

2.XII.63.

Колич. предыд. выдач ________

Заказ № 2480.

Р1
С91

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН

ТРИЛОГИЯ

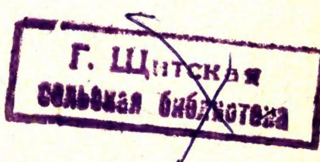
СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

ДЕЛО

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

6664. 1223

Государственное
Издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · Ленинград
1959

Печатается по изданию:
А. В. Сухово-Кобылин. Трилогия.
М., Гослитиздат, 1955

*Вступительная статья
и комментарии*
И. Д. Гликмана

Заставки и концовки
М. А. Таранова

Переплет и титульные листы
А. М. Гайденкова

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН И ЕГО ТРИЛОГИЯ

Трилогия Сухово-Кобылина — выдающееся явление в истории русской классической драматургии XIX века. По своей обличительно-реалистической направленности, глубокой идейности и совершенству художественной формы она органически связана с великими творениями Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Островского и Салтыкова-Щедрина.

Белинский утверждал, что «...сатирическое направление, со времен Кантемира, сделалось живою струею всей русской литературы...»[1] Эта «живая струя» пронизывает творчество Сухово-Кобылина, которому, несомненно, принадлежит почетное место в замечательной фаланге русских писателей-сатириков, ополчившихся против притеснений, насилия, мракобесия и реакции самодержавно-полицейского строя.

Будучи по своему происхождению, воспитанию и даже предрассудкам типичным дворянином-аристократом, Сухово-Кобылин тем не менее всю жизнь оставался «блудным сыном» своего класса, чью социальную обреченность он весьма отчетливо осознавал. Общественный подъем 50—60-х годов и связанный с ним расцвет критического реализма обусловил прогрессивный характер творчества Сухово-Кобылина. Его сокрушительный и грозный смех подрывал устои антинародного монархического режима. Не случайно пьесы «Дело» и «Смерть Тарелкина» подвергались жестоким цензурным гонениям и запретам; они смогли появиться на сцене в неизуродованном виде только после Великой Октябрьской социалистической революции. Целых полстолетия они таили в себе взрывчатую сатирическую силу, пугавшую реакционно-охранитель-

---

[1] В. Г. Белинский. Сочинения, т. II, 1948, стр. 733.

ный лагерь. Проходили годы, десятилетия, менялись цари и министры, но нерушимым оставался тот общественный порядок, который был запечатлен художником-реалистом с такой беспощадной правдивостью и глубиной типизации. Вот почему царские жандармы, вельможи и чиновники разных поколений безошибочно узнавали себя в Расплюеве, Варравине и Тарелкине, которые вставали как живые современники со страниц трилогии, написанной в 60-х годах XIX века.

В яркой портретной галерее, созданной Сухово-Кобылиным, выделяется своей остротой и силой образ Расплюева. Его социальная типичность и художественная выразительность столь велики, что он зажил новой жизнью, сохранив свой характер, повадки и имя, в таких сатирических шедеврах Салтыкова-Щедрина, как «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Письма к тетеньке». М. Горький ставит образ Расплюева в одном ряду с такими классическими типами, как Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетилов, Хлестаков, Городничий.[1] Таким образом, Сухово-Кобылин продолжал и развивал великие традиции русского критического реализма. Народный гнев против угнетения и произвола нашел живой отклик в его творчестве. Этим можно объяснить тот огромный размах, горячее негодование и бесстрашие, с которыми он бичует общественное зло.

Сатирическую остроту «Дела» и «Смерти Тарелкина» ни в коем случае нельзя объяснять только личной местью автора за испытанные им преследования со стороны чиновной бюрократии николаевского режима. Этим самым резко сужаются масштабы сатирических изобличений трилогии. Широкие типические обобщения, столь характерные для реалистического метода Сухово-Кобылина, низводятся, таким образом, до уровня «частного случая», печального автобиографического эпизода, переложенного на язык драматургии. Конечно, личный опыт и конкретные наблюдения помогли автору с большей достоверностью показать гнусный процесс царского судопроизводства и полицейского сыска; отсюда такое обилие точных деталей и штрихов в нарисованной картине. Но Сухово-Кобылин отнюдь не рассказывает о «частном случае». Он великолепно сознавал обобщенность и типичность своего изображения. Об этом хотя бы свидетельствует краткое, но многозначительное послесловие к трилогии: «Если бы, за всем этим, мне предложен был вопрос: где же это я так-таки такие *Картины* видел?.. то я должен сказать, положа руку на сердце: Нигде!!! ...и — везде...» и дальше приводится цитата из Гегеля, являющаяся также эпи-

[1] М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 150.

графом к трилогии: «Кто с разумом рассматривает природу, на того и она взирает разумно». Этими фразами Сухово-Кобылин подчеркивает, что его метод основан не на фактографии, а на художественных обобщениях: именно точно *таких* «картин» он мог не видеть «нигде», но они сложились из тех существенных элементов, которые он наблюдал «везде», а писатель, обладающий аналитическим разумом, не просто «рассматривает природу», а проникает в сущность явлений и из кажущегося хаоса действительности выводит суждения и закономерности.

В старой литературе о Сухово-Кобылине широкое распространение получила легенда об аполитичности, одиночестве и «загадочности» автора знаменитой трилогии. Одни видели в нем таинственного «икса», другие — литературного Робинзона, совершенно изолированного от всей общественно-литературной жизни его времени. Так, например, П. Боборыкин в 1913 году писал: «Сухово-Кобылин оставался для меня, да и вообще для писателей и того времени и позднейших десятилетий, как бы невидимкой, некоторым иксом».[1] Но Боборыкин и его единомышленники забывают, что Сухово-Кобылин вовсе не был «невидимкой» ни для Некрасова, пригласившего его в «Современник», ни для Салтыкова-Щедрина, использовавшего образы трилогии для разоблачения реакции 70-х и 80-х годов, ни для Щепкина, Прова Садовского, Давыдова и других корифеев русского реалистического театра, восхищавшихся его пьесами.

Сухово-Кобылин внимательно следил за современной литературой и с особым сочувствием выделил в ней имена Гоголя, Льва Толстого, Щедрина, Тургенева, Глеба Успенского, отмечая свое идейно-художественное родство с некоторыми из этих писателей. Общественные интересы и страсть к философии разбудили в нем Герцен и Огарев. Сухово-Кобылин рассматривал литературу и театр как важнейший фактор духовной жизни России. Это явствует из предисловий к пьесам, а также из переписки и дневников драматурга.

Все эти факты, которые обычно оставляются исследователями в тени, ни в какой мере не снимают вопроса об острых противоречиях в мировоззрении Сухово-Кобылина. Горячо любя свою родину, беспощадно обнажая язвы самодержавного строя, он не верил в творческие, преобразующие силы, таящиеся в народе. Полнокровный реализм уживался в нем с философским идеализмом гегелевского толка; резкие антидворянские тенденции — с аристократическими предрассудками и преклонением перед «белой

---

[1] «Русская старина», 1913, I, стр. 23.

костью». Тем не менее Сухово-Кобылин, создавая свою трилогию, смог отрешиться от узкоклассовой точки зрения, правдиво воссоздать современную действительность и вынести ей суровый приговор.

* * *

Сухово-Кобылин прожил долгую жизнь, охватившую собой почти целое столетие. Его детство совпало с периодом формирования декабристского движения, а в глубокой старости он слышал первые раскаты революционной бури 1905 года.

Александр Васильевич Сухово-Кобылин родился 17 сентября 1817 года в селе Воскресенском Подольского уезда Московской губернии, в старинной и богатой дворянской семье. Его отец, Василий Александрович Сухово-Кобылин, был боевым участником Отечественной войны 1812 года и вышел в отставку в чине полковника артиллерии. Драматург любил рассказывать о храбрости и воинских подвигах своего отца, которого Н. И. Надеждин ценил за «прямоту и истинно русскую честность и благородство».[1] Однако главой дома была мать писателя — Мария Ивановна, энергичная, властная и умная женщина, в которой своеобразно сочетались образованность и широкая начитанность с повадками типичной помещицы-крепостницы. В биографической заметке «О даровитости рода Сухово-Кобылиных» Александр Васильевич с гордостью называет свою мать «одной из образованнейших женщин своего времени. В первые годы своего замужества она занималась литературой и сделала замечательный перевод с французского...»[2]

Матери, по его мнению, обязаны своими талантами и старшая сестра — Елизавета Васильевна — графиня Сальяс де Турнемир, известная в русской литературе под псевдонимом Евгении Тур, и младшая сестра София Васильевна, которая «имела большой талант ландшафтной живописи; она написа[ла] известную ландшафтную картину «Сосновый бор», которая была награждена золотою медалью».[3]

Мария Ивановна — хозяйка прославленного литературного салона Москвы — дала своим детям превосходное домашнее образование. Их обучали выдающиеся профессора Московского университета: Н. И. Надеждин, Ф. Л. Морошкин, М. А. Максимович, поэт и переводчик С. Е. Раич. В юности Сухово-Кобылин был связан

---

[1] Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и литературная деятельность, 1804—1836. СПб., 1912.

[2] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 308.

[3] Там же.

узами тесной дружбы с Константином Аксаковым, хотя впоследствии осуждал его славянофильские теории. Он с чувством почтительной дружбы относился к своим старшим товарищам — А. И. Герцену и Н. П. Огареву, вместе с которыми еще до поступления в университет посещал лекции любимых профессоров. Летом 1824 года Огарев был арестован, и в списке «вопросительных пунктов», предложенных ему следствием, фигурирует и такой вопрос: «За что упрекает вас *друг ваш* (подчеркнуто мною. — *И. Г.*) Александр С... в письме из Москвы от 2 августа..?» Огарев отвечает: «...Александр Сухово-Кобылин, мальчик лет 15-ти, с которым я познакомился на университетских лекциях, упрекает, вероятно, за то, что к нему не пишу. Стихов же тех я не помню; вероятно, дело идет о каких-нибудь из моих стихов». [1] Несомненно, что характер и стиль письма, захваченного полицией, давали повод следствию назвать Сухово-Кобылина «другом» Огарева, который посылал ему свои стихи и состоял с ним в переписке.

Сухово-Кобылин утверждал, что под влиянием Герцена он с юных лет пристрастился к литературе и философии. В автобиографии, напечатанной на французском языке в Париже в 1902 году, он, не опасаясь цензуры, пишет: «Под влиянием своего друга детства, впоследствии знаменитого русского эмигранта Герцена, он (Сухово-Кобылин. — *И. Г.*) обратился к литературным занятиям и особенно к философии Гегеля». [2] Не случайно Сухово-Кобылин за год до смерти с признательностью вспомнил о Герцене, к личности и творчеству которого он всю жизнь проявлял острый интерес; внимательно его читал, хранил в своем архиве газетные и журнальные отзывы о нем, затевал с ним безответные споры в интимном дневнике, решительно, однако, не разделяя его революционно-демократических взглядов.

Можно предположить, что Сухово-Кобылин также не без влияния своего «друга детства» поступил в 1834 году на физико-математическое отделение философского факультета, которое за год до этого окончил с серебряной медалью Герцен. В университете Сухово-Кобылин занимался очень серьезно и вскоре завоевал славу выдающегося по своим способностям студента. На третьем курсе, в 1837 году, ему была присуждена золотая медаль за представленное по конкурсу сочинение «О равновесии гибкой линии с приложением к цепным мостам». В студенческие годы началось страстное увлечение гегелевской философией. В этом Сухово-Кобылин

---

[1] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, т. XII, стр. 339.

[2] Леонид Гроссман. Преступление Сухово-Кобылина. Изд. «Прибой», Л., стр. 54.

был не одинок. Достаточно прочесть «Былое и думы», чтобы получить ясное представление о том философском поветрии, которое охватило передовую московскую молодежь 30-х годов XIX века. В то время среди самых правоверных гегельянцев были не только Станкевич, Грановский, Бакунин, но и В. Г. Белинский «с томом Гегелевой философии в руках». [1]

В 1838 году Сухово-Кобылин окончил Московский университет, и, при его знатности, богатстве, блестящих способностях, перед ним открывалась широкая дорога служебной карьеры. Он, по его собственным словам, «как кандидат эминент был представлен высшему начальству, которое дало ему право избрать по желанию министерство для служения». [2] Но молодой кандидат, ценя личную свободу и независимость, очень скептически смотрел на служебную деятельность, которая ему еще тогда представлялась «чиновничьей клоповней». Впоследствии он не без внутренней гордости говорил: «У меня на могиле будет надпись: «никогда не служил». По окончании университета он отправился в Гейдельберг и Берлин для усовершенствования в области философии. «За сим годы с 1843 и по 1850-й провел в Париже и в Москве в светской жизни».[3] Эта краткая и слишком общая фраза из автобиографии нуждается в некоторой расшифровке. Дело в том, что Сухово-Кобылин был не только «светским львом», баловнем аристократических салонов, страстным любителем конного спорта, получавшим призы на московском ипподроме, — в эти годы происходит интенсивное духовное созревание будущего писателя. Умственная работа делается для него «высшим благом». Он начинает переводить Гегеля, занимается музыкой, углубленно изучает русскую литературу, зачитываясь Гоголем «до упаду». В нем обостряется дар наблюдательности и критического анализа окружающего его общества. Он учится различать под маской внешней благопристойности пошлость, глупость, стяжательство, внутреннюю гниль. В письмах к сестрам он резко осуждает «высший свет», в котором видит средоточие лжи, лицемерия и интриг. Очень характерно письмо из Томска от 1 декабря 1847 года к «милым сестричкам» — Евдокии и Софье. В нем проглядывают черты будущего комедиографа-обличителя: «Я живу сейчас среди населения грубого, эгоистичного, жадного и полного интриг. Здесь все живет только для денег. Нажива — единственный двигатель, и все души здесь черны, сухи и отталкивающи. Общество и собрания представляют собою нечто

---

[1] А. И. Герцен. Былое и думы. Лениздат, 1949, стр. 282.

[2] Варианты автобиографии. Центр. гос. лит. архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 310.

[3] Там же.

столь колоссальное по глупости, что можно было умереть от смеха, если бы не умирали от скуки».[1] В письме от 15 октября этого же года он пишет: «...я счастлив, когда читаю и работаю без передышки. Я начал небольшой перевод, который подвигается, и подвигается неплохо».[2]

1850 год был переломным в личной жизни Сухово-Кобылина. Он о нем ничего не говорит в автобиографии; с ним связаны мучительные воспоминания и трагические события, омрачившие жизнь писателя. В Москве при таинственных обстоятельствах была убита гражданская жена Сухово-Кобылина — француженка Луиза Симон-Деманш. Ее труп со следами истязаний был найден за Пресненской заставой, у Ваганьковского кладбища. Сухово-Кобылин очень тяжело переживал потерю любимой женщины. Его письма и записи в дневнике полны глубокой скорби и отчаяния. Вот что он пишет к Евдокии Васильевне и Михаилу Федоровичу Петрово-Соловово в конце ноября 1850 года: «Я твердо убежден, что моя потеря огромна и что я никогда не найду привязанности, которая могла бы сравниться с этой... невозможно выразить вам, сколько мучительных воспоминаний встает в моем сердце рядом с раздирающим воспоминанием об ее грустном конце».[3] Но обрушившееся на него горе было оскорблено вмешательством судебных властей, обвинивших его в убийстве Симон-Деманш. 16 ноября он был арестован и содержался под стражей до 21 ноября. Началось очень сложное, до крайности запутанное «дело», длившееся более семи лет. Оно несколько раз рассматривалось в различных судебных инстанциях, вплоть до сената. В 1854 году Сухово-Кобылин был снова арестован и просидел около шести месяцев в тульской тюрьме, где он дописывал последние сцены «Свадьбы Кречинского», а в период постановки и триумфальных успехов этой пьесы он все еще находился под позорным следствием. Сухово-Кобылин затаил жгучую ненависть против своих мучителей-чиновников, «подлейшей черни нашей стороны».

В дневнике от 18 ноября 1855 года мы читаем: «Странная судьба, в то время как, с одной стороны, пиэса моя мало-помалу становится в ряд замечательных произведений литературы, возбуждает всеобщее внимание, подлейшая чернь нашей стороны, бессовестные писаки судебного хлама собираются ордою клеймить мое имя законом охраняемой клеветой».[4]

---

[1] Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным. — Труды публичной библиотеки СССР имени Ленина, вып. III, М., 1934.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] «Русская старина», 1910, V.

Только 3 декабря 1857 года Александр II утвердил решение государственного совета оправдать Сухово-Кобылина, а за «любодейную связь подвергнуть церковному покаянию для очищения совести». Сухово-Кобылину пришлось испытать на себе мертвящую силу дореформенной юстиции, чьи представители всех рангов — от пристава Серпуховской части до министра, графа Панина, — предстали перед ним во всей своей гнусной наготе. Огромный запас этих горестных наблюдений был им мастерски использован в «Деле» и «Смерти Тарелкина».

Вырвавшись из железных тисков полиции, Сухово-Кобылин вздохнул полной грудью. Он в восторженных словах приветствовал долгожданную свободу. Нельзя без волнения читать запись в дневнике от 7 апреля 1858 года: «Вот она, свобода! Приветствую тебя, чудное создание, любовница моя неверная, но вечно милая любовница... Теперь не променяю я тебя ни на какие блестки, ни на какую внешность. Теперь я обручаюсь с тобой, свобода моя, свободушка, и клянусь по гроб быть тебе верным слугою, рабом, другом, всем, всем, чем только дышит мое сердце». [1]

Успех «Свадьбы Кречинского» окрылил автора, и он с большим подъемом принялся за создание пьесы «Дело», которую он окончил в 1861 году, и «Смерти Тарелкина», окончательно завершенной в 1868 году. Вся трилогия вышла отдельным изданием в 1869 году под общим названием «Картины прошедшего». Сухово-Кобылин мечтал увидеть на сцене свои пьесы, но цензура безошибочно почувствовала их беспощадно-обличительный характер и запретила для постановки. Драматург на протяжении сорока лет с юношеским пылом боролся за свои любимые творения. Его письма кипят негодованием и гневом против полицейского государства, которое варварски душит свободную мысль, надевает «намордники» на писателей, осмеливающихся говорить правду. Замечательно письмо, датированное 1892 годом, подводящее некий итог мучительной и бесплодной борьбе с властями предержащими. В этом письме семидесятипятилетний драматург с гражданским пафосом, острым сарказмом и глубокой горечью восклицает: «Какая волокита: прожить 75 лет на свете и не успеть провести трех пьес на сцену! Какой ужас: надеть пожизненный намордник на человека, которому дана способность говорить! И за что? За то, что его сатира на порок произведет не смех, а содрогание... какая нежность полиции; какой чиновничий сентиментализм, или лучше: какое варварство в желтых перчатках... Не имею ли я право в конце моей жизни и в глуши такой ночи закричать, как цезарь Август: «Вар,

[1] «Русская старина», 1910, V.

Вар, отдай мне мои годы, молодость и невозвратно погибшую силу»? [1]

В «глуши такой ночи» реакции Сухово-Кобылин был вынужден прекратить свою драматургическую деятельность. Современная действительность не давала ему возможности писать так, чтобы, выражаясь словами Гоголя, «даже квартальный не мог обидеться». На него «обижались» столпы государства. Начальник главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, бывший в дружеских отношениях с семьей Сухово-Кобылина, безоговорочно запрещал его пьесы не без директив обер-прокурора святейшего синода Победоносцева. Цензурные мытарства Сухово-Кобылина (см. примечания) были одной из главных причин, побудившей его бросить в расцвете сил художественное творчество. Об этом он прямо говорит в автобиографии: «...незаслуженный запрет пьесы... заставил автора бросить сценическую литературу и отдать всю свою умственную деятельность дальнейшему развитию своих философских концепций». [2]

Кипучая и страстная натура Сухово-Кобылина не терпела бездеятельности. Проживая в своем родовом имении или во Франции, он неутомимо переводит Гегеля, пишет обширный философский трактат, кропотливо изучает Дарвина. Круг его чтения необычайно широк: тут и русская и западноевропейская литература, и новейшие работы по экономике, агрономии, физике, химии, космогонии. Вся эта интенсивная умственная деятельность сочетается с буржуазным предпринимательством. Аристократ, гордящийся древностью своего рода, пытается приспособиться к капиталистической действительности, к новым буржуазным порядкам, которые начали складываться в послереформенные годы, когда, по словам В. И. Ленина, «на смену крепостной России шла Россия капиталистическая». [3] Он открывает сахарный и винокуренный заводы, выращивает в своих владениях 500 десятин посаженного леса, за который получает премию. Однако предприятия доморощенного капиталиста в конце концов терпят крах. Осталась лишь надежда на издание монументального философского труда и перевода главнейших сочинений Гегеля — «трех томов Логики... одного тома Феноменологии, одного тома Философии Природы и одного тома Энциклопедии философских наук». [4] Вслед за этим внушительным пере-

[1] Н. В. Дризен. Материалы к истории русского театра. М., 1913, стр. 189.

[2] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 310.

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 66.

[4] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 310.

числением Сухово-Кобылин рассказывает в автобиографии о создании собственного неогегельянского учения, первая часть которого «есть учение о субстанциональном тождестве гегелизма и дарвинизма, в котором дарвинизм демонстрирован как частный случай или момент гегелизма, а 2-ая часть является уже синтезом оных двух учений и потому дальнейшим поступанием за гегелизм, то есть *неогегелизмом».* [1]

Сухово-Кобылину, несмотря на все старания, не удалось опубликовать свои философские труды, большая часть которых в 1899 году была уничтожена пожаром в имении Кобылинка. Письма престарелого писателя наполнены горькими жалобами на «вражду, замалчивание, литературный остракизм». Только под самый конец жизни о нем неожиданно вспомнили: в 1902 году он был избран в почетные академики разряда изящной словесности Академии наук. Вместе с ним был избран М. Горький.

11 марта 1903 года А. В. Сухово-Кобылин скончался на юге Франции, в Болье.

* * *

Сухово-Кобылин начал писать в годы разложения феодально-помещичьего строя, когда «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России». [2] Зорким глазом художника-реалиста он видел неумолимый процесс социальной и духовной деградации русского дворянства и ярко запечатлел этот процесс в трилогии и многочисленных высказываниях, среди которых особенный интерес представляет описание въезда в Москву Александра II для предстоящей коронации (17 августа 1856 года). Царя сопровождали самые родовитые аристократы, двор, генералитет, сенат, синод и государственный совет в полном составе. Монархическая пресса с умилением изображала всю эту помпу как «народное ликование», а Сухово-Кобылину она послужила поводом для уничтожающей характеристики «первого сословия» империи и правящей верхушки государства, на которых лежит неизгладимая печать вырождения, подлости и преступности:

«В два часа началось шествие... Потом депутации государевы. Черкесы, бухарцы, киргизы, калмыки, грузины, гурийцы и, наконец, *знатное русское дворянство верхом.* Рядом с этими вольными народами, с этими крепкими натурами, сильными энергическими лицами тащились безшляпые, гладкорожие, жирные и худые, под-

---

[1] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 310.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 95.

ловидные, изнеженно-гнилые русские дворяне и два Робер Макера[1] — Андрей Борисович Голицын и Владимир Сергеевич Голицын... Впереди их ехал государственный совет и придворные чины в золотых каретах. Четыре кареты были нагружены государственным советом и министрами. Сколько в этих четырех золоченых ящиках было соединено грязи, гнили, подлюсти и совершенных и имеющих быть совершенными интриг... Таким образом, государство предстало опять в своем чисто военном и дворцовом занятии».[2]

Эта картина, замечательная по своей социальной остроте и смелости, предвосхищает убийственные характеристики Важного лица, князя, генерала Варравина из драмы «Дело».

Сухово-Кобылин, испытывая, подобно Гоголю, ненависть к чиновничеству, раненному насмерть автором «Ревизора» и «Мертвых душ», но по-прежнему остающемуся опасным врагом порабощенного народа и главной опорой самодержавия, продолжает неутомимо преследовать чиновников. В. И. Ленин писал: «Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес, — простому рабочему человеку никогда не продраться через этот лес, никогда не добиться правды... Царское самодержавие есть самодержавие чиновников».[3]

У Сухово-Кобылина не было положительной программы общественных преобразований, он был далек от революционно-демократического лагеря, но он враждебно относился к государственному устройству царской России, основанному на произволе и угнетении. Сухово-Кобылин считал его «неразумным» и «иррациональным», а потому безусловно обреченным на гибель. Эту мысль, облеченную в философскую форму, он высказал в письме, датированном 1897 годом и являющемся результатом наблюдений над дореформенной и капиталистической Россией: «Разумное сильно, а неразумное слабо, а потому всякое *рациональное устаивает,* растет и бесконечно крепнет, а *иррациональное малится,* слабеет, исчезает. Нам современная чиновничья Россия иррациональна, а потому, надо полагать, не устоит и скоротечно прейдет...»[4] Однако непоследовательность взглядов Сухово-Кобылина сказалась и в том, что наряду с отрицанием монархического строя он идеализировал личность самодержца.

---

[1] Робер Макер — тип ловкого пройдохи из популярной мелодрамы «Постоялый двор в Адре». Образ Робера Макера создал на французской сцене известный актер Фредерик Леметр.

[2] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 219.

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 334.

[4] ИРЛИ. Архив Н. В. Минина, ф. 186, ед. хр. 26.

Творчество Сухово-Кобылина неотделимо от освободительного движения 60-х годов. Он был одним из талантливейших преемников Гоголя и унаследовал от своего учителя ненависть к «мертвым душам», которые властвуют и глумятся над живой душой народа. Он с подлинной творческой смелостью освоил и дальше разработал гоголевские темы, образы и художественно выразительные средства. Сухово-Кобылин считал «Современник» лучшим журналом России. Не случайно он именно его выбрал для своего литературного дебюта: в майском номере 1856 года была напечатана «Свадьба Кречинского», получившая через месяц на страницах журнала глубоко положительную рецензию. В редакции «Современника» он познакомился с Некрасовым, Л. Толстым, Григоровичем, Панаевым, Анненковым.

В писателях «натуральной школы» Сухово-Кобылин видел своих товарищей по оружию. Читая ранние произведения Льва Толстого, он, подобно Чернышевскому, почувствовал в нем выдающийся талант. 31 марта 1856 года он записывает в дневнике: «Получил Современник. Мятель Толстого — превосходная вещь — художественная живость типов. Меня разобрало...» [1] Он сочувственно отнесся и верно оценил «Рудина» Тургенева, напечатанного в начале 1856 года: «Вечером читал повесть Тургенева *Рудин* — хорошая, добротная вещь — этюд весьма верный...» [2] Сухово-Кобылин горячо встретил «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина: «После обеда читал я им [гостям] статью Щедрина *Губернские очерки*... Отличная вещь. Читал очень хорошо — не смеялся — они умирали со смеху». [3] В начале 70-х годов он восторженно отзывался о «Господах ташкентцах», видя в них идейно-художественное родство со своей трилогией: «Читаю «Ташкентцы» Салтыкова — замечательное произведение... по верности уязвляемых сторон России. Есть места поразительные, есть кое-что из «Дела». [4] Он также протягивает нить от своей драматургии к очеркам Глеба Успенского «Разоренье», о которых говорит с большим сочувствием.

Сухово-Кобылину была глубоко чужда либеральная, псевдообличительная литература, стремившаяся, по ироническому выражению Салтыкова-Щедрина, «утверждать утвержденное, защищать защищенное, ограждать огражденное». Трилогия, питавшаяся великими традициями русского критического реализма, резко противостоит приторно-нравоучительным пьесам о чиновниках, появившимся в конце 50-х годов, вроде комедии «Чиновник» графа Сол-

---

[1] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 219.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

логуба, «Свет не без добрых людей» Львова, «Бедный чиновник» Дьяконова, «Мишура» Потехина и др.

Сухово-Кобылин отрицал безыдейную, «убаюкивающую» литературу, так же как и «искусство для искусства». Он осознавал могучую воздействующую силу художественного слова, его благородную воспитательную миссию, его способность потрясать публику, поднимать ярость против общественного зла. В письме в главное управление по делам печати, говоря о «Деле» и «Смерти Тарелкина», Сухово-Кобылин подчеркивает их сатирический характер, связанный с традицией Гоголя: «Конечно, оно (сочинение),[1] как и «Ревизор», есть сатира». Драматург воспринимает упрек цензуры в том, что эти пьесы вызовут «не смех, а содрогание», как высшую похвалу: «Дорого дал бы автор, чтобы все его пьесы вызывали в современном обществе не смех, а содрогание [оно] есть *свидетельство высоты нравственной культуры...»* Дальше драматург восклицает: «Кто лишил сцену тех потрясающих и возвышающих общественное сознание представлений, каковым явился на сцене Михайловского театра спектакль («Дело»)?.. Чистые высокие слезы зрителей не только суть для автора его неувядающие лавры, но более того, суть оное великое содрогание публики высший нравственный акт, который автор волил, к которому он шел...»[2]

Это важнейшее программное высказывание Сухово-Кобылина перекликается со словами Добролюбова о задачах литературы, служащей общественным интересам; в ней должен слышаться «вопль отчаяния, в котором будет и энергический укор, и мрачное сожаление, и громкий призыв к деятельности более широкой. Призыв этот будет относиться не к одной литературе, а и к целому обществу... Не надо нам слова гнилого и праздного, погружающего в самодовольную дремоту и наполняющего сердце приятными мечтами...»[3]

В предисловии к пьесе «Дело», написанном в 1862 году, Сухово-Кобылин радостно приветствует пробуждающееся общественное самосознание публики. Он верит в ее разум и безошибочное чувство правды: «...и ныне мое искреннее, мое горячее желание состоит лишь в том, чтобы и это мое *Дело* в том же трибунале (то есть перед зрителями. — *И. Г.)* было заслушано и тем же судом судимо». В этом же предисловии автор выступает против беспринципной,

---

[1] «Дело» и «Смерть Тарелкина» автор считает одним произведением, состоящим из двух частей.

[2] ИРЛИ. Архив Н. В. Минина, ф. 186, ед. хр. 18.

[3] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, ГИХЛ, М., 1937, стр. 92.

продажной критики, против литературных департаментов, которые ему так же ненавистны, как и все прочие департаменты. Недаром он в письме к В. Н. Давыдову писал: «Каждая из моих пьес есть процесс, который я должен выиграть против цензуры и прессы». Сухово-Кобылин со злой иронией, совершенно в щедринском духе, говорит не о серьезной критике, а об «оффициале Ведомства Литературы и журнальных Дел» (и формула чисто щедринская!), то есть о казенной, охранительной критике, о «литературной бюрократии», приступающей к «литературной расценке» художественного произведения с «казенным аршином и клеймеными весами».

Творчество для Сухово-Кобылина немыслимо без определенной идейной направленности. Оно обращено к широчайшим кругам читателей или зрителей. Автор должен «сдать [его] в кассу человечества». [1]

* * *

Три пьесы Сухово-Кобылина, составляющие трилогию, связаны единством замысла, идеи и сюжета, хотя для каждой из них найдены свои жанровые принципы, вытекающие из содержания, из существенных особенностей драматургического конфликта. Финал социально-бытовой комедии «Свадьба Кречинского» является исходной точкой для сатирической драмы «Дело», к которой непосредственно примыкает комедия-памфлет «Смерть Тарелкина». Характеры большинства действующих лиц трилогии даны в непрестанном движении и развитии. По мере развертывания сюжета они обогащаются новыми красками и оттенками. Их типические черты наиболее полно раскрываются в острых, конфликтных столкновениях. Правдивость и точность изображения сочетаются с приемом сознательного преувеличения и заострения образов, приобретших благодаря этому особенную рельефность и яркость. Сухово-Кобылин выступает в трилогии не только как выдающийся сатирик, но он мастерски вводит в ее художественную ткань элементы буффонады, юмора, лирики, напряженного драматизма и тонкого психологического анализа.

Издавая в 1869 году трилогию, Сухово-Кобылин назвал ее «Картины прошедшего», но это нарочитое ретроспективное, архаизирующее заглавие понадобилось ему для усыпления бдительности царской цензуры. На самом деле Сухово-Кобылин «писал с натуры» не картины «прошедшего», а доподлинно *настоящего*. Злободневность тематики и типичность характеров были сразу же оценены совре-

[1] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 217.

1223

менниками. В трилогии нашли отражение важные стороны социальной жизни 50-х и 60-х годов XIX века.

Сухово-Кобылин смело ломал и наполнял новым содержанием традиционные комедийные схемы, восходящие к XVIII веку. Отдельные сюжетные мотивы трилогии связаны с комедиями Сумарокова («Чудовищи», «Лихоимец»), Фонвизина («Бригадир»), Лукина («Мот, любовью исправленный»), Княжнина («Несчастье от кареты»), Капниста («Ябеда») и др. Сухово-Кобылин осмыслил литературную традицию в соответствии с новыми историческими условиями, выдвинувшими новых, более опасных героев насилия, стяжательства и лихоимства. Современность подсказывала и новые принципы сюжетного построения драматического произведения. Еще Гоголь писал в «Театральном разъезде» (1842): «Все изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебрежение, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?»

17999

Это глубокое гоголевское наблюдение является ключом к пониманию первой пьесы Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1854). В ней ярко отразилась эпоха упадка и разложения феодально-крепостного строя, породившая дворянских хищников, циничных искателей «денежного капитала», ради которого они совершают любые подлости и преступления. Пробивающие себе дорогу новые капиталистические порядки необычайно усилили власть золота, которое становится главным мерилом человеческих достоинств, высшим критерием ума, чести, благородства, любви, изначальной и конечной целью существования. В комедии Сухово-Кобылина эта тирания «чистогана» распространяется не только на дворянскую богему (Кречинский, Расплюев), но и на типичного представителя патриархально-помещичьего уклада (Муромский), который олицетворяет внутреннее бессилие, растерянность, практическую беспомощность «благородного сословия» накануне краха крепостной системы.

Сюжет «Свадьбы Кречинского» по существу глубоко драматичен. Это история о том, как проходимец в дворянском фраке, стремясь ограбить богатый дом, завлекает в свои сети молодую, наивную девушку, безжалостно растаптывает ее первую любовь и разбивает ее жизнь. Причем в этой истории разбитой жизни повинны не только Кречинский и Расплюев, но и воспитатели Лидочки Муромской, коснеющие в сословных предрассудках, слепо преклоняющиеся перед мнением «света», видящие в браке лишь выгодную или благопристойную сделку. Сухово-Кобылин облек эту тему

Г. Щитская сельская библиотека

в комедийную форму. Он беспощадно высмеял и разоблачил Кречинских и Расплюевых, указал на их социальную опасность и показал порочность дворянского воспитания, бескультурье, ограниченность и невежество, царящие в помещичьей среде. Журнал «Современник» в рецензии на спектакль «Свадьба Кречинского» в Александринском театре подчеркнул глубокую достоверность основных образов комедии, как бы выхваченных из гущи жизни: «Сколько Лидочек погибло от безнаказанных Кречинских! Сколько доверчивых Муромских было обмануто Кречинскими! Сколько добродетельных Нелькиных осталось в дураках перед Кречинскими!» [1] Торжество реалистического метода Сухово-Кобылина состоит, однако, не в том, что им правдиво зафиксирована большая распространенность Кречинских, Расплюевых, Муромских, Варравиных и Тарелкиных в русской действительности 50—60-х годов, а главным образом в том, что он сумел создать полнокровные художественные характеры, в которых выражена сущность той социальной среды, порождением которой они являются. Эти характеры при всей их неповторимой конкретности и индивидуальности художественно обобщены и подняты до уровня типов, действующих в исторически обусловленных типических обстоятельствах.

Тема дворянского хищничества и паразитизма с большой силой воплощена в сложных образах Кречинского и Расплюева. Безудержная страсть к стяжательству, наживе, деньгам — основное свойство характера Кречинского. Ему совершенно безразличны те пути, которые ведут к обогащению. Карточная игра — только одно, но отнюдь не единственное средство для достижения цели. В этом смысле он имеет мало общего с традиционными масками «игроков» из классицистической комедии, он генетически связан с пушкинским Германом из «Пиковой дамы» и Ихаревым из гоголевских «Игроков», для которых карты — только средство наживы. «Современник» в упоминавшейся рецензии проницательно писал: «... шулерство, воровство или женитьба, ему все равно, — ему нужны богатство, блеск, значение... Для Кречинского шулерство — средство жизни». [2]

Кречинский — хищник крупного калибра, он наделен острым умом, сильным характером и неутомимой энергией. Он связан с титулованной знатью обеих столиц, он член самых фешенебельных клубов, он плоть от плоти «высшего общества». Дворянское происхождение и светский лоск открывают ему двери всех домов, где он нюхом чует золото. У него даже на этот счет существует хлест-

---

[1] «Современник», 1856, VI.
[2] Там же.

кий афоризм: «В каждом доме есть деньги... непременно есть... надо только знать, где они лежат». Кречинский знал, «где лежат» деньги богатого помещика Муромского, и проник в его дом под видом жениха. Ему, как и всякому хищнику, свойственно циническое презрение к человеческой личности. В молодости он разбивал сердца влюбленных в него женщин, глумился и потешался над ними (об этом красочно рассказывает его лакей Федор). Затевая брачную авантюру с Лидочкой, клянясь ей в вечной любви, Кречинский в душе испытывает к ней ненависть, смешанную с презрением: «Какая-то пареная репа, нуль какой-то!» Накануне свадьбы он с пиратской удалью говорит о том, как, завладев приданым Лидочки, вышвырнет ее за борт своей ладьи в «житейское море».

Кречинский презирает Муромского, перед которым разыгрывает отвратительный фарс сыновней любви и почтительности. Он с брезгливой насмешкой относится к Нелькину только лишь потому, что чувствует в нем честного человека.

Кречинский двулик и двоедушен. В первом акте пьесы он предстает перед нами как очень респектабельный, элегантный, остроумный и даже обаятельный человек, обворожививший семью Муромских. Но это только маска. Драматург срывает ее со своего героя и показывает в последующих актах его подлинную сущность.

Сухово-Кобылин с замечательным мастерством изобразил «золотую лихорадку», которая бьет и треплет Кречинского. Ему грезятся горы золота, золотые оргии, приволье, могущество, почет и слава. С иронией умного человека он говорит о «чопорных барах», которым не будет никакого дела до того, каким способом он достиг богатства, ибо полтора миллиона приданого наведут сверкающий лоск на его подмоченную репутацию.

В превосходной сцене с купцом Щебневым Сухово-Кобылин показывает, как мирно уживаются в Кречинском дворянская спесь и наглость с подобострастием и угодливостью; он заискивает и унижается перед удачливым плебеем в «весьма клетчатых панталонах». «Гордый» Кречинский, бахвалящийся своим бесчувствием, взывает к справедливости кредитора, впадает в слезливо-жалостливый тон, над которым он так всегда потешался. В характере Кречинского крайнее лицемерие и лживость сочетаются с забубенной отвагой смелого авантюриста. Это с особенной полнотой раскрывается в блестящем финале комедии. Тут и благородное негодование, и оскорбленная невинность мошенника, и холодное презрение к «клеветнику» Нелькину, который одним своим прикосновением «марает» Лидочку.

А когда все «сорвалось», Кречинский принимает героическую позу, стремясь сохранить «и в подлости осанку благородства». Любовь к картинным позам и звонкой лицемерной фразе — одно из важных свойств Кречинского. Это было подмечено Салтыковым-Щедриным в его сатирическом цикле «Письма к тетеньке», где Расплюев рассказывает: «Это еще покойный Кречинский мне заповедал. Коли хочешь быть счастливым, — сказал он: — имей вольный образ мыслей!» [1]

Нетрудно догадаться, каков на самом деле этот «вольный образ мыслей»: под ним подразумевается полное освобождение себя от каких бы то ни было моральных норм и правил для беспрепятственного хищничества. Надо сказать, что деклассированный дворянин Иван Антоныч Расплюев отлично усвоил заповедь своего патрона. Он был ближайшим сообщником Кречинского, его доверенным лицом и подручным, дошедшим, по словам Салтыкова-Щедрина, «до своего подручного положения de chute en chute».[2] Сухово-Кобылин с большим художественным мастерством показывает разные грани этого сложного и противоречивого характера. В Расплюеве на первый план выступает смешное и жалкое, что давало повод дореволюционной критике видеть в нем жертву социальной несправедливости, простого, маленького человека, с которым он в действительности ничего общего не имеет. Расплюев, конечно, смешон и жалок, но главным образом — страшен.

Расплюев — неудачник, постепенно скатившийся на дно жизни, где он терпит нищету, унижения и побои. В игорных вертепах «из него дров и лучины» щеплют. В его постоянных жалобах слышатся нотки грустного юмора и бесконечной усталости от всех жизненных передряг: «ну народится же такой барабан — и колотят его с ранней зари до позднего вечера». Он стыдливо прячет от окружающих его бесчувственных людей свою большую тайну — любовь к своим детям: «Ведь у меня гнездо есть; я туда ведь пищу таскаю...» Но эти живо схваченные реалистические черты не определяют характер Расплюева, они лишь выразительней оттеняют то главное, что составляет его сущность: крайний цинизм и аморальность. В нем таятся огромные злые силы, неисчерпаемые запасы жестокости и бесстыдства, рвущиеся наружу. Расплюев с черной завистью взирает из своего преступного подполья на всех преуспевающих людей: «Родятся люди в счастии, в довольстве... и живут себе... пиршествуют». Ему тоже страстно хочется «пиршество-

[1] Н. Щедрин. Собрание сочинений, т. XIV, ГИХЛ, 1936, стр. 326.

[2] Там же, т. XI, ГИХЛ, 1934, стр. 551. De chute en chute — со ступеньки на ступеньку *(франц.)*.

вать». С какой животной радостью он рассказывает об обеде в трактире: «Сел посреди дивана, подперся так... Гм! говорю: давай ухи, растегаев два, поросенка в его неприкосновенности». Развалиться на диване, положить ноги на стол, предаваться обжорству и разгулу, повелевать и командовать — вот жизненный идеал загнанного, битого шулера-дворянина.

Каждодневно испытывая унижения и оскорбления, он втайне мечтает о том, чтобы унижать и оскорблять других: «...сам бы рассылал других да свое неудовольствие им бы оказывал». Но для этого нужны деньги, которые он любит больше всего на свете. Этому золотому идолу он готов принести любые жертвы.

Расплюев выше всего ценит в людях способность к плутовству и обману. Он потрясен «гениальным» жульничеством Кречинского, при помощи которого был обманут ростовщик Бек. Он любуется безупречной техникой этого воровского трюка: «Наполеон, говорю, Наполеон!.. оболванил человека... и великую по себе память оставит». Оболванить человека — вот высший подвиг и опознавательный знак гения в понимании Расплюева, быстро усвоившего основной принцип буржуазной морали.

Сухово-Кобылин рядом выразительных художественных деталей подчеркивает хищническую сущность Расплюева, которая раскрывается в его лексике. Не случайно он сравнивает себя с ястребом: «как ястреб какой, через четверть часа тащу его [солитер] на двор». Даже упоминание о детях облечено в «птичью метафору»: «у меня гнездо есть». Расплюев хищная, общипанная птица, но дайте ему нагулять жир, дорваться до власти, и он всех начнет безжалостно клевать. Так именно и случилось в «Смерти Тарелкина». И нет ничего неожиданного в метаморфозе Расплюева, превратившегося из жалкого шулера в беспощадного Держиморду.

Вокруг Кречинского группируются персонажи, в той или иной форме олицетворяющие незамаскированное хищничество и паразитизм: Расплюев, купец Щебнев, ростовщик Бек. Обе эти эпизодические фигуры, остро и метко охарактеризованные, служат для более всесторонней обрисовки Кречинского. Особое место в окружении Кречинского занимает Федор — один из драматургических вариантов гоголевского Осипа. Но Сухово-Кобылин внес существенно новые черты в этот образ. Федор глубоко испорчен тлетворным влиянием крепостного уклада. Он лакей не столько по профессии, сколько по призванию и психике. Если Осип относился с насмешкой к «елистратишке» Хлестакову, чувствуя свое внутреннее превосходство над ним, то Федор, мягко осуждая барина, испытывает к нему чувство искреннего восхищения и рабскую привязанность. Он перенял от Кречинского жестокость и цинизм. Федор бывалый,

отлично выдрессированный слуга, во многих случаях активный соучастник преступных похождений своего барина.

В борьбе за богатство Муромских Кречинский сталкивается с одним реальным противником — обедневшим помещиком Нелькиным, чья идейная вражда к светскому шулеру осложнена любовным соперничеством. Нелькин, вступающий на защиту Муромских, обрисован автором с явной симпатией. Он честный человек, наблюдательный и умный, горячий правдолюбец, обличитель общественных пороков. Но оторванный от практической деятельности, он неспособен к жизненной борьбе. Резонерство и умозрительность преобладают у него над делом. Его речь дышит благородным негодованием, он полон благих порывов, но ему «свершить ничего не дано». Вот почему он терпит поражение в схватке с Кречинским, хотя на его стороне правда и честь. В Нелькине сильна патриархальная закваска, ненависть к нелепым новшествам дворянской псевдокультуры. И это особенно сближает его с Муромским, человеком старозаветных устоев, яростным противником «побродяг всесветных», европеизированных обычаев и мод.

Однако недалекость и наивность помешали Муромскому разглядеть в Кречинском «всесветного побродягу», ибо он привык судить о людях только по их внешней благопристойности и богатству. Умный Кречинский сразу обнаружил эту слабую струнку и ловко на ней сыграл: породистый бычок, подаренный корыстолюбивому старику, оказался серьезным аргументом в пользу «щедрого» жениха. Образ Муромского, к которому автор относится с несомненным сочувствием, начисто лишен сусальных красок и нарисован с объективностью художника-реалиста. Сухово-Кобылин всячески подчеркивает доброту и мягкость Муромского, прячущего эти чувства под видом наружной твердости, упрямства и старческой ворчливости. Он шумно спорит с Атуевой, мечет громы и молнии, петушится, но, не имея ни воли, ни убеждений, поступает так, как хочет эта вздорная дама. Горячую, всепоглощающую любовь к дочери Муромский стремится примирить с домостроевским семейным кодексом.

При всем своем добродушии Муромский — типичный помещик-крепостник, рачительный хозяин и скопидом. Он энергично выколачивает недоимки, грозит «упечь в изделье» оброчных крестьян. В разговоре с лакеем Тишкой он обнаруживает характернейшие замашки рабовладельца. Духовные интересы Муромского крайне ограниченны: все мысли и разговоры вертятся вокруг навоза, земли, скотного двора. Приверженность к патриархальной старине сочетается у Муромского с боязнью отстать от экономических и хозяйственных новшеств своей переломной эпохи.

В образе Атуевой Сухово-Кобылин зло высмеял распространенную в дворянской среде галломанию и слепое преклонение перед мнением «света». Колокольчик, повешенный в гостиной, является для нее символом хорошего тона и подлинного аристократизма. Галломания Атуевой до такой степени комична, что даже слова «черт возьми!», произнесенные по-французски, ей кажутся верхом благозвучия и элегантности. Это жеманство не мешает ей постоянно пользоваться сочными и крепкими словцами: «Степанида Петровна такой чепец себе взбрякала». Светские причуды и ужимки Атуевой сочетаются с поразительным невежеством. Сухово-Кобылин показал социальную обусловленность характера Атуевой. Ее природные свойства извращены паразитарным существованием помещицы-крепостницы, ибо в существе своем она незлобивый и даже добрый человек, горячо любящий свою племянницу; но это именно она напичкала Лидочку глупыми предрассудками и довела до катастрофы. Душевная драма Лидочки — прямой результат уродливого дворянского воспитания, которое культивирует уважение только к внешней респектабельности и «комильфо».

Лидочка, обаятельная и наивная девушка, выросшая в оранжерейной атмосфере помещичьей усадьбы, искусственно огражденная от практической жизни, смотрела на людей глазами своей тетушки — Атуевой. Нет ничего удивительного в том, что она попалась в сети прожженного сердцееда Кречинского. Сухово-Кобылин скупо и правдиво показывает зарождение первой любви Лидочки, радостно-тревожное смятение ее чувств, страстную жажду счастья. В финале пьесы драматург с замечательным мастерством воссоздает сложный комплекс душевных переживаний Лидочки: тут и крушение любви, и боль отчаяния, и чувство оскорбленного достоинства, и великодушие женщины, спасающей от гибели своего недостойного жениха. Беря под защиту мошенника Кречинского, она бессознательно защищает самоё себя от той грязи, которая могла к ней прилипнуть. Драматург превосходно уловил это тонкое душевное движение.

Следует отметить, что Сухово-Кобылин блистательно использовал для финала «Свадьбы Кречинского» сюжетный ход из комедии «Игрок» Жена-Франсуа Реньяра (1655—1709). Морально опустившийся картежник Валер закладывает ростовщице драгоценный портрет своей невесты Анжелики, которая его изобличает в обмане и лжи. Но этот фабульный мотив талантливого французского комедиографа послужил Сухово-Кобылину основой для построения сцен, насыщенных богатейшими психологическими нюансами и драматическим напряжением.

Большим смыслом наполнена финальная фраза Лидочки: «Милостивый государь! Оставьте его! Вот булавка... возьмите ее... это была ошибка!» Слово «ошибка» очень многозначительно: Кречинский, конечно, не ошибся, он просто «оболванил» ростовщика; а жестоко и непоправимо ошиблась сама Лидочка. При первом столкновении с реальной жизнью она получила сокрушительный удар прямо в сердце, от которого она уже никогда не оправится. Из этой фразы вырастает новая Лидочка. Эта фраза также послужила сюжетным зерном для драмы «Дело».

В своем первом драматургическом опыте Сухово-Кобылин обнаружил удивительную художественную зрелость и силу. Социальная значимость «Свадьбы Кречинского», яркая типичность ее характеров, исключительное богатство и выразительность языка, блестящее мастерство композиции поразили современников. Сам автор вскоре после появления пьесы понял, что она «становится в ряд замечательных произведений литературы». М. С. Щепкин, горячий поклонник «Свадьбы Кречинского», говорил драматургу: «Небывалый, небывалый успех. Мне жаль вас — необыкновенную вы пьесу написали — другой вы такой не напишете»...[1] Однако Сухово-Кобылин, вопреки шутливому предсказанию своего друга, написал другую пьесу — «Дело», которую он считал главным и лучшим своим произведением.

* * *

Успех «Свадьбы Кречинского» окрылил Сухово-Кобылина, поверившего в свои творческие силы. «Кречинского» он рассматривал как начало обширного драматургического цикла. Летом 1856 года возникает замысел «Дела». В центре пьесы должна была находиться Лидочка Муромская; об этом свидетельствует первоначальное заглавие — «Лидочка». По мере работы над пьесой личной драме Муромской было придано резкое социальное звучание. На первый план выступила общественно-обличительная, сатирическая тема, нашедшая свое выражение и в новом, многозначительном и емком заглавии — «Дело». Пьеса также изменила свой жанровый признак, превратившись из комедии в сатирическую драму.

Автор работал над новым произведением с большим жаром и вдохновением. Осенью 1857 года пьеса была вчерне закончена. 17 сентября 1857 года он записывает в дневнике: «...В этом году сложилась вторая моя пиэса *Лидочка,* от которой я жду более, чем от *Кречинского...*»[2] Сухово-Кобылин иногда уверял читателей, что

[1] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 310.
[2] Там же, ед. хр. 222.

он сочиняет свои пьесы «шутки ради», скрепляя их на «живую нитку». Но это явно делалось из аристократического предрассудка, чтобы не прослыть профессиональным «щелкопером». На самом деле он был очень взыскательным художником. «Свадьбу Кречинского» он писал более двух лет, «уделывая» и шлифуя текст, прислушиваясь к советам актеров, внося поправки вплоть до самой премьеры. Сухово-Кобылин упорно работал над «сложившейся» пьесой «Лидочка» («Дело») в течение четырех лет, до сентября 1861 года. Это был период бурного роста освободительного движения: классовые противоречия достигли небывалой остроты, ширились крестьянские восстания, в стране ясно обозначилась революционная ситуация, и Сухово-Кобылин как писатель-реалист не мог оставаться безучастным к этим событиям.

В «Деле» и «Смерти Тарелкина» (которая начала создаваться почти одновременно) звучит смелый вызов самодержавно-полицейскому строю. Ирония и насмешка, свойственные «Кречинскому», сменяются здесь бичующим сарказмом, пафосом отрицания, клокочущим гневом сатирика-памфлетиста.

В предисловии к «Делу» (март 1862 года) автор предупреждает, что в пьесе не следует искать «намеков на лица и пикантных пасквильностей», в ней нарисована картина современной общественной жизни в ее широких типических обобщениях. В «Данностях» Сухово-Кобылин разделяет всех действующих лиц на пять категорий, образующих социальную пирамиду, которая символизирует общественное устройство самодержавной монархии. Основание и фундамент этой пирамиды составляет угнетенное, бесправное крестьянство, лишенное гражданского лица, ибо в конце 50-х годов сохраняла полную силу знаменитая формула А. Н. Радищева, что «крестьянин в законе мертв». Вот почему крепостной человек Тишка кратко охарактеризован как «не лицо». Пирамиду увенчивают «Начальства» — правящая сановная бюрократия, перед которой «сам автор безмолвствует». «Начальства» опираются на «Силы» и «Подчиненности», то есть на армию высших и средних чиновников, приводящих в движение государственную машину, размалывающую и дробящую человеческое сырье, выразительно названное «Ничтожествами, или Частными лицами». Автор дополняет эту смело заостренную социальную схему краткими характеристиками действующих лиц, сделанными с гоголевской меткостью и под несомненным влиянием «Замечаний для гг. актеров» из «Ревизора».

Сюжетным ядром «Дела» является смертельная схватка «Ничтожеств, или Частных лиц» с «Начальствами» и «Силами», причем этой борьбе придано исключительное драматическое напряжение —

она раскрывает характеры и обнажает их типическую сущность, она составляет идейный пафос пьесы. В качестве «Ничтожеств» выступают, наряду с Иваном Сидоровым, Муромский, Лидочка, Нелькин. Автор показывает, как в горниле страданий закалились и возмужали их характеры. Катастрофа, разразившаяся над Муромским, пробудила дремавшие в нем силы. В столкновении человечности с варварством он неожиданно прозрел и как бы впервые увидел тот страшный мир, который он всячески поддерживал и который ему казался вполне благоустроенным и справедливым, потому что он смотрел на него из окон своей барской усадьбы. Но когда этот благонамеренный патриархальный помещик почувствовал на своем горле железные пальцы самодержавного государства, когда он превратился в беззащитную, гонимую жертву произвола, с ним произошла разительная перемена: он стал страстным обличителем и борцом. Борьба эта носит по преимуществу морально-этический характер. Но Муромский, отстаивая свои права человека и любящего отца, объективно делается горячим поборником справедливости и врагом насилия.

Муромский, яростно ненавидя правящую бюрократию царской России, не теряет веры в личность самого царя, к которому он взывает в порыве бессильного отчаяния. Этот реалистический штрих в характере героя, несомненно, художественно обусловлен социальной биографией Муромского; и вместе с тем он, в известной мере, связан с монархическими иллюзиями самого Сухово-Кобылина.

Драматические события «Дела» разыгрываются в Петербурге, выдержанном в колорите гоголевских повестей. Столица империи предстает в своем бездушно-холодном, бюрократическом облике, глубоко враждебном простому человеку. За парадными фасадами ее министерств и департаментов каждодневно совершаются злодеяния «под сению и тению дремучего леса законов». В «капканы» и «волчьи ямы правосудия» попадается не только бесправный народ, но и такие люди, как Муромский, представляющий собой источник для безнаказанного грабежа. Обличительный, гневный рассказ Ивана Сидорова о посещении архивзяточника, «Ваалова идола» — Крека и поразительное по своей социальной остроте письмо Кречинского об универсальном значении взятки бросают яркий свет на сущность царской юстиции и предваряют трагические перипетии той борьбы, в которую вступил Муромский. В первом, экспозиционном акте выясняются подробности чудовищного судебного фарса, подготовляемого против Лидочки. Из красочного рассказа Атуевой возникает галерея внесценических персонажей, стоящих между генералом Варравиным и Муромскими. Это целый легион

паразитов, вымогателей, сводников, стряпчих, помпадурш, стремящихся урвать кусок с бессильно барахтающейся жертвы.

В последующих актах «Начальства», «Силы» и «Подчиненности» предстают в своей деловой, повседневной практике. Департамент генерала Варравина имеет на первый взгляд весьма благообразный и мирный вид. Франтоватые чиновники заглушают скрип гусиных перьев рефренами из модных опер. Здесь, как в гоголевском «Утре чиновника», рассуждают о достоинствах итальянских певцов. Тарелкин, распевающий романс из «Любовного напитка», чем-то напоминает Хлестакова, насвистывающего из «Роберта-Дьявола». Но под этим невинным обличием скрываются грязь, гниль, звериная злоба, бешеная жажда наживы. В «дружной» чиновничьей семье царят взаимная зависть и ненависть. Тарелкин, Живец, Чибисов и Ибисов, Шерц и Шмерц похожи на пауков в банке, готовых пожрать друг друга. Сухово-Кобылину удалось с великолепным пластическим искусством вылепить конкретные до осязаемости фигуры чиновников. Каждый из них наделен запоминающейся внешностью; у каждого своя индивидуализированная психика, свой говор, своя интонация и повадка. И вместе с тем они внутренне объединены одними пороками, они неисцелимо больны одним и тем же страшным социальным недугом. Вот почему автор подчас скрещивает их гнусавые голоса в один зловещий хор, автоматизирует их движения, нарочито нивелирует и превращает в некоего спрута, присасывающегося всеми своими щупальцами к очередной жертве.

Среди второстепенных действующих лиц «Дела» выделяется необыкновенной выразительностью портрет экзекутора Живца. Это ехидная, злобная и удивительно пакостная личность. Живец — один из самых «ревностных» и «усердствующих Престол-Отечеству» чиновников. Его сразу оценил сам министр. Живец говорит на тарабарском, мертвом канцелярском жаргоне, из которого в течение целых десятилетий выхолащивалась живая мысль, который высыхал и плесневел в департаментах самодержавной России. У Живца, «знающего службу», феноменальный нюх на любую гнусность. Чтобы угодить начальству, он сразу «догадывается», что от умирающего Муромского пахнет «спиртуозностию». Раболепство уживается в нем с наглым хищничеством. При дележе украденных денег Муромского он по-шакальи визжит на матерого волка Варравина и силком вырывает «пук ассигнаций». Потом снова сгибается в три погибели и облизывает руку хозяина.

К категории «Сил» принадлежит Кандид Касторович Тарелкин — один из оригинальнейших образов русской классической драматургии. По первоначальному плану Сухово-Кобылина

Тарелкин был задуман как вариант гоголевского Хлестакова, действующего в новых общественных условиях. В дневниковых записях он именуется Хлестаковым, в рукописной копии пьесы он называется Розалионом Касторовичем, имеет чин камер-юнкера и «многие знаки отличия». В окончательной редакции текста драматург отказался от переосмысления классического литературного типа, наделив, однако, своего героя некоторыми чертами хлестаковщины. Автор лишил его также камер-юнкерского звания и легкомысленного имени «Розалион».

На всем облике этого дворянина-чиновника лежит нестираемая печать дегенератства и социального вырождения. Он, по словам Нелькина, похож на затасканную канцелярскую бумагу: «Сам он бумага, лоб у него картонный, мозг у него из папье-маше... это особого рода гадина, которая только в петербургском болоте и водится». Тарелкин — хищник, у которого выпали зубы, но остались все хищнические аппетиты и повадки. Все существование Тарелкина отмечено какой-то призрачной двойственностью. Этот влиятельный чиновник выманивает у Варравина жалкие подачки, получает от немца-портного плевки «в рожу». Завсегдатай итальянской оперы и ресторана Палкина, он спасается от кредиторов, гоняющихся по его пятам. Великолепно первое появление Тарелкина в доме Муромских: его выплеснула улица, по которой он пробирался невидимкой, закутавшись в свой «тарантас». Голос из-за сцены дает ему выразительную характеристику: «Я вас на дне помойной ямы достану, чтобы сказать вам, что вы свинья...» Место Тарелкина в помойной яме, а он мечтает дорваться до выгодного места, чтобы «с мертвого снять шкуру». В нем клокочет целая буря вожделений, но он не обладает ни страшной хваткой Варравина, ни изворотливостью Живца. В «деле» Лидочки Тарелкин обнаруживает ту крайнюю степень цинизма и подлости, за которые его ценит Варравин. Никто лучше его не подстраивает капканы и «распутие» процесса, но за все свои старания этот неудачник получает лишь обглоданную кость.

Аморальность Тарелкина не имеет никаких пределов: он готов совершить любое преступление, но в его жизни фатально отсутствуют «Сила да Случай», поэтому он не может воспользоваться их плодами. Негодяй, страдающий от избытка подлости и не способный применить ее с максимальной для себя выгодой, — вот трагикомическое противоречие тарелкинского характера. На этом мотиве построен его «философский» монолог в финале пьесы. Оскорбленный, смертельно обиженный Тарелкин, готовый «запалить» весь «постылый свет», тем не менее является верной опорой реакции. Он инстинктивно ненавидит вольнодумца и «карбона-

рия» — чиновника Шило. В этой звериной вражде к честным, порядочным людям он не одинок. Его поддерживает вся департаментская клика: «Чибисов. ...с удовольствием бы повесил. — Ибисов. А я бы веревку купил».

Но правду невозможно повесить. И Касьян Касьянович Шило смело высказывает свое презрение к Тарелкиным. Шило — критически мыслящий разночинец, подобно Жадову из «Доходного места» Островского, противопоставлен темному варравинскому царству. Шило одинок, жизненный путь его тяжел и тернист, но он не свернет с него, несмотря на все трудности. Положительный образ Шила недостаточно разработан драматургом. Но эта эпизодическая фигура знаменует собой зреющий протест и в самих недрах чиновничества.

Категорию «Сил» возглавляет «действительный статский советник при звезде» Максим Кузьмич Варравин. От одной его странной фамилии веет чем-то зловещим. Она связана с именем легендарного разбойника Варравы, и вместе с тем она воспринимается как анаграмма слова «варвар». Образ Варравина написан с гоголевско-щедринским размахом и мастерством. Сухово-Кобылин сообщает в «данностях», что «Природа при рождении одарила его кувшинным рылом. Судьба выкормила ржаным хлебом; остальное приобрел сам». Эта краткая характеристика сразу заставляет вспомнить чемпиона взятки — Ивана Антоновича Кувшинное рыло из «Мертвых душ» и Городничего, «начавшего тяжелую службу с низших чинов». Варравин медленно поднимался по иерархической лестнице и достиг генеральского чина, освоив все пороки и преступления во всех формах и оттенках, которые они принимают на разных ступенях служебной иерархии: «Голого взял меня Антон Трофимыч Крек, да и мял... и долго мял... все терпел... в чулане жил, трубки набивал». Это типичная биография. Точно так же начал свою карьеру Юсов из «Доходного места» и многие другие из той огромной «корпорации разных служебных воров и грабителей», о которых писал еще Белинский в письме к Гоголю. Для Варравина идеалом житейской мудрости является Крек, который «никого не боялся, несказанное вершил», выжимал из пота и крови груды золота. (Кстати сказать, этот внесценический персонаж, сотканный из рассказов Ивана Сидорова и Варравина, воспринимается как яркий, полнокровный образ, и это еще раз свидетельствует об исключительном словесном мастерстве Сухово-Кобылина). Варравин, прошедший школу Крека, не только ни в чем не уступает своему наставнику, но даже превосходит его. Он такой же беспощадный изверг и кровосос, но его зверство приобрело более утонченный, изощренно-садистический характер.

Эпоха реформ и либерализма принудила его грабить с элементарной «вежливостью». Грубое и ничем не прикрытое насилие Крека, который просто «зазирал в пазуху» просителя и «рявкал» на него, Варравин осложнил изуверским ханжеством и «деликатностью» обхождения. Варравин приспособлялся к новым условиям так же, как это будут делать Черемухины и Птицыны из «Разоренных» Г. Успенского — очерков, высоко оцененных Сухово-Кобылиным.[1]

В сценах с Муромским Варравин с непостижимым цинизмом издевается над своей жертвой. Он лжет, фарисействует, впадает в фальшиво-задушевный тон, прикидывается ревностным служителем правосудия, озабоченным «воплями угнетенных собратов», опутывает несчастного старика паутиной мертвых слов: («обоюдоострость и качательность» дела), ставит ему капканы, глумится над ним. Паясничая и балагуря, Варравин, однако, неумолимо теснит старика, вымогая у него тридцатитысячную взятку. Непревзойденным образцом лицемерия и гнусного кривлянья Варравина являются его знаменитые «поиски истины»: *(Оборачивается и ищет истину.)* Где она? Где? Какая темнота! Какая ночь! И среди этой ночи какая обоюдоострость!» В сценах с князем и министром Сухово-Кобылин раскрывает в своем герое лакейское пресмыкательство и трусость, всегда являющиеся оборотной стороной палачества.

Варравин с находчивостью опытного провокатора фабрикует версию безумия Муромского: «несвязность в речах и черножелчие». Этот убийца в генеральском мундире с радостью загнал бы всех честных и протестующих людей в сумасшедший дом, в варравинскую палату № 6. Сухово-Кобылин несколькими выразительными штрихами подчеркивает, что Варравин жесток не ради жестокости, что он грабит не из любви к искусству: этот бюрократ с инквизиторскими замашками накопляет золото для того, чтобы достойно завершить свою деятельность на ниве капиталистического предпринимательства. Дух времени подсказывает ему, что это и выгодней и спокойней. Будучи неглупым человеком, он понимает, что никто его — «хорошего христианина» — не будет спрашивать, на чьи деньги он купил поместье и «поставил сахарный завод». В буржуазно-помещичьем обществе такие вопросы задавать бестактно.

---

[1] «На просителей они в действительности вовсе не накидывались, а напротив — шепотком, потихонечку разговаривали с ними... денег у них не выхватывали, а принимали их тогда, когда просители долго перед этим ползали на коленях и умоляли» (Г. Успенский. Сочинения, т. III. Изд. Академии наук СССР, 1941, стр. 41—42).

Сухово-Кобылин всем ходом драмы показывает, что Варравин, при всем своем уродстве, не представляет собой из ряда вон выходящее явление. В нем лишь нашли наиболее характерное воплощение волчьи законы самодержавного строя. На Варравиных, «рабочих колесах» государственной машины, держится вся система управления, возглавляемая «Весьма важными» и просто «Важными» лицами; варравинский разбой совершается с их полного одобрения и согласия, ибо он составляет сущность насильнического режима. Сухово-Кобылин с огромным сарказмом и памфлетной злостью изобразил высших сановников империи. Это безмерно жестокие люди, которым совершенно не доступно ни чувство сострадания, ни чувство элементарной справедливости. Больше того, они бахвалятся своей бесчеловечностью. Когда князю говорят о страданиях, он отвечает, что их рассматривает «Врачебная управа»; когда ему говорят о молитве, он отвечает, что «молитва относится к богу»; когда ему доказывают свою невиновность, он отвечает, что именно «невинному и оправдываться, а виновный не оправдается»; когда ему говорят об ощущениях сердца, он отвечает: «мы, сударь, обязаны не ощущать, а судить»; когда он слышит голос протеста, он грозит «согнуть в бараний рог» и отправить за «бунт» в тюрьму. Глумление над человеческим достоинством является для князя критерием начальнического престижа. Всякий проситель, раз обстоятельства принудили его просить, с точки зрения князя, — назойливая муха, ничтожество, нуль, над которым не только можно, но должно издеваться. Эту «теорию» твердо усвоила вся чиновничья клика, вплоть до курьера Парамонова, также берущего с просителей взятки и пускающего в ход кулаки. Ледяное равнодушие к судьбам миллионов людей сочетается у князя, как и у всякого деспота-самодура, с патологическим себялюбием. Состоянием княжеского желудка озабочено все министерство, ибо от него зависит гнев или милость мнительного помпадура. Воинствующая подлость часто прячется под маской лицемерия, и Сухово-Кобылин с щедринским мастерством нарисовал лицемерную личину князя. Игрок, пресыщенный развратник, любитель «клубнички» выступает в качестве блюстителя морали!

Еще большую жестокость, еще большее презрение к людям проявляет начальник князя — «Весьма важное лицо». В вопиющем деле Муромского его неприятно поразили только лишь шум и беспорядок в департаменте. Для министра полицейского государства важнее всего внешняя форма, казарменный порядок, гробовая тишина. Раз она нарушена криком умирающего просителя, то виноват, конечно, проситель. От него, вероятно, пахнет «спиртуозностию»,

следовательно, его надо выбросить за дверь, и порядок водворится снова. Такова мораль насильника, стоящего у власти.

Сухово-Кобылин через судьбу Муромских показал абсолютную беззащитность «Ничтожеств, или Частных лиц» перед самодержавным государством, чьи законы также бесчеловечны, как и исполнители законов. Драматург отвергает старую формулу В. В. Капниста, провозгласившего в комедии «Ябеда», что «законы святы, но исполнители — лихие супостаты». Устами Нелькина он разоблачил мнимую «святость» законов: «...старый шут Закон, расшитый по швам, разряженный в ленты и повесивший себе на шею иудин кошель». Иван Сидоров уже давно на практике постиг эту истину, а помещику Муромскому понадобились годы тяжелых мытарств, чтобы освободиться от многих иллюзий. Горе соскребло с него ржавчину предрассудков и самодовольства, и на первый план выступили хорошие свойства его натуры: гуманность, простота, мужество.

Сухово-Кобылин с большим искусством изобразил те глубокие перемены, которые произошли в физическом и духовном облике Муромского. Перед нами сломленный несчастьем, одряхлевший старик. Ничего не осталось от его дворянского гонора. Он с задушевной простотой относится к своему приказчику Ивану Сидорову и учится у него уму-разуму. В первой половине пьесы Муромский похож на забитого крестьянина, попавшего в чужой, враждебный город, кишащий разбойниками. Отсюда его трогательная беспомощность и комическая путаница в изложении «дела». (Этот диалог внешне напоминает знаменитую сцену суда из средневекового французского фарса «Адвокат Патлен», но Сухово-Кобылин придал ему подлинно трагедийное звучание.) Но непосредственное столкновение с властями, борьба за спасение страстно любимой дочери, обличительные речи Нелькина, беседы Ивана Сидорова, дышащие гневом против насилия, — все это способствовало духовному росту Муромского.

В сценах с Варравиным и князем (III и V акты) развертывается поединок между гуманностью и бесчеловечностью, между правдой и мертвой казуистикой. Исход этого поединка, поднятого драматургом до высокого трагизма, предрешен уже тем, что носителем добра и справедливости является «Ничтожество, или Частное лицо», а воплощением зла — правящая бюрократия. Однако смерть Муромского означает в то же время его моральную победу. Этот старый суворовский солдат, принимавший «француза на грудь», умер как боец. Правда «хлынула у него изо рта... вместе с кровью и дыханием». Накопившееся негодование взорвалось с потрясающей силой. Совершенно изумительны переходы от обороны к напа-

дению, от увещеваний и просьб к пламенному протесту, яростному гневу, моральному уничтожению своих врагов.

Духом протеста отмечена жизнь Лидочки — одного из обаятельнейших женских образов классической драматургии. Сухово-Кобылин с тонким психологическим мастерством рисует ее духовное возмужание, растущие внутренние силы. Печальный жизненный опыт подсказал ей новый взгляд на светское общество, под вылощенной оболочкой которого она увидела гниль и фальшь. Суровое опрощение Лидочки — это один из видов борьбы против культа внешней формы, к которому ее приучали с детства. Отсюда ее презрительное равнодушие к сословным предрассудкам, к сплетням и толкам вокруг «дела», отсюда новое понимание нравственного долга.

Если Муромский, Нелькин и Лидочка критикуют самодержавно-чиновничий строй с морально-этических позиций, то Иван Сидоров Разуваев обличает его с позиций разночинства и крестьянской демократии. Чрезвычайно велики идейная значимость и новизна образа Ивана Сидорова. Сухово-Кобылин рисует его как человека, вышедшего из народа и связанного с ним кровными узами (ходок от «общества, от миру»). Вместе с тем автор идеализирует патриархальные отношения между Иваном Сидоровым и помещиком Муромским. Острая новизна образа Ивана Сидорова состоит в том, что в качестве критически мыслящей личности, учителя жизни, проповедника и обличителя выступает простой мужик, едва «поднявшийся от подошвы». Противоречия его характера обусловлены противоречивостью крестьянской массы, порождением которой он является. Сила реализма Сухово-Кобылина сказалась и в том, что его положительный герой не стал «рупором автора». Перед нами живой, борющийся человек, наделенный изворотливостью, народной сметкой, крестьянским практицизмом, религиозностью и даже резонерством. Вековая народная ненависть к чиновничьему произволу нашла яркое выражение в речах Ивана Сидорова, насыщенных гневом, скорбью, язвительным остроумием. Он видит в представителях государственной власти лютых врагов родины, не менее опасных, чем полчища интервентов: «Было на землю нашу три нашествия: набегали татары, находил француз, а теперь чиновники облегли». В сознании религиозного старообрядца Ивана Сидорова обобщенный тип чиновника — злодея «с пряжкой за беспорочную службу» — предстает в облике Антихриста. От него «все скорби наши, труды и болезни... глад и моры», иначе говоря, государство — виновник всех бед народных. Возмущение, клокочущее в массах и готовое каждую минуту вылиться наружу, принимает в устах Ивана Сидорова мистифициро-

ванную форму «светопреставления», оно «уже близко». Здесь под религиозной оболочкой таится мысль о неизбежной расплате за насилия и притеснения. Вместе с тем Иван Сидоров, отражая непоследовательность и слабость крестьянской идеологии, проповедует христианское смирение и кротость. В статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» В. И. Ленин писал: «Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого!» [1]

«Дело» Сухово-Кобылина — это грозный обвинительный акт против всей правительственной системы полицейского, бюрократического государства, это сокрушительный удар по самим устоям режима.

* * *

«Смерть Тарелкина» была задумана Сухово-Кобылиным как непосредственное продолжение «Дела». Она, по словам автора, имела «своим мотивом последний монолог Тарелкина в драме «Дело». План новой комедии возникает одновременно с завершением чернового варианта «Дела». В дневниковой записи от 17 сентября 1857 года мы читаем: «Завязалась мысль новой маленькой пиэски *Хлестаков, или Долин».* [2] А 5 октября того же года автор сообщает: «Написал две сцены из *Хлестакова.* Принялся за «Лидочку». [3] Таким образом, работа над двумя произведениями идет одновременно.

Сухово-Кобылин писал «Смерть Тарелкина» с перерывами около одиннадцати лет. Об исключительной тщательности работы над текстом свидетельствуют хотя бы хранящиеся в Центральном государственном литературном архиве многочисленные варианты финального монолога Тарелкина. Несколько раз менялись заглавия пьесы: «Хлестаков, или Долги», «Великий день», «Расплюевская механика», и только в 1869 году определилось окончательное заглавие — «Смерть Тарелкина» — мрачно интригующее и неожиданное в соединении с подзаголовком — «Комедия-шутка в трех действиях». Этим подзаголовком драматург стремился не только сбить с толку цензуру, но и предупредить читателя, что его ожидают необычайные происшествия. Исключительность и невероятность сюжета подчеркивается вихревой стремительностью действия, детективной интригой, обилием фарсовых и гротескных эпизодов, водевильных трюков и переодеваний.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 184.

[2] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 222.

[3] Там же.

Драматург мастерски пользуется приемами смелых преувеличений, резкого заострения характеров, сгущения сатирических красок для более полного изобличения варравинско-расплюевского царства. При всей необычности сюжета Сухово-Кобылин ни на минуту не покидает почву реальности. В примечаниях к «Смерти Тарелкина» он пишет, что нельзя заслонять комедийной динамикой самого главного — «действительной жизни», изображенной в пьесе. Творческая фантазия Сухово-Кобылина питалась не только воспоминаниями о николаевском режиме, но и живыми наблюдениями над пореформенными порядками, мало отличавшимися от дореформенных. В. И. Ленин писал: «Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало».[1] По-прежнему жестоко подавлялась свободная мысль, на которую, по выражению Сухово-Кобылина, был надет «пожизненный намордник». После выстрела Каракозова в Александра II (1866 год) начался безудержный разгул реакции и полицейского террора, отзвуки которого так явственно слышны в замечательной пьесе Сухово-Кобылина.

Для «Смерти Тарелкина» характерно сочетание внешней анекдотичности с огромной внутренней правдой и трагизмом. В этом смысле она родственна художественному методу «Ревизора» и «Мертвых душ». Если авантюра Чичикова построена на купле-продаже мертвецов, то мнимая смерть должна была стать для Тарелкина источником шантажа и обогащения. Тарелкин такой же замаскированный преступник, как и Чичиков. Тарелкин действует в такой социальной среде, в которой давно потеряны всякие представления о нравственности. Варравин с потрясающим цинизмом восклицает: «Что-о-о? Нравственное чувство? А это что за настойка? На каких ягодах? Деликатесы какие». Столкновение Варравина с Тарелкиным, лежащее в основе пьесы, есть не что иное, как грызня двух хищников: сильного и слабого, и победа, естественно, остается за сильным. Вместе с тем, Сухово-Кобылин подчеркивает крупный изъян в варравинской силе, незыблемой только снаружи. Изнутри она непрочна, зыбка, призрачна. Лишившись бумаг, похищенных Тарелкиным, Варравин может лишиться всего: чина, почестей, богатства. Не случайно обанкротившийся Тарелкин и стоящий на краю банкротства генерал Варравин пользуются в своей борьбе защитными масками: один принимает облик и фамилию надворного советника Копылова, другой превращается в инвалида,

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 65.

капитана Полутатаринова, заискивающего перед квартальным надзирателем. Эта двойная трансформация не только блестящий театральный прием, она характеризует внутреннее бессилие людей, чья жизнь связана с преступлением и страхом перед возмездием.

Мнимая смерть Тарелкина и начатое по этому поводу следствие дали возможность Сухово-Кобылину показать с необыкновенной смелостью и талантом чудовищный механизм полицейского государства. Застенок пристава Оха и орудующий там Расплюев приобретают под пером сатирика значение мрачного символа свирепой жестокости и необузданного произвола. Поистине гениален замысел драматурга сделать шулера Расплюева блюстителем законности и порядка! В этом есть неопровержимая логика: насильнический режим нуждается в преступниках и проходимцах, облеченных полнотой власти. Карьера Расплюева закономерна и типична.

Вспомним щедринских градоначальников Ламврокакиса — «беглого грека без имени и отчества» или бывшего денщика Фердыщенко. Сухово-Кобылин с афористической яркостью определяет сущность деспотического строя, при котором пышным цветом расцветает «расплюевщина». Вот как Варравин объясняет Мавруше права генерала: «Генерал значит, что я могу тебя взять и в ступе истолочь». Не менее обширны права следователя. Пристав Ох торжественно провозглашает: «Следователь может всякого, кто он ни будь, взять и посадить в секрет». Этот варварский кодекс приводит в восторг Расплюева, всю жизнь боявшегося попасть в «секрет» и получившего, наконец, неограниченную возможность сажать туда других: «...вот этих петличек дрожал, а теперь меня дрожать будут! Раболепствовать будут!»

Генерал Варравин с первого взгляда оценил в Расплюеве человека, не знающего удержа в своих низменных инстинктах, лютой жестокости и страсти к насильничеству. Эти черты были свойственны Расплюеву и в эпоху его упадка («Свадьба Кречинского»), но они были завуалированы. Шулер, получавший в «двадцать четыре часа по две трепки», мог только втайне мечтать о том, чтобы «пиршествовать» и «свое неудовольствие оказывать». В «Смерти Тарелкина» Расплюев, дорвавшийся до власти, раскрыл свой характер во всей его гнусной наготе.

Портрет Расплюева поражает яркостью и сочностью красок, острой выразительностью каждой детали. В сцене «поминок» по Тарелкину драматург с неподражаемым юмором изобразил патологическое обжорство Расплюева, причем эта сцена, насыщенная элементами народного фарса, введена не для внешнего комизма. Сказочный аппетит Расплюева — один из определяющих стимулов его жизненного поведения: он раб своего ненасытного желудка

«особой конструкции, не то что волк, а волкан, то есть три волка». Тем не менее интересы «волкана», при всей их непомерности, не могут поглотить всю бешеную энергию, обуревающую квартального надзирателя. Он жаждет наград, богатства и славы охранителя общественного спокойствия. И драматург показывает, с какой сокрушительной силой развернулся Расплюев в роли следователя. С каким упоением он позвякивает кандалами, загоняет в «темную», «арканит зверя», «держит в томлении», командует экзекуцией, производимой заплечных дел мастерами Качалой и Шаталой — прямыми наследниками Держиморды и Свистунова. Здесь оживает и гоголевский уездный лекарь Христиан Иванович Гибнер под не менее выразительной фамилией Унмеглихкейт.[1] Сей ученый муж подтверждает авторитетом медицины «гуманность» допросов, которые «вкатывает» Расплюев под руководством Оха и Варравина, причем все это происходит не в уездном городе, откуда «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», а в самом Петербурге. Но духовное одичание охватило всю империю, от столицы до бывших вотчин Сквозник-Дмухановских. Расплюев и Ох поверили в то, что Тарелкин «оборотень, упырь, вурдалак» потому, что они сами и их покровители — не кто иные, как вурдалаки в чиновничьих мундирах. Им везде чудятся оборотни: «все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей». Расплюев, вошедший в раж, хочет «вкатить предложение правительству» о поголовной проверке «всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли? Нет ли при них жал и ядов?» Чрезвычайно важно, что полицейский энтузиазм Расплюева, несмотря на его абсурдно-комическую форму, выражает сокровенные намерения царского правительства и реакционной, охранительной прессы в их борьбе с «крамолой».

Истошный расплюевский вопль: «Все наше! Всю Россию потребуем!» — представляет собой реальную угрозу для всех честных и порядочных людей самодержавной России. В. И. Ленин писал: «Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции».[2] Расплюев с кнутом в руках вырастает в зловещий символ беспощадного насильника, которому отдана на поток и разграбление вся страна. Не случайно к инквизиторскому следствию «оборотня» Тарелкина Расплюев привлекает представителей различных классов общества. Тут и помещик средней руки Чванкин, с которого Качала и Шатала быстро сбивают дво-

---

[1] Unmöglichkeit — невозможность *(нем.)*.
[2] В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 6, стр. 334.

рянскую гордость. И купец Попугайчиков — потомок гоголевского «купчишки Абдулина», не догадавшегося прислать городничему новую шпагу. Характерная деталь, очень остро подмеченная драматургом: Попугайчиков вообразил, что эпоха «великих реформ» освободила его от вымогательств полиции, но Расплюев, потребовав его в «секрет», рассеял эту иллюзию. Порядки, царившие при Сквозник-Дмухановском, сохранили свою полную силу и в новые, либеральные времена. Этот тезис с гоголевским блеском выражен в финале II акта:

«Расплюев. ...нет, говорит, шалишь, прошло ваше время! А в чем же, Антиох Елпидифорыч, наше время прошло?

Ох *(подстегивая шпагу)*. Врешь, купец Попугайчиков, не прошло еще наше время! *(Расплюев подает ему треуголку — оба выходят в необычайном духе)*».

Для того чтобы внушить простому люду страх и трепет перед полицией, в расплюевском застенке садистически глумятся над прачкой Людмилой, мучают и избивают дворника Пахомова, причем допрос о том, «оборачивался ли Копылов в зверя или скота какого?», может смело соперничать с процессом ведьм в эпоху средневековья. Это имеет глубокий разоблачительный смысл. Трагикомическая нелепость допроса вызывает одновременно чувство негодования и смеха. Смешное рождается из столкновения инквизиторской мистики следователей со здравым смыслом «свидетелей». Отсюда яркий комизм реплик Пахомова и Людмилы, наивная по форме, но в существе своем уничтожающая насмешка над властями, разыскивающими «вурдалаков». Трагизм этих великолепных сцен заключается в том, что в условиях государственного произвола горячечный бред полицейских провокаторов становится «законным» поводом для разнузданной травли беззащитных людей.

Образ Расплюева — высшее достижение драматургического гения Сухово-Кобылина. Этот образ, ставший нарицательным, отличается широкой социальной типичностью. С ним связаны кровными узами щедринские «Ташкентцы», для которых вся вселенная «есть страна..., где бьют по зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре». От Расплюева протягивается живая нить к Мымрецову («Будка» Г. Успенского) с его знаменитой формулой «тащить» и «не пущать». Расплюевский дух живет и в чеховском унтере Пришибееве.

Салтыков-Щедрин неоднократно указывал на исключительную живучесть и типичность «расплюевщины». В третьем (запрещенном цензурой) «Письме к тетеньке» (1881 год) Щедрин рисует дальнейшую эволюцию бывшего шулера. Расплюев выступает в роли активного участника «Общества частной инициативы спасения»,

под которым сатирик разумел черносотенную, конспиративно-террористическую «Священную дружину», созданную в начале 80-х годов для борьбы с революционным движением. Шпионская деятельность Расплюева была оценена по достоинству: он получил орден, стал статским советником и делопроизводителем комиссии «Оздоровления корней». Это типичная карьера предателя — неизменного спутника реакции и мракобесия.

Беспощадно бичуя насилие в его неприкрытой форме, Сухово-Кобылин наносит также удар пособникам полицейского режима, рядящимся в либеральные одежды. В «Смерти Тарелкина» драматург с памфлетной злостью высмеивает либералов 60-х годов, которые славословили реформы, прикрывали пустопорожними фразами всяческие гнусности, творившиеся в стране, и в конечном итоге идеологически оправдывали правительственный террор. Драматург гениально пародирует высокопарный стиль либеральствующих краснобаев, издевается над их пошлыми разглагольствованиями о филантропии, гуманности, прогрессе, эмансипации женщин. Сухово-Кобылин очень тонко уловил существенное свойство либералов — стремление приспособиться к «новым веяниям», крикливо их рекламировать, забегать вперед, выказывать ревностность и энтузиазм: «Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва заслышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит вперед!.. Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади!..» Характерно, что в образе либерала выступает такая растленная личность, как Тарелкин. Его заупокойная речь (действие I, явление XV) является подлинным сатирическим шедевром, заставляющим вспомнить некоторые страницы Салтыкова-Щедрина, посвященные разоблачению либералов и «прогрессистов-энтузиастов».

Мрачный колорит «Смерти Тарелкина», отсутствие в ней положительного героя, безнаказанность Варравина и Расплюева дали повод некоторым исследователям упрекать Сухово-Кобылина в скептицизме и в отсутствии гуманности. Это большое заблуждение. Если бы автор «наградил добродетель» и «наказал порок», он отступил бы от жизненной правды. В реальной действительности Варравины и Расплюевы еще долго продолжали благоденствовать. Драматург нанес им, так же как и породившему их строю, сокрушительный удар. Гневный, сатирический смех, казнящий «расплюевщину», — вот положительный герой «Смерти Тарелкина».

По своим политическим взглядам Сухово-Кобылин расходился с идеологами революционно-демократического лагеря. Он враж-

дебно относился к идее революции, хотя еще в 60-х годах сознавал неизбежность «социального переворота» в России. Отрицание многих установлений самодержавной монархии сочеталось в нем с игнорированием творческой энергии народных масс. Но в реалистической драматургии Сухово-Кобылина ярко отразилось народное недовольство существовавшим общественным строем.

Н. А. Добролюбов, анализируя специфику художественного творчества, писал: «Нередко даже в отвлеченных рассуждениях он [художник] высказывает понятия, разительно противоположные тому, что выражается в его художественной деятельности... Собственный же взгляд его на мир, служащий ключом к характеристике его таланта, надо искать в живых образах, создаваемых им».[1]

Эти проницательные слова Добролюбова могут быть полностью отнесены к Сухово-Кобылину, чьи «живые образы» свидетельствуют о том, что драматург-сатирик, по объективному характеру своего творчества, примыкал к прогрессивным силам русской литературы, к великим художникам критического реализма.

* * *

Сухово-Кобылин был выдающимся мастером литературного языка, поражающего богатством красок, меткостью и выразительностью. Драматург обладал исключительно острым чувством слова, все оттенки которого он улавливал внутренним слухом большого художника. Оно было для него «весомым» и «зримым». Тарелкин в «Деле» говорит: «...богат. И слово-то какое увесистое, точно оно на вате: богат».

Сухово-Кобылин придавал огромное значение слову, через которое раскрывается идейный и художественный смысл произведения. В примечаниях к «Смерти Тарелкина» он строго наказывает актерам: «Особливо *текст* должен быть выучен твердо и произноситься явственно и *рельефно*, в противном случае... *слова*, то есть самая суть дела, могут оставаться для зрителей неуловимыми, так что вместо действительной жизни перед ними будет совершаться известного рода *суматоха*». Следовательно, реалистическое воспроизведение «действительной жизни» неразрывно связано с реализмом языка. Богатейшая речевая культура трилогии обусловила неповторимое художественное своеобразие и обобщенную типичность ее действующих лиц. Каждый из них говорит на своем, ярко индивидуализированном языке, соответствующем его психическому складу, социальной принадлежности, профессии, уровню культуры.

---

[1] Н. А. Добролюбов. Литературная критика. ГИХЛ, 1935, стр. 47.

Изучая общественную жизнь своей эпохи, Сухово-Кобылин внимательно вслушивался в ее многообразную речь. Когда цензор, шокированный лексикой «Свадьбы Кречинского», спросил: «Где это вы слышали такие слова и выражения, какие вы приводите в этой пьесе?», драматург ответил: «Везде, в публике, в народе».[1] Общенародная речь была главным источником литературного языка Сухово-Кобылина.

Речь трилогии дана в живой динамике. Ее лексический и интонационный строй чутко фиксирует различные душевные состояния и перемены в судьбах героев. Так, например, в «Свадьбе Кречинского» язык Муромского — богатого помещика изобилует, наряду с хозяйственными формулами, властно-самоуверенными, насмешливыми интонациями: «Пошел, болван, в свое место!», «Он чего смотрит?», «Брюхо-то ростит!», «Кто в долгу, тот мне не зять», «Эй ты, Тишка, помонарь пустой колокольни!» В драме «Дело» у затравленного чиновниками Муромского резко меняется строй речи. Она приобретает колорит народного сказа: «Налетело воронье, набежали воры, запалили дом, растащили достояние...» Во второй половине пьесы язык протестующего Муромского насыщается огромной энергией, эмоциональностью, ораторской патетикой: «Нет, чиновник, я в сердце ранен! Дочь я свою защищаю, мою честную дочь, преданную публичному поруганию суда...», «Я ведь не петербургская кукла; я вашей чиновничьей дрессировки не знаю... Нет у вас правды! Суды ваши — Пилатова расправа...»

Язык Расплюева также претерпевает эволюцию сообразно тем жизненным обстоятельствам, в которых он действует: в «Свадьбе Кречинского» положение деклассированного дворянина подчеркивается пестротой языка, в котором самым причудливым образом скрещиваются элементы культурной речи с жаргонными «блатными» словечками и библейскими метафорами. Образ шулера-неудачника и приживала раскрывается в характернейшей лексике, сотканной из жалоб, подобострастия, фиглярства и юмора висельника. В «Смерти Тарелкина» низменная, животная сущность Расплюева — полицейского громилы — ярко проявляется в его речи — грубой, тупой, наглой, торжествующе-хамской и вместе с тем угодливо-холуйской: «А что тело? Навоз, потроха одни», «Качала, Шатала! Съаркапь ты мне этого зверя, съаркапь!», «Качай его, злодея, да и только. Вы прикажете мне — я заморю», «Вот ты у меня, бычье рыло, и будешь знать, когда свидетеля резнуть...», «Ваше превосходительство, зубами держал. Ей-богу! Пропадай, мол, мое все; лишь бы начальство было довольно», «Все наше! Всю Россию потребуем!»

---

[1] ИРЛИ. Архив Н. В. Минина, ф. 186, оп. 1.

Речь столичной бюрократии предельно выразительно характеризует черствость, пустоту, бесчеловечность чиновников — от экзекутора до министра. Антинародная сущность этих людей выражена в их языке, насыщенном мертвой канцелярской схоластикой, словесными вывертами, виртуозным крючкотворством. Шедевром судейской казуистики является диалог Варравина и Муромского (действие II, явление VI). Вымогательство грабителя Варравин маскирует витиевато-кудрявыми абсолютно бессмысленными фразами, рассчитанными на то, чтобы оглушить и ошарашить неискушенного просителя: «Я затем коснулся этих фактов, чтобы показать вам эту обоюдоострость и качательность вашего дела, по которой оно, если поведете туда, то и все оно пойдет туда... а если поведется сюда, то и все... пойдет сюда».

Образ Ивана Сидорова охарактеризован языком, в котором сильна струя народной поэтической речи. Так, например, его монолог о посещении Крека по своему ритмическому строю, фразеологии и своеобразной картинности сказа близок фольклорному сатирическому повествованию: «...живет он в палатах великих... сидит как зверь какой, суровый да кряжистый...» Афоризмы Ивана Сидорова социально остры и по-народному метки: «В лавках, сударь, не торгуют, а в присутственных местах, ничего, торгуют». Просители перед властью — «как перед хлопушкой мухи». Для обличения существующих порядков старообрядец Иван Сидоров привлекает авторитет религии; отсюда обилие библейских и церковно-славянских оборотов в его сильной и красочной речи.

В богатейшем словесном арсенале Сухово-Кобылина значительное место занимают хлесткие афоризмы, юмористические каламбуры, комическая игра слов. Текст трилогии расцвечен пословицами, поговорками, присловиями, прямо почерпнутыми из сокровищницы фольклора или сочиненными в народном духе самим автором. В области языка Сухово-Кобылин плодотворно развивал и обогащал великие традиции русской классической литературы и, в первую очередь, традиции своего учителя — Гоголя.

* * *

Трилогия Сухово-Кобылина, благодаря глубокой идейности и художественному совершенству, сохраняет до наших дней свою неувядающую свежесть и огромную силу воздействия. Творчество Сухово-Кобылина, к сожалению недостаточно изученное, способно оказать действенную помощь советским сатирикам в благородной борьбе с отрицательными явлениями нашей действительности.

И. Гликман.

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Константинович Муромский — зажиточный ярославский помещик, деревенский житель, человек лет под шестьдесят.

Лидочка — его дочь.

Анна Антоновна Атуева — ее тетка, пожилая женщина.

Владимир Дмитрич Нелькин — помещик, близкий сосед Муромских, молодой человек, служивший в военной службе. Носит усы.

Михаил Васильевич Кречинский — видный мужчина, правильная и недюжинная физиономия, густые бакенбарды; усов не носит; лет под сорок.

Иван Антонович Расплюев — маленький, но плотненький человечек; лет под пятьдесят.

Никанор Савич Бек — ростовщик.

Щебнев — купец.

Федор — камердинер Кречинского.

Тишка — швейцар в доме Муромских.

Полицейский чиновник.

Слуги

Действие происходит в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро. Гостиная в доме Муромских. Прямо против зрителя большая дверь на парадную лестницу; направо дверь в покои Муромского, налево — в покои Атуевой и Лидочки. На столе, у дивана, накрыт чай.

ЯВЛЕНИЕ I

Атуева *(выходит из левой двери, осматривает комнату и отворяет дверь на парадную лестницу)*. Тишка! эй, Тишка!

Тишка *(за кулисами)*. Сейчас-с. *(Входит в ливрее, с широкой желтой перевязью, нечесаный и несколько выпивши.)* [1]

---

[1] Автор находит неизбежным заметить, что предосудительное во всяком случае состояние Тишки нисколько не есть грубо-пьяный вид, который, к сожалению, нередко воспроизводится и на сцене, а только некоторая приятная настроенность организма, выражающаяся усердием исполнить свой долг, плоды которого, однако, бывают горьки, певучестью речи, едва заметным поискиванием равновесия и, главное, невозмущаемым спокойствием духа супротив вспыльчивости и трезвой раздражительности Анны Антоновны.

Атуева *(долго на него смотрит)*. Какая рожа!..

Молчание.

Отчего головы не чесал?

Тишка. Никак-с нет, Анна Антоновна, я чесал.

Атуева. И рожи не мыл?..

Тишка. Никак нет, мыл; как есть мыл. Как изволили приказать, чтоб мыть, так завсегда и мою.

Атуева. Колокольчик немец принес?

Тишка. Принес, сударыня; он его принес.

Атуева. Подай сюда да принеси лестницу.

Тишка несет колокольчик и лестницу.

Ну, теперь слушай. Да ведь ты глуп: ты ничего не поймешь.

Тишка. Помилуйте, сударыня, отчего же не понять? Я милости вашей все понимаю.

Атуева. Коли приедет дама, ты звони два раза.

Тишка. Слушаю-с.

Атуева. Коли господин, ударь один раз.

Тишка. Слушаю-с.

Атуева. Коли так, какая-нибудь дама или женщина — не звонить.

Тишка. Можно-с.

Атуева. Коли магазинщик или купец какой, тоже не звонить.

Тишка. И это, Анна Антоновна, можно.

Атуева. Понял?

Тишка. Я понял, сударыня, я оченно понял... А докладывать ходить уж не прикажете?

Атуева. Как не докладывать? непременно докладывать.

Тишка. Так перво прикажете звон сделать, а потом уж доложить?

Атуева. Этакий дурак! Вот дурак-то! Ну как же можно, глупая рожа, чтобы сперва звонить, а потом доложить!

Тишка. Слушаю-с.

Атуева. Ну, лезь прибивай.

Тишка с молотком и колокольчиком лезет по лестнице.

Стой... так!

Тишка *(наставив гвоздь с колокольчиком)*. Так-с?

А т у е в а. Повыше.

Т и ш к а *(подымаясь еще)*. Так-с?

А т у е в а. Повыше, тебе говорю.

Т и ш к а *(вздергивает руку кверху)*. Так-с?

А т у е в а *(торопливо)*. Стой, стой... куда?.. ниже!

Т и ш к а *(опускает руку вниз)*. Так-с?

А т у е в а *(начинает сердиться)*. Теперь выше! Ниже!! Выше!!! Ниже!! Ах ты, боже мой! А, да что̀ ты, дурак, русского языка не понимаешь?..

Т и ш к а. Помилуйте, как не понимать!.. Я понимаю-с, я очень, сударыня, понимаю.

А т у е в а *(нетерпеливо)*. Что̀ ты там болтаешь?..

Т и ш к а *(снимает колокольчик вовсе с места и поворачивается к Атуевой)*. Я, сударыня, на тот счет, как вы изволите говорить, что я не понимаю, то я, сударыня, очень, очень понимаю.

А т у е в а. Что̀ ж, ты прибьешь или нет?

Т и ш к а. Как, матушка, приказать изволите.

А т у е в а *(теряет терпение)*. Аааа-ах ты, боже мой!.. Да тут никакого терпенья не хватит! ты пьян!!!

Т и ш к а. Помилосердуйте. Я только, сударыня, о том докладываю, что вы изволите говорить, что я не понимаю, а я очень, сударыня, милости вашей понимаю.

А т у е в а *(складывая крестом руки)*. А! ты, разбойник, со мною шутку шутишь, что ли?.. Что ж, ты нарочно туда влез разговоры вести... а? Прибивай!..

Т и ш к а. Где милости вашей...

А т у е в а *(выходит совершенно из себя и топает ногою)*. Прибивай, разбойник, куда хочешь прибивай... ну, постой, постой, пьяная бутылка, дай мне срок: это тебе даром не пройдет.

Т и ш к а *(немедленно наставляет гвоздь в первое попавшееся место и колотит его со всей мочи)*. Я понимаю... я очень... Матушка... барын... ту, ту, ту... ууух!!! *(Свертывается с лестницы; она падает.)*

Шум. Вбегают с л у г и.

А т у е в а *(кричит)*. Боже мой!.. Батюшки!.. Он себе шею сломит.

Т и ш к а *(очутившийся на ногах, улыбается)*. Никак нет-с, помилуйте.

Слуги подставляют лестницу и устраивают колокольчик.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Муромский, в халате, с трубкою, показывается из двери направо.

Муромский. Что́ это? что вы делаете?

Атуева. Ничего не делаем. Вот Тишка опять пьян.

Муромский. Пьян?

Атуева. Да! Воля ваша, Петр Константиныч: ведь он с кругу спился.

Тишка. Помилуйте, батюшка Петр Константиныч! Изволят говорить: пьян. Чем я пьян? Когда б я был пьян, где б мне с этакой махинницы свалиться да вот на ноги стать?.. Стал, сударь, гвоздь вгонять, обмахнулся, меня эдаким манером и вернуло.

Муромский *(смотрит на него и качает головою)*. Вернуло, тебя вернуло?.. Пошел, болван, в свое место.

Тишка выходит с крайнею осторожностию; слуги выносят лестницу.

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский и Атуева.

Муромский *(смотря вслед уходящему Тишке)*. Разумеется, пьян... Да что̀ тут за возня у вас?

Атуева. Колокольчик навешивали.

Муромский *(с беспокойством)*. Еще колокольчик! Где? что такое?.. *(Увидев навешенный колокольчик.)* Что̀ это? здесь? в гостиной!..

Атуева. Да.

Муромский. Да что̀ ж, здесь в набат бить?..

Атуева. Нынче везде так.

Муромский. Да помилуйте, ведь это глупость! ведь это черт знает что такое!.. А, да что и говорить!.. *(Ходит.)* Тут человеческого смысла нет... Ведь это всякий раз себе язык прикусишь!..

Атуева. И, полноте, батюшка, пустяки выдумывать! Отчего же тут язык прикусить?.. Пожалуйста, уж оставьте меня: я лучше вас знаю, как дом поставить.

Молчание. Муромский ходит по комнате. Атуева пьет чай.

Петр Константиныч! Надо будет вечеринку дать.

Муромский *(остановясь против Атуевой)*. Вечеринку? какую вечеринку? О какой вы вечеринке говорите?

Атуева. Обыкновенно о какой. Будто не знаете! ну балик, что ли... вот как намедни было.

Муромский. Да ведь вы мне говорили, что вот последняя будет, уж больше не будет.

Атуева. Нельзя, Петр Константиныч, совсем нельзя: приличия, свет того требуют.

Муромский. Хорош ваш сахар — свет: требует!.. Да, как же, провались он в преисподнюю... требует!.. у кого? у меня, что ли, требует?.. Полно вам, сударыня, егозить! Что вы это как умом рехнулись?

Атуева. Я умом рехнулась?..

Муромский. Да! Вытащили меня в Москву: пошли затеи; балы да балы, денежная трата всякая, знакомство... суетня, стукотня!.. Дом мой поставили вверх дном; моего казачка Петрушку — мальчик хороший был — сорокой одели. Вот этого дурака Тишку, башмачника, произвели в швейцары, надели на него епанчу какую-то; вот *(указывает на колокольчик)* колоколов навесили! звон такой идет по всему дому!..

Атуева. Разумеется, звон. Я вам говорю, сударь: у всех людей так...

Муромский. Матушка! ведь у людей дури много — всего не переймете!.. Ну что вы тут наставили! *(показывает на вазу с карточками)* какую кружку? какое благо собираете?

Атуева. Это?.. Визитные карточки.

Муромский *(покачав головою)*. Поголовный список тараторок, болтунов...

Атуева. Визитные-то карточки?

Муромский. Праздношатаек, побродяг всесветных, людей, которые, как бухарцы какие, слоняются деньденьской из дому в дом и таскают сор всякий, да не на сапогах, а на языке.

Атуева. Это светские люди?

Муромский. Да.

Атуева. Ха, ха, ха! и смех и горе!..

Муромский. Нет! горе.

Атуева. Ну что вы, Петр Константинович, судите да рядите: ведь вы свету не знаете?

Муромский. И знать его не хочу!

Атуева. Ведь вы век целый торчали у себя в Стрешневе.

Муромский. Торчал, сударыня, торчал. Не вам жаловаться; на мое торчанье балики-то даете.

Атуева. Это, сударь, ваш долг.

Муромский. Балы-то давать?

Атуева. Ваша обязанность.

Муромский. Балы-то давать?!!

Атуева. У вас дочь невеста!

Муромский. Сзывать людей. *(Машет руками.)* Сюда!.. Сюда!.. И они же, благодетели, наедут, объедят, обопьют да нас же на смех подымут!..

Атуева. Так с мужиками толковать лучше?

Муромский. Лучше. Когда с мужиком толкуешь, так или мне польза, или ему, а иное дело — обоим. А от вашего звону кому польза?

Атуева. Нельзя же все для пользы жить.

Муромский. Нельзя?.. Надо!

Атуева. Мы не нищие.

Муромский. Так будем нищие... *(Махнув рукой.)* Да что с вами говорить!

Атуева. А вам бы вот забиться в захолустье да там и гнить в болоте с какими-нибудь чудаками!

Муромский. Э, матушка! такие же чудаки, как и мы.

Атуева. Ну уж не знаю. Понатерпелась я от них муки на прошедшем нашем бале! Ваша Степанида Петровна такой чепец себе взбрякала... сама-то толстая, сидит на диване, что на самую ведь средину забилась. Как взгляну, так мне сердце-то и щемит, так и щемит!..

Муромский. Что ж? она прилично была одета; она женщина хорошая.

Атуева. Да что в том, сударь, что хорошая? Об этом не спрашивают... Прилично!.. Да о ней всякий спрашивал, кто, говорят, такая? Просто, я хоть бы сквозь землю провалилась.

Муромский. Что ж тут худого, что спрашивают, кто такая? Я тут худого не вижу. А вот что худо: девочка молоденькая — чему она учится? что слышит? Выйдет в двенадцатом часу из спальни — пойдет визитные карточки вертеть... Вот тебе и занятие! Потом: гонять по городу; там в театр, там на бал. Ну какая это жизнь? К чему вы ее готовите? чему учите? а? вертушкой быть? шуры-муры, коман ву порте ву? [1]

---

[1] Comment vous portez-vous? — Как вы поживаете? *(франц.)*.

Атуева. Так как же, по-вашему, надо ее воспитывать? Чему учить?

Муромский. Делу, сударыня, порядку.

Атуева. Так возьмите немку.

Муромский. В своем доме занятию...

Атуева. Чухонку!

Муромский. Экономии...

Атуева. Экономку!.. шлюху!!

Муромский *(расставив руки)*. Помилосердуйте, сударыня!..

Атуева. Что? правда-то глаза колет?.. то-то... А вы скажите-ка мне решительно, хотите дать вечеринку или нет?

Муромский. Не хочу!

Атуева. Так я на свои деньги дам: свое состояние имею!

Муромский. Давайте! Я вам не указчик!

Атуева. Из ваших капризов не сидеть же девочке в углу, без кавалеров. Вам вот только чтоб расходов не было. Без расходов, сударь, девочку замуж не отдашь.

Муромский. Вона!.. эка ведь им гиль в голову села: без расходов девочку замуж не отдашь! Сударыня! когда знают, что девочка скромная, дома хорошего, да еще приданое есть, так порядочный человек и так женится; а с расходами да с франдыбаченьем вашим так отдашь, что после наплачешься.

Атуева. Так, по-вашему, и упечь ее за какого-нибудь деревенского чучелу?

Муромский. Не за чучелу, сударыня, а за человека солидного...

Атуева *(перебивая его)*. Да, чтоб солидный человек ее в деревне и уморил? Уж вы насильно отдайте, свяжите по рукам и по ногам...

Муромский. Переведите-ка, матушка, дух.

Атуева. Что-с?..

Муромский. Духу, духу возьмите!..

Атуева. Что же вы это, сударь...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Лидочка, очень разряженная, подходит к отцу.

Лидочка. Здравствуйте, папенька!

Муромский *(повеселев)*. Ну вот и она. Кралечка ты моя! *(Берет ее за голову и целует.)* Баловница!

Лидочка *(подходит к тетке)*. Здравствуйте, тетенька!

Муромский. Ну, что же ты делала, с кем танцевала вчера?

Лидочка. Ах, папа, много!..

Атуева. Мазурку с Михаилом Васильевичем!

Муромский. С Кречинским?

Лидочка. Да, папа.

Муромский. Помилуй, матушка! ему бы пора и бросить.

Атуева. Отчего это?

Муромский. Ну, уж человек в летах: ему ведь под сорок будет.

Атуева. С чего вы это взяли? лет тридцать с небольшим.

Лидочка. А как он ловко танцует!.. это чудо!.. особливо вальс.

Атуева. И молодец уж какой!

Муромский. Не знаю, что вам дался этот Кречинский. Конечно, мужчина видный, — ну приятный человек; зато, говорят, как в карты играет!

Атуева. И, мой отец, всего не переслушаешь. Это ваш все Нелькин жужжит. Ну он где слышит, где бывает? Ну кто нынче не играет? Нынче все играют.

Муромский. Игра игре рознь. А вот Нелькин карт в руки не берет.

Атуева. А вот вам Нелькин дался! Вы бы его в свете посмотрели, так, думаю, другое бы сказали. Ведь это просто срамота! Вот вчера выхлопотала ему приглашение у княгини — стащила на бал. Приехал. Что ж, вы думаете? Залез в угол, да и торчит там, выглядывает оттуда, как зверь какой: никого не знает. Вот что значит в деревне-то сидеть!

Муромский. Что делать! застенчив, свету мало видел. Это не порок.

Атуева. Не порок-то, не порок, а уж в высшем обществе ему не быть. Ведь непременно подцепит Лидочку вальсировать! Танцует плохо, того и гляди ляпнется он с нею со всего-то маху, — ведь осрамит!

Муромский *(вспыхнув)*. Сами-то... широко очень плывете... Не ляпнуться бы вам со всего-то маху...

Атуева. Ну уж не ляпнусь.

Муромский *(уходя)*. Посередь-то высшего общества не сесть бы в лужу.

Атуева. И в лужу не сяду!

Муромский *(уходя)*. То-то, не сядьте.

Атуева. Не сяду... не сяду.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же без Муромского.

Лидочка. Что это, тетенька, вы все папеньку сердите!

Атуева. Не могу, право, не могу. Вот дался ему Нелькин!

Молчание.

Лида! а что ты это с Кречинским говорила за мазуркой? Вы что-то очень говорили?

Лидочка *(нерешительно)*. Так, тетенька.

Атуева. По-французски?

Лидочка. По-французски.

Атуева. До смерти люблю. Вот сама-то я не очень, а ужасно люблю. Ну, а ты теперь порядочно?

Лидочка. Да, порядочно, тетенька!

Атуева. А какой у него — хороший выговор?

Лидочка. Да, очень хороший.

Атуева. У него это как-то ловко выходит, и он этак говорит часто, часто, так и сыплет! А как он это говорит: parbleu,[1] очень хорошо! Отчего это ты, Лидочка, никогда не говоришь parbleu?

Лидочка. Нет, тетенька, я иногда говорю.

Атуева. Это очень хорошо! Да что ты такая скучная?

Лидочка. Тетенька! я, право, не знаю, как вам сказать...

Атуева. Что, милая, что?

Лидочка. Тетенька! он вчера за меня сватался.

Атуева. Кто? Кречинский? Неужели? Что ж он тебе говорил?

Лидочка. Право, тетенька, мне как-то совестно... только он говорил мне, что он меня так любит!.. *(Останавливается.)*

---

[1] Черт возьми *(франц.)*.

Атуева. Ну ты что ж ему сказала?

Лидочка. Ах, тетенька, я ничего не могла сказать... я только спросила: точно ли вы меня любите?

Атуева. Ну, а еще что?

Лидочка. Я больше ничего не могла сказать.

Атуева. То-то я видела, что ты все какую-то ленту вертела. Что ж? Неужто ты ему так-таки ничего больше и не сказала? Ведь я же тебе говорила, как надо сказать.

Лидочка. Да, тетенька, я ему сказала: parlez à ma tante et á papa. [1]

Атуева. Ну, вот так. Ты, Лидочка, хорошо поступила.

Молчание.

Лидочка. Ах, тетенька, мне плакать хочется.

Атуева. Плакать? Отчего? Разве он тебе не нравится?

Лидочка. Нет, тетенька, очень нравится. *(Кидается ей на шею и плачет.)* Тетенька, милая тетенька! я его люблю!..

Атуева. Полно, мой друг, полно! *(Отирает ей платком глаза.)* Ну что же? Он человек прекрасный... знакомство большое... Ведь он всех знает?

Лидочка. Всех, тетенька, всех; со всеми знаком: он на бале всех знает... Я только боюсь папеньки: он его не любит. Он все говорит, чтоб я вышла за Нелькина.

Атуева. И, мой друг, это все вздор. Ведь отцу потому хочется за Нелькина, что он вот сосед, живет в деревне, имение рядом, что называется, борозда к борозде: вот почему ему хочется за Нелькина.

Лидочка. Папенька говорит, что он очень добрый.

Атуева. Да, как же! И, моя милая, в свете все так: кто глуп, тот и добр; у кого зубов нет, тот хвостом вертит... А если выйдешь за Кречинского — как он дом поставит, какой круг сделает!.. Ведь у него вкус удивительный...

Лидочка. Да, тетенька, удивительный...

Атуева. Как он наш солитер обделал — это прелесть! Вот лежала вещь у отца в шкатулке; а ведь теперь кто увидит, все просто в восхищении... Я вот переговорю с отцом.

---

[1] Поговорите с моей тетушкой и отцом *(франц.)*.

Лидочка. Он мне говорил, тетенька, что ему надо ехать из Москвы.

Атуева. Скоро?

Лидочка. На днях.

Атуева. Надолго?

Лидочка. Не знаю, тетенька.

Атуева. Так, стало, ему надо ответ дать?

Лидочка *(со вздохом)*. Да, непременно надо.

Атуева. Ну, так я с отцом переговорю.

Лидочка. Тетенька! не лучше ли, чтобы он сам? Вы знаете, какой он ловкий, умный, милый... *(Задумывается.)*

Атуева *(обидясь)*. Ну, делай, как хочешь. Ведь я тебе не мать.

Лидочка. Ах, тетенька, что вы это? Не оставляйте меня. Вы мне — мать, вы мне — сестра, вы мне — всё. Вы знаете, что я его люблю... *(целует ее)* как я его люблю... *(Останавливается.)* Ах, тетенька, какое это слово — люблю!

Атуева *(усмехаясь)*. Ну, полно, полно.

Лидочка. Я даже не знаю, что со мною делается. У меня сердце бьется, бьется и вдруг так и замрет. Я не знаю, что это такое.

Атуева. Это ничего, мой друг, это пройдет... Вот никак отец идет. Мы сейчас и за дело.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Муромский.

Муромский. Ну что вы? Вот тащит меня ваш Михаил Васильич на бег. Ну что мне там делать? До рысаков я не охотник.

Атуева. Ну что ж? Вы хоть людей посмотрите.

Муромский. Каких людей? лошадей едем смотреть, а не людей.

Атуева. Что это, Петр Константиныч, ничего вы не знаете! Там теперь весь бомонд. [1]

Муромский. Да провались он, ваш бом... *(Здоровый удар звонка.)* Ай!.. Ах ты, черт возьми! что за попущение такое! Я этому Тишке все руки обломаю: терпенья нет.

---

[1] Beau monde — избранное аристократическое общество *(франц.)*.

Матушка, я вам говорю *(указывая на колокольчик)*, извольте эти звонки уничтожить.

А т у е в а. Нельзя, Петр Константиныч, воля ваша, нельзя: во всех домах так.

М у р о м с к и й *(кричит)*. Да что же вы, в самом деле? Ну не хочу, да и только!

А т у е в а. Ах, батюшка, что вы это кричите? Господи! *(Указывая на дверь, тихо.)* Чужих-то людей постыдились бы.

Муромский оглядывается.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Н е л ь к и н входит, раскланивается и жмет Муромскому руку.

М у р о м с к и й. Где же вы это, Владимир Дмитрич, пропали? Я уж стосковался по вас.

Н е л ь к и н. Да, Петр Константиныч *(махает рукой)*, загулял совсем: все вот балы... *(Оглядываясь на дверь.)* Ну, Анна Антоновна, какой вы резкий колокольчик-то повесили... ого!..

М у р о м с к и й. Ну вот, видите: не я один говорю.

Н е л ь к и н. А впрочем, Петр Константиныч, я вам скажу: вчера на бале, у княгини, тоже того... *(вертит головой)* только что подымаюсь на лестницу... освещено, знаете, как день; дома-то я не знаю; прислуги гибель — все это в галунах... подымаюсь, знаете, на лестницу, да и посматриваю: куда, мол, тут? Как звякнет он мне над самым ухом, так меня как варом обдало! Уж не чувствую, как меня в гостиную ноги-то вкатили.

А т у е в а. Зато они вас хорошо и вкатили...

М у р о м с к и й *(перебивая)*. А я вам, сударыня, говорю, что вы меня этими колоколами выгоните из дому.

Н е л ь к и н. Да вы, Петр Константиныч, как собираетесь в Стрешнево?

А т у е в а. И не собираемся, батюшка! Разве после масленицы, а прежде — что в деревне-то делать?

М у р о м с к и й. Да, вон видишь! Что в деревне делать? Толкуй вот с ними!.. Распоряжение, сударыня, надобно сделать к лету — навоз вывезти: без навозу баликов давать не будете.

А т у е в а. Так что же у вас Иван-то Сидоров делает? Неужели же он и навоз-то на воза покласть не может?

Муромский. Не может.

Атуева. Не знаю — чудно, право... Так неужели сам помещик должен навоз накладывать?

Муромский. Должен.

Атуева. Приятное занятие!

Муромский. Оттого все и разорились.

Атуева. От навозу.

Муромский. Да, от навозу.

Атуева. Ха, ха, ха! Петр Константиныч, вы, батюшка, хоть другим-то этого не говорите: над вами смеяться будут.

Муромский. Я, матушка, об этом не забочусь, что...

Такой же удар колокольчика. Все вздрагивают. Муромский перегибается назад и вскрикивает пуще прежнего.

Ай!.. Ах, царь небесный! Да ведь меня всего издергает. Я этак жить не могу... *(Подходя к Атуевой.)* Понимаете ли, сударыня, я этак жить не могу! Что ж, вы меня уморить хотите?..

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Кречинский, входит бойко, одет франтом, с тростью, в желтых перчатках и лаковых утренних ботинках.

Кречинский. Петр Константиныч, доброе утро! *(Поворачивается к дамам и раскланивается.)* Mesdames! *(Идет, жмет им руки.)*

Нелькин *(стоя в отдалении, в сторону)*. Во! ни свет ни заря, а уж тут...

Кречинский что-то рассказывает с жестами и шаркает.

Скоморох, право, скоморох. Что тут делать? забавляет, нравится...

Дамы смеются.

Во!.. О женщины! Что вам, женщины, нужно? желтые нужны перчатки, лаковые сапоги, бакенбарды чтоб войлоком стояли и побольше трескотни!

Кречинский идет к углу, кладет шляпу и палку, снимает перчатки и раскланивается молча с Нелькиным.

Ах, Лидия, Лидия! *(Вздыхает.)*

Кречинский *(показывая на колокольчик).* Анна Антоновна! а это что у вас за вечевой колокол повесили?

Атуева *(робко).* Вечевой? как вечевой?

Кречинский. Громогласный какой-то.

Муромский *(идет к Кречинскому и берет его за руку).* Батюшка, Михайло Васильич! отец родной! спасибо, от души спасибо! *(К Атуевой.)* Что, Анна Антоновна, а? Да я уж и сам чувствую, что не в меру.

Кречинский. Что такое?

Муромский. Помилуйте! как что? Да ведь это напущение адское! болен сделался. Именно вечевой. Вот здесь как вече какое собирается.

Кречинский *(идет к колокольчику, все идут за ним и смотрят).* Да велик, точно велик... А! да он с пружинкой, à marteau...[1] знаю, знаю!..

Нелькин *(в сторону).* Как тебе колоколов не знать: это по твоей части.

Атуева *(утвердительно).* Это мне немец делал.

Кречинский. Да, да, он прекрасный колокольчик; только его надо вниз, на лестницу... его надо вниз.

Муромский. Ну вот оно! как гора с плеч... *(Отворяет дверь на лестницу.)* Эй, ты, Тишка! епанча! пономарь пустой колокольни! поди сюда!..

Является Тишка.

Поди сюда! сымай его, разбойника!

Тишка снимает колокольчик и уносит.

Кречинский *(очень развязно).* Лидия Петровна! как вы отдохнули после вчерашнего бала?

Лидочка. У меня голова что-то болит.

Кречинский. А ведь чудо как было весело!

Лидочка. Ах, чудо как весело!

Кречинский *(бойко).* Ну, Петр Константиныч, а какая Лидия Петровна была хорошенькая, да какая свеженькая, да какая миленькая... просто залюбоваться надо!

Лидочка *(несколько смутясь).* Михайло Васильич! остерегитесь: вы ведь себя немного хвалите.

Муромский. Как себя? Вота!..

Лидочка. Разумеется, папенька! Ведь Михайло Васильич весь мой туалет придумывал. Мы ведь его с тетенькой к совету брали.

---

[1] С молоточком *(франц.)*.

Муромский. Что ты? неужели? Скажите, батюшка! Как это вас на все станет? И дело вы всякое знаете и пустяк всякий знаете!

Кречинский. Что делать, Петр Константиныч! такой уж талант. А вот теперь не угодно ли пожаловать на двор да обсудить мой талант по другой части. *(Берет Муромского под руку.)*

Муромский. Что, что такое? Куда на двор?

Кречинский *(любезничая)*. А забыли?

Муромский. Право, не знаю.

Кречинский. А я вот даром что туалеты советую, а помню. А бычка-то?

Муромский. А, да, да, да! Ну что ж? Вам его привели из деревни?

Кречинский. Да, уж он тут. Он у вас на дворе с полчаса бунтует.

Муромский *(берет шапку)*. Любопытно, любопытно взглянуть.

Кречинский. Mesdames, мы сейчас. *(Берет развязно Муромского под руку и уводит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Атуева, Лидочка и Нелькин.

Атуева *(указывая на уходящего Кречинского)*. Вот что называется, Владимир Дмитрич, светский человек!.. Charmant, charmant. [1]

Нелькин. Да, он человек, того... разбитной, веселый... Ну, а уж хорошего о нем мало слышно.

Атуева. Где, батюшка, слышно? в какой щели слышно?

Нелькин. Страшный, говорят, игрок.

Атуева *(с досадой)*. Ну уж вы, батюшка, с вашими рассказами и понаскучили мне... извините меня. Кроме сплетней городских, ничего от вас и не слышно. Ведь вы Москву не знаете: ведь что вам первый встречный скажет, то и несете. Так, батюшка, жить в городе нельзя. Вы человек молодой; вы должны осмотрительно говорить, да и в знакомстве быть поразборчивее. Ну с кем вы это намедни в театре сидели? Кто такой?

---

[1] Очаровательно, прелестно *(франц.)*.

Нелькин. Это так, Анна Антоновна, один здешний купец.

Атуева. Купец?! Извольте, вот с купцом знакомство свели!

Нелькин. Помилуйте, Анна Антоновна! он очень богатый купец... у него дом какой!..

Атуева. А что, что у него дом? И у мещанина дом. Разве купец вам компания? да и в публике! Ну теперь из высшего общества-то кто вас увидит, вот вас принимать-то и не станут.

Нелькин. Да ведь я, Анна Антоновна, за этим не гонюсь.

Лидочка *(вспыхнув).* К чему же вы это говорите? Кто ж за этим гонится?

Нелькин *(спохватясь).* Лидия Петровна! позвольте: я это так сказал, уверяю вас; я не хотел что-нибудь сказать...

Атуева. Ну хорошо, хорошо! Бог с вами, мой отец! а вы уж лучше перестаньте о людях дурное говорить. Таков свет, батюшка: хороши вы, так скажут, что не в меру глуп; богаты — урод; умны — объявят негодяем или чем и краше того. Таков уж свет. Бог с ними! что человек есть, то он и есть.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Кречинский и Муромский входят скоро.

Муромский. Любезный мой Михайло Васильич! *(Берет его за руку.)* Благодарю, благодарю! Да того... мне, право, совестно.

Кречинский. Полноте, пожалуйста!

Муромский. Ей-ей, совестно... Как же это? Лида, Лидочка!..

Лидочка. Что, папенька?

Муромский. Да вот, смотри, ведь мне Михайло Васильич бычка-то подарил...

Лидочка *(ласкаясь к отцу).* Что ж, хорош, папенька?

Муромский *(зажмуривается).* Уди-ви-тельный!.. Вообрази себе: голова, глаза, морда, рожки!.. *(Опять зажмуривается.)* Удивительный... Так он из вашего симбирского имения?

Кречинский. Да, из моего симбирского имения.

Муромский. Так у вас в Симбирске имение!

Кречинский. Да, имение.

Муромский. И скотоводство хорошее?

Кречинский. Как же, отличное.

Муромский. Вы и до скотины охотники?

Кречинский. Охотник.

Муромский. О господи! и насчет укопу таки тово...

Кречинский *(усмехаясь)*. Таки тово.

Муромский. А вот уж до деревни, кажется, нет...

Кречинский *(горячо)*. Кто вам сказал? Да я обожаю деревню... Деревня летом — рай. Воздух, тишина, покой!.. Выйдешь в сад, в поле, в лес — везде хозяин, все мое. И даль-то синяя и та моя! Ведь прелесть!

Муромский. Вот так-то я сам чувствую.

Кречинский. Встал рано, да и в поле. В поле стоит теплынь, благоухание... Там на конный двор, в оранжереи, в огород...

Муромский. А на гумно?

Кречинский. И на гумно... Все живет; везде дело, тихое, мирное дело.

Муромский *(со вздохом)*. Именно тихое, мирное дело... Вот, Анна Антоновна, умные-то люди как говорят!

Кречинский. Занялся, обошел хозяйство, аппетиту добыл — домой!.. Вот тут что нужно, Петр Константиныч, а? скажите, что нужно?

Муромский *(весело)*. Чай, решительно, чай.

Кречинский. Нет, не чай: нужнее чаю, выше чаю?

Муромский *(в недоумении)*. Не знаю.

Кречинский. Эх, Петр Константиныч! вы ли не знаете?

Муромский *(подумав)*. Право, не знаю.

Кречинский. Жена нужна!..

Муромский *(с увлечением)*. Правда, совершенная правда!

Кречинский *(продолжая)*. Да какая жена? *(Смотрит на Лидочку.)* Стройная, белокурая, хозяйка тихая, безгневная. Пришел, взял ее за голову, поцеловал в обе щеки... «Здравствуй, мол, жена! давай, жена, чаю!..»

Атуева. Ах, батюшки! Вот манеры-то? Этак жене-то хоть и не причесываться.

Кречинский. Полноте, Анна Антоновна! Жены не сердятся, когда им мужья прически мнут; когда не мнут — вот обида.

Муромский смеется.

А самовар уж кипит. Смотришь, вот и старик отец идет в комнату; седой как лунь, костылем подпирается, жену благословляет; тут шалунишка внучек около него вьется, — матери боится, а к дедушке льнет. Вот это я называю жизнь! Вот это жизнь в деревне... *(Оборачиваясь к Лидии.)* Что ж, Лидия Петровна, вы любите деревню?

Лидочка. Очень люблю.

Атуева. Да когда же ты деревню любила?

Лидочка. Нет, тетенька, я люблю. Я, Михайло Васильич, очень люблю голубей. Я их сама кормлю.

Кречинский. А цветы любите?

Лидочка. Да, и цветы люблю.

Атуева. Ах, мой создатель! теперь она все любит.

Кречинский. Однако мы заболтались. *(Смотрит на часы.)* Уж час, Петр Константиныч! Нам пора: опоздаем. Да вы принарядитесь: народу ведь гибель будет.

Муромский *(в духе)*. А что?.. Ну что ж, пожалуй, и мы тряхнем деревенщиной... Отказать-то нельзя: человек любезный.

Лидочка *(подбегая к отцу)*. И точно, принарядитесь, папашенька, право, принарядитесь. Что вы в самом деле стариком прикинулись!.. Ангельчик вы мой *(целует его)*... пойдемте... душенька моя... *(еще целует)*.

Кречинский *(почти в то же время)*. Браво, Лидия Петровна, браво!.. так его, так... хорошенько... Что он, в самом деле...

Муромский *(смеется и ласкает дочь)*. Я-то прикинулся... а?.. какова шалунья?..

Лидочка его уводит. Нелькин выходит за ними в покои Муромского.

ЯВЛЕНИЕ XI

Атуева и Кречинский.

Кречинский *(осматривается)*. Как же вам, Анна Антоновна, нравится моя картина деревенской жизни?

Атуева. Неужто вы точно любите деревню?

Кречинский. Кто? я? что вы! Да я нарочно.

А т у е в а. Как нарочно?

К р е ч и н с к и й. Да почему же не повеселить старика?

А т у е в а. Да это ему такое удовольствие, когда деревню хвалят.

К р е ч и н с к и й. Вот видите! А я желаю, Анна Антоновна, чтоб вы узнали истинную причину моих слов.

А т у е в а. Какую же это причину?

К р е ч и н с к и й. Анна Антоновна! Кто вас не оценит, кто не оценит воспитания, какое вы дали Лидии Петровне?

А т у е в а. Вот, Михайло Васильич, представьте себе, а Петр Константиныч все бранит меня.

К р е ч и н с к и й. Кто? старик-то? Ну, Анна Антоновна, его извинить надо: ведь он хозяин; а эти хозяева, кроме скотных дворов и удобрений, ничего не видят.

А т у е в а. А ведь действительно, он мне вот нынче утром говорил, что все разорились оттого, что о навозе не хлопочут.

К р е ч и н с к и й. Ну так и есть! видите, какие понятия! Теперь ваш дом ведь прекрасный дом. В нем все есть; одного нету — мужчины. Будь теперь у вас мужчина, знаете, этакий ловкий, светский, совершенный comme il faut, [1] — и дом ваш будет первый в городе.

А т у е в а. Я это сама думаю.

К р е ч и н с к и й. Я долго жил в свете и узнал жизнь. Истинное счастие — это найти благовоспитанную девочку и разделить с ней все. Анна Антоновна! прошу вас... дайте мне это счастие... В ваших руках судьба моя...

А т у е в а *(жеманно)*. Каким же это образом? Я вас не понимаю.

К р е ч и н с к и й. Я прошу руки вашей племянницы, Лидии Петровны.

А т у е в а. Счастие Лидочки для меня всего дороже. Я уверена, что она будет с вами счастлива.

К р е ч и н с к и й *(целуя у Атуевой руки)*. Анна Антоновна! как я благодарен вам!

А т у е в а. Вы еще не говорили с Петром Константинычем?

К р е ч и н с к и й. Нет еще.

А т у е в а. Его согласие необходимо.

[1] Приличный человек хорошего тона *(франц.)*.

Кречинский. Знаю, знаю. *(В сторону.)* Оно мне колом в горле стало.

Атуева. Как вы говорите?

Кречинский. Я говорю... благословение родительское — это такой... как бы вам сказать?.. камень, на котором все строится.

Атуева. Да, это правда.

Кречинский. Как же нам с ним сделать?

Атуева. Я, право, в нерешимости.

Кречинский. А вот что: теперь, кажется, минута хорошая; я сейчас еду на бег: меня там теперь дожидается все общество; с князем Владимиром Бельским у меня большое пари. А вы его задержите здесь, да и введите в разговор. Скажите ему, что я спешил, боялся опоздать, что меня там все дожидаются. Да к этому-то и объясните мое предложение. *(Берет шляпу.)*

Атуева. Хорошо, понимаю.

Кречинский *(жмет ей руку)*. Прощайте! Поручаю вам судьбу мою.

Атуева. Будьте уверены; я все сделаю. Прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Кречинский один, потом Нелькин.

Кречинский *(думает)*. Эге! Вот какая шуточка! Ведь это целый миллион в руку лезет. Миллион! Эка сила! Форсировать или не форсировать — вот вопрос! *(Задумывается и расставляет руки.)* Пучина, неизведомая пучина. Банк! Теория вероятностей — и только. Ну, а какие здесь вероятности? Против меня: папаша — раз; хоть и тупенек, да до фундаменту охотник. Нелькин — два. Ну этот, что говорится, ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец. Теперь за меня: вот этот вечевой колокол — раз; Лидочка — два и... да! мой бычок — три. О, бычок — штука важная: он произвел отличное моральное действие.

Нелькин выходит из боковой двери и останавливается. Кречинский надевает шляпу.

Как два к трем. Гм! надо полагать, женюсь... *(утвердительно)* женюсь! *(Уходит.)*

Нелькин *(в изумлении)*. Женюсь?!! Господи! не во сне ли я! На ком? на Лидии Петровне... Ну нет. Хороша ягодка, да не для тебя зреет... Давеча уж и голубя пустил... «Жена, говорит, нужна жена», и черт знает чего не насказал. Остряк! лихач! разудаль проклятая!.. А старика все-таки не сшибешь: он, брат, на трех сваях сидит, в четвертую уперся, да вот я помогу; так не сшибешь. Что ты нам с парадного-то крыльца рысаков показываешь; — мы вот на заднее заглянем, нет ли там кляч каких. Городская птица — перед кармазинный, а зад крашенинный. Постой, постой, я тебя отсюда выкурю! У тебя грешки есть; мне уж в клубе сказывали, что есть...

Муромский *(за кулисою)*. Напиши, сейчас напиши!

Нелькин *(уходя)*. То есть всю подноготную дознаю, да уж тогда прямо к старику: что, мол, вы, сударь, смотрите? себя-то берегите.

Муромский *(показывается в дверях)*. Владимир Дмитрич, у нас, что ли, обедаешь?

Нелькин *(из дверей)*. У вас, Петр Константиныч, у вас. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Муромский, во фраке, со шляпою в руке, входит скоро, с озабоченным видом; потом Атуева.

Муромский. Я их знаю: им только повадку дай — копейки платить не будут. *(Идет к двери и кричит.)* Кондратий! Слышишь? так и напиши: всех в изделье! Михаил Васильич! Где же он? Я так и знал. *(Опять идет к двери.)* Ты Акиму-то напиши. Я и его в изделье упеку. Он чего смотрит? Брюхо-то ростит! Брюхо на прибыль, а оброк на убыль — порядок известный... Михайло Васильич!

Входит Атуева.

Вот вам, сударыня, и московское житье!

Атуева. Что такое?

Муромский. А вот что: по Головкову семь тысяч недоимки!

Атуева. Серебром?

Муромский. Во, во, серебром! *(Кричит.)* Что вы! совсем уже рехнулись!

Атуева. Да что ж у вас Иван Сидоров-то делает?

Муромский. А вот вы съездите к нему, да и спросите *(пискливо)*: что ты, Иван Сидоров, делаешь?.. У — вы!! *(Оборачивается.)* Михайло Васильич! Да где же он?

Атуева. Он уехал, заспешил так; говорит: опоздаю.

Муромский. На бег уехал?

Атуева. Да, на бег. Его там все дожидаются: рысаки, члены. У него пари какое-то...

Муромский. Ну, я его там найду.

Атуева. Мне с вами надо словечко сказать: вы останьтесь.

Муромский. Во! теперь останьтесь. Что я вам как пешка дался: то ступай, то не езди.

Атуева. Мне до вас дело есть.

Муромский. Дело? какое дело? Опять пустяки какие-нибудь.

Атуева. Вот увидите. Положите-ка шляпу. Я сейчас имела продолжительный разговор с Михайлом Васильевичем Кречинским.

Муромский. Да вы всякий день с ним имеете продолжительные разговоры — всего не перескажете.

Атуева. Очень ошибаетесь. Я удивляюсь, что вы ничего не понимаете.

Муромский. Ни черта не понимаю.

Атуева. Однако человек ездит каждый день... прекрасный человек, светский, знакомство обширное...

Муромский. Ну, он с ним и целуйся.

Атуева. У вас, сударь, дочь.

Муромский *(смотря в потолок)*. Я двадцать лет знаю, что у меня дочь; мне ближе знать, чем вам.

Атуева. И вы ничего не понимаете?

Муромский. Ничего не понимаю.

Атуева. Ох, господи!

Муромский *(спохватясь)*. Что такое? уж не сватовство ли какое?

Атуева. А разве Лида ему не невеста?

Муромский. Уж он человек в летах.

Атуева. Разумеется, не молокосос.

Муромский. Да Лидочка за него не пойдет.

Атуева. Не пойдет, так не отдадим, а если пойдет — что вы скажете?

Муромский. Кто? я?

Атуева. Да.

Муромский. Скажу я... *(посмотря на нее и скоро)* таранта!

Атуева. Что ж это такое таранта?

Муромский. Бестолковщина, вздор, сударыня!

Атуева. Не вздор, сударь, а я у вас толком спрашиваю.

Муромский. А толком спрашиваете, так толком надо и подумать.

Атуева. Что ж тут думать? Вы думаньем дочь замуж не отдадите.

Муромский. Так что ж? Очертя голову, первому встречному ее и нацепить на шею? Надо знать, кто он такой, какое у него состояние...

Атуева. Что ж, у него пачпорт спрашивать?

Муромский. Не пачпорт, а знать надо...

Атуева. А вы не знаете? Ездит человек в дом зиму целую, а вы не знаете, кто он такой. Видимое, сударь, дело: везде принят... в свете известен... князья да графы ему приятели.

Муромский. Какое состояние?

Атуева. Ведь он вам сейчас говорил, что у него в Симбирске имение, да и бычка подарил.

Муромский. Какое имение? имение имению рознь.

Атуева. Да уж видно, что хорошее имение. Вон его нынче целое общество дожидается: без имения общество дожидаться не будет.

Муромский. Вы говорите, а не я.

Атуева. Да что ж вы-то говорите?

Муромский. Какое у него имение?

Атуева. Да что вы, батюшка, ко мне пристали?

Муромский *(нетерпеливо)*. А вы что ко мне пристали?

Атуева. Что вы, батюшка, кричите? Я не глухая. Вы мне скажите, Петр Константиныч, чего вам-то хочется?.. Богатства, что ли?.. У Лидочки своего-то мало? Что это у вас, мой отец, за алчность такая? Копите — а все мало. Лишь бы человек был хороший.

Муромский. А хороший ли он?

Атуева. Могу сказать: прекрасный человек.

Муромский. Прекрасный человек! а послушаешь, так в карты играет, по клубам шатается, должишки есть.

Атуева. Может, и есть; а у кого их нет?

Муромский. Кто в долгу, тот мне не зять.

Атуева. Право? Ну так поищите.

Муромский. Что ж делать! поищу.

Атуева. Уж сами и поищите.

Муромский. Сам и поищу.

Атуева. А дочери в девках сидеть?

Муромский. Делать нечего: сидеть. Не за козла же ее выдать.

Атуева. Ну Михайло-то Васильич козел, что ли?

Муромский. Переведите, матушка, дух!

Атуева. Что-о-о?

Муромский. Духу, духу возьмите.

Атуева. Что же это, сударь! я вам шутиха досталась, что ли? Говорить-то вам нечего... то-то.

Муромский. Нечего?.. мне говорить нечего?.. Так я вам вот что скажу: вам он нравится и Лидочке нравится, да мне не нравится — так и не отдам.

Атуева *(горячась)*. Ну вот, давно бы так: вот оно и есть! Так, по вашим капризам, дочери несчастной быть?.. Отец!.. Что же вы ей такое? злодей, что ли?

Муромский *(запальчиво)*. Кто это злодей? я, что ли?.. я-то?..

Атуева *(так же)*. Да, вы, вы!..

Муромский. Нет, так уж вы!..

Атуева *(указывая на него пальцем)*. Ан вы!..

Муромский *(указывая на нее пальцем)*. Нет, вы...

Атуева. Ан вы!.. Что же вы меня пальцем тычете?..

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Лидочка вбегает.

Лидочка. Тетенька, тетенька!..

Атуева *(с тем же жаром)*. Нету, нету моего терпения!.. Делай, матушка, как хочешь.

Лидочка. Что это, что, папенька?

Муромский *(присмирев)*. Ничего, мой дружочек: мы так с теткой говорили...

Атуева *(с новым жаром)*. Что тут — дружок? какой дружок! Вы дружку-то своему скажите, что́ вы такое говорили... Что ж вы стихли?

Муромский. Я, сударыня, не стих, мне стихать нечего.

Лидочка. Тетенька! милая тетенька! пожалуйста, прошу вас!..

Атуева. Да что ты меня, матушка, уговариваешь? Ведь я не дура... Ну что же вы, сударь, стали? спрашивайте!.. Ведь он ответу ждет!

Лидочка смотрит на обоих и начинает плакать.

Муромский. Ну вот я и спрошу: скажи мне, Лида, пойдешь ли ты замуж против моей воли?

Лидочка. Я, папенька?.. Нет... нет!.. никогда!.. *(Бросается к Атуевой на шею.)* Тетенька! видите?.. *(Сквозь слезы.)* Я, тетенька, в монастырь пойду... к бабушке... мне там лучше будет... *(Плачет.)*

Муромский. В монастырь?.. Господь с тобой!.. что ты это!.. *(Хлопочет около нее.)* Ну вот, погоди, мы подумаем... *(Обтирает ей слезы.)* Не плачь... мы подумаем... Господи! что это такое?..

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Кречинский быстро входит.

Муромский. О боже мой! Михайло Васильич!

Кречинский *(развязно)*. Ну, Петр Константиныч, бег мы прогуляли... *(Останавливается.)*

Муромский шепчется с Лидочкой.

(Тихо, Атуевой.) Что такое?

Атуева. Да вот все говорит: хочу подумать.

Кречинский. А вы рассердились?

Атуева *(поправляет чепец)*. Нет, ничего.

Кречинский. Петр Константиныч! скажите, что это у вас?.. Позвольте с вами поговорить откровенно; ведь это лучше. Я человек прямой: дело объяснится просто, и никто из нас в претензии не будет. Ведь это ваш суд, ваша и воля.

Муромский. Да мы это промеж себя; у нас так, разговор был совсем о другом.

Кречинский *(смотря на всех)*. О другом? не думаю и не верю... По-моему, в окольных дорогах проку нет. Это не мое правило: я прямо действую. Вчера я сделал предложение вашей дочери, нынче я говорил с Анной Антоновной, а теперь и сам перед вами.

Муромский. Но ведь это так трудно, это такая трудность, что я попрошу вас дать нам несколько времени пораздумать.

Кречинский. А я полагал, что вы имели время раздумать.

Муромский. Нет. Мне Анна Антоновна только что сообщила...

Кречинский. Да я не об этом говорю: я уже несколько месяцев езжу к вам в дом, — и вы имели время раздумать...

Муромский. Нет, я ничего не думал.

Кречинский. Вина не моя, а ваша. Вольно вам не думать, когда вы знаете, что без особенной цели благородный человек не ездит в дом и не компрометирует девушку.

Муромский. Да, конечно...

Кречинский. Поэтому я буду просить вас не откладывать вашего решения. На этих днях мне непременно надо ехать. Я об этом говорил Лидии Петровне.

Муромский *(в нерешимости)*. Как же это, я, право, не знаю.

Кречинский. Что вас затрудняет? мое состояние?

Муромский. Да, ну и о состоянии.

Кречинский. Да вы его видите: я не в щели живу. Я поступаю иначе: о приданом вашей дочери не спрашиваю.

Муромский. Да что ее приданое! она ведь у меня одна.

Кречинский. И я у себя один.

Муромский. Все это так, Михайло Васильич, согласен; только, знаете, в этих делах нужна, так сказать, положительность.

Кречинский. Скажу вам и положительность: мне своего довольно; дочери вашей своего тоже довольно. Если два довольно сложить вместе, в итоге нужды не выйдет.

Муромский. Нет, разумеется, нет.

Кречинский. Так вы богатства не ищете?

Муромский. Нет, я богатства не ищу.

Кречинский. Так чего же? Вы, может быть, слышали, что мои дела расстроены?

Муромский. Признаюсь вам, был такой разговор.

К р е ч и н с к и й. Кто же из нас, живучи в Москве, не расстроен? Мы все расстроены! Ну, сами вы устроили состояние с тех пор, как здесь живете?

М у р о м с к и й. Куда, помилуйте! омут!

К р е ч и н с к и й. Именно омут. Нашему брату, помещику, одно зло — это город.

М у р о м с к и й. Великую вы правду сказали: одно зло — это город.

К р е ч и н с к и й. Я из Москвы еду.

М у р о м с к и й. Неужели в деревню?

К р е ч и н с к и й. Да, в деревню.

М у р о м с к и й. Вы разве любите деревню?..

К р е ч и н с к и й *(с движением)*. Эх, Петр Константиныч! есть у вас верное средство, чтоб вокруг вас все полюбили деревню! *(Берет Лидочку за руку.)* Друг друга мы любим, горячо любим, так и деревню полюбим. Будем с вами, от вас ни шагу; хлопотать вместе и жить пополам.

Л и д о ч к а. Папенька! милый папенька!..

К р е ч и н с к и й. Помните, что я говорил давеча: седой-то старик со внуком — ведь это вы...

Л и д о ч к а. Папенька, папенька! ведь это вы...

Приступают к нему.

М у р о м с к и й *(попячиваясь)*. Нет, нет, позвольте! Как же это?.. позвольте... я и не думал...

А т у е в а. Ничего вы, Петр Константиныч, больше не придумаете: это, батюшка, судьба, воля божия!..

М у р о м с к и й *(поглядев на всех и вздохнув)*. Может, и действительно воля божья! Ну, благослови, господь! Вот, Михайло Васильич, вот вам ее рука, да только смотрите...

К р е ч и н с к и й. Что?

М у р о м с к и й. Вы сдержите слово о седом-то старике.

К р е ч и н с к и й *(подводя к нему Лидочку)*. Вот вам порука! Что? верите?

М у р о м с к и й. Дай-то господи!

К р е ч и н с к и й. Анна Антоновна! *(Подводит к ней Лиду.)* Благословите нас и вы.

А т у е в а. Вот он же меня не забыл. *(Подходит к Кречинскому и Лидочке.)* Дети мои! будьте счастливы.

Л и д о ч к а *(целуя ее)*. Тетенька, милая тетенька! Боже мой! Как мое сердце бьется...

Атуева. Теперь ничего, мой друг! это к добру!

Муромский *(подходит к Лидочке и ласкает ее).* Ну, ты, моя душенька, не будешь плакать? а?

Лидочка. Ах, папенька! как я счастлива!

Кречинский. Ну, Петр Константиныч, а какой мы скотный двор сделаем в Стрешневе. Увидите, ведь я хлопотун.

Муромский *(весело).* Ой ли?

Кречинский. Ей-ей! Слушайте меня *(говорит будто по секрету):* всю тирольскую заведем.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Нелькин входит и останавливается у двери в изумлении.

Муромский. Да ведь она того... нежна очень...

Кречинский *(целуя руки у Лидочки).* Нет, не нежна.

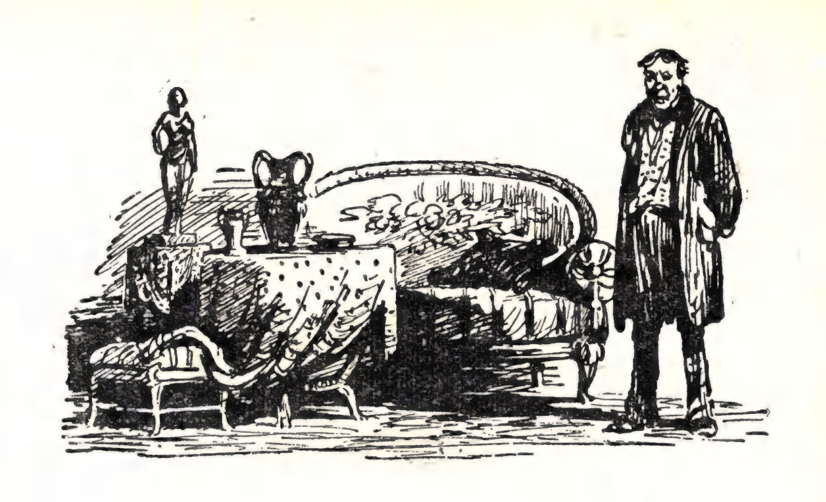
Муромский. Право, нежна.

Нелькин *(подходит быстро).* Что? что это? Кто нежна?

Кречинский *(оборачивается к Нелькину).* Скотина!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Квартира Кречинского.

ЯВЛЕНИЕ I

Утро. Кабинет, роскошно убранный, но в большом беспорядке; столы, бронза. С одной стороны сцены бюро, обращенное к зрителю; с другой — стол.
Федор медленно убирает комнату.

Федор. Эх, хе, хе, хе, хе! *(Вздыхает глубоко и медленно.)* Вот какую нанесло... вот какую нелегкую нанесло — поверить невозможно. Четвертый день уж и не топим; и покои холодные стоят, а что делать, не топим... *(Помолчав.)* А когда в Петербурге-то жили — господи, боже мой! — что денег-то бывало! какая игра-то была!.. И ведь он целый век все такой-то был: деньги — ему солома, дрова какие-то. Еще в университете кутил порядком, а как вышел из университету, тут и пошло и пошло, как водоворот какой! Знакомство, графы, князья, дружество, попойки, картеж. И без него молодежь просто и

дыхнуть не может. Теперь: женский пол — опять то же... Какое количество у него их перебывало, так этого и вообразить не можно! По вкусу он им пришелся, что ли, только просто отбою нет. Это письма, записки, цыдулии всякие, а там и лично. И такая идет каша: и просят-то, и любят-то, и ревнуют, и злобствуют. Ведь была одна такая, — такая одна была: богатеющая, из себя, могу сказать, красоточка! Ведь на коленях перед ним по часу стоит, бывало, ей-ей, и богатая, руки целует, как раба какая. Власть имел, просто власть. Сердечная! Денег? Да я думаю, тело бы свое за него три раза прозакладывала! Ну нет, говорит, я бабьих денег не хочу; этих денег мне, говорит, не надо. Сожмет кулак — человек сильный — у меня, говорит, деньги будут; я, говорит, гулять хочу. И пойдет и пойдет! Наведет содом целый, кутит так, что страхи берут! До копейки все размечет... Ведь совсем истерзалась и потухла, ей-ей. Слышно, за границей и померла... Было, было, батюшки мои, все было, да быльем поросло... А теперь и сказать невозможно, что такое. Имение в степи было — фию! ему и звания нет; рысаков спустили, серебро давно спустили; даже одёжи хватили несколько... Ну просто как омут какой: все взяла нелегкая! Хорошие-то товарищи, то есть бойцы-то, поотстали, а вот навязался нам на шею этот Расплюев. Ну что из него толку-то? что, говорится, трем свиньям корму не раздаст...

Звонят.

Во! ни свет ни заря, а ты уж корми его, колоды ему подбирай, как путному. «Мне, братец, нельзя, я, говорит, в таком обществе играю». А какое общество?.. Вчера отправился куда-то, ухватил две колоды, то есть что есть лучшего подбора... Ну, может быть, и поработали... Дай-то господи!..

Звонят.

Эх, хе, хе, хе! пойти впустить.

ЯВЛЕНИЕ II

Расплюев и Федор.

Расплюев *(небрежно одетый, расстроенный, с измятою на голове шляпою)*. Что ж? ты уж и пускать не хочешь, что ли?

Ф е д о р. Виноват, Иван Антоныч, недослышал.

Р а с п л ю е в *(идет прямо к авансцене и останавливается, задумавшись).* Ах ты, жизнь!

Ф е д о р *(в сторону).* Что-то не в духе.

Р а с п л ю е в. Боже ты мой, боже мой! что ж это такое? Вот, батюшки, происшествие-то! Голова, поверите ли? Вот что... *(Показывает руками.)* Деньги... карты... судьба... счастье... злой, страшный бред!.. Жизнь... Было времечко, было состояньице: съели проклятые... потребили все... Нищ и убог!..

Ф е д о р *(подходит к Расплюеву).* Что ж, Иван Антоныч, была игра, что ли?

Р а с п л ю е в *(смотрит на него долго).* Была игра, — ну, уж могу сказать, была игра!.. *(Садится.)* О-о-ох, ой, ой, ой! Боже ты мой, боже мой!..

Ф е д о р. Да что это вы? Разве что вышло?

Р а с п л ю е в *(посмотрев ему в глаза и плюнув).* Тфу!.. вот что вышло!

Молчат.

Ну что делать! каюсь... подменил колоду... попался... Ну, га, га, го, го, и пошло!.. Ну, он и ударь, и раз ударь, и два ударь. Ну, удовольствуй себя, да и отстань!.. А это, что это такое? Ведь до бесчувствия! Вижу я, дело плохо! приятели-то разгорелись, понапирают; я было и за шляпу... Ты Семипядова знаешь?

Ф е д о р. Что-то не припомню-с!

Р а с п л ю е в. Богопротивнейшая вот этакая рожа. *(Показывает богопротивнейшую рожу.)* Ведь и не играл... Как потянется из-за стола, рукава заправил. «Дайте-ка, — говорит, — я его боксом». Кулачище вот какой! *(Показывает, какой кулак.)* Как резнет! Фу ты, господи!.. «Я, — говорит, — из него и дров и лучины нащеплю». *(Расставил руки.)* Ну и нащепал...

Ф е д о р *(наставительно).* Иван Антоныч! в карты, сударь, играть — не лапти плесть. Вот и поучили!

Р а с п л ю е в. Какое ж ученье?.. Собаки той нет, которая бы этакую трепку вынесла: так это уж не ученье. — Просто денной разбой.

Ф е д о р. Гм... разбой? В чужой карман лезете, так — как не резнуть: всякий резнет...

Р а с п л ю е в. А уж какая силища! Ннну!.. Бывал я в переделах — ну, этакой трепки, могу сказать, не ожидал.

Бывало, и сам сдачи дашь и сам вкатишь в рыло, — потому — рыло есть вещь первая!.. Ну нет, вчера не то... нет, не то!

Из боковой двери, в халате, показывается Кречинский. Расплюев не замечает его.

У него, стало, правило есть: ведь не бьет, собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу... Ну, меня на этом не поймаешь: я, брат, ученый; я сам, брат, сидел по десять суток рылом в угол, без работы и хлеба насущного, вот с какими фонарями... *(показывает, какие фонари)* так я это дело знаю...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Кречинский.

Кречинский *(подходя к Расплюеву, сурово его осматривает)*. Ты опять продулся?

Расплюев. Я продулся? С чего вы это взяли?

Кречинский. Уж я слышу. Ты мне не финти, пустая голова!

Расплюев. Чем же я пустая голова? За что вы меня каждодневно ругаете? Господи! что за жизнь такая!

Кречинский. Эх ты, простоплёт, колесо холостое! Мели воду-то, мели: помолу не будет. *(Помолчав.)* Стоишь ли ты хлеба? На харчи-то себе выработал ли, а? Осел!! ведь я не из человеколюбия тебя держу; ведь я не член благотворительных обществ. Так за мой хлеб мне надо деньги. Их и подавай! черт возьми! понял? Что уткнул нос-то в землю? Говори, где был вчера?

Расплюев. Даааа! я... как их... вот тут... *(Тыкает пальцем.)*

Кречинский. Денег принес?

Расплюев. Нет, не принес.

Кречинский. Так подай, что взял намедни на игру.

Расплюев *(расставя руки)*. Лишен, всего лишен!

Кречинский. Как лишен!

Расплюев. Отняли, все отняли!

Кречинский *(перебивая)*. Чурбан!.. Вижу, и деньги взяли и поколотили. *(Сердито.)* Эх! тряхнул бы тебя так, чтобы каблуки-то вылетели. *(Начинает в беспокойстве ходить по комнате.)*

Расплюев *(жалобно)*. Не беспокойтесь, Михайло Васильич: их уж нет — вылетели. Уж тряхнули! Довольно будет. А уж какая, я вам скажу, силища — ну-уу!! Я, говорит, его боксом!.. Гм! боксом!

Кречинский в задумчивости ходит по комнате. Молчание.

Михайло Васильич! позвольте, однако, спросить, что это такое бокс?

Кречинский. Тебе бы знать надо. А вот это *(делает рукою жест)*... это-то и есть, Иван Антоныч, бокс... английское изобретение.

Расплюев *(делает жест)*. Так это бокс!.. английское изобретение!.. Ах, боже мой! *(Качает головою.)* Скажите... а?.. Англичане-то, образованный-то народ, просвещенные мореплаватели...

Кречинский. Надо мне достать денег! непременно, во что бы то ни стало, надо денег и денег!

Расплюев *(равнодушно)*. А не знаю, Михайло Васильич, денег нет, и достать их негде. *(Задумывается, вдруг вытягивает голову.)* Ну, не ожидал!.. *(Поднимает палец.)* Англичане... образованный народ... мореплаватели... а?

Кречинский *(продолжая ходить)*. Как ты говоришь?

Расплюев. Я говорю: образованный-то народ, англичане-то, а?

Кречинский. Да ты совсем уж ум потерял. Ему о деле говорят, а он черт знает что мелет! Слушай! Я весь тут, весь по горло: денег, просто денег. Ступай и достань во что ни стало. Все будущее, вся жизнь, все, все зависит от каких-нибудь трех тысяч рублей серебром. Ступай и принеси. Слышишь: душу заложи... да что душу... украдь, а принеси!! Ступай к Беку, к Шпренгелю, к Старову, ко всем жидам: давай проценты какие хочешь... ну, сто тысяч положи, а привези мне деньги! да смотри, не являйся с пустыми руками. Я те как курицу задушу... Чтоб были... Дело вот в чем: я женюсь на Муромской... Знаешь? Богатая невеста. Вчера дано слово, и через десять дней свадьба.

Расплюев *(обомлев)*. Мих... Мих... Михайло Васильич! что вы говорите?

Кречинский. У меня в руках тысяча пятьсот душ, — и ведь это полтора миллиона, — и двести тысяч

чистейшего капитала. Ведь на эту сумму можно выиграть два миллиона! и выиграю, — выиграю наверняка; составлю себе дьявольское состояние, и кончено: покой, дом, дура жена и тихая, почтенная старость. Тебе дам двести тысяч... состояние на целый век, привольная жизнь, обеды, почет, знакомство — всё.

Расплюев *(кланяется, трет руки и смеется)*. Двести тысяч... обеды... Хе, хе, хе... Мих...

Кречинский. Только для этого надо денег: надо дотянуть нашу канитель десять каких-нибудь дней. Без трех тысяч я завтра банкрут! Щебнев, Гальт подадут ко взысканию, расскажут в клубе, выставят на доску, — и все кончено!.. Понял ли!.. *(в запальчивости берет его за ворот)* понял ли, до какой петли, до какой жажды мне нужны деньги? Выручай!..

Расплюев. Михайло Васильич! Батюшка! от одних слов ваших все мои косточки заговорили!.. Иду, иду... ой... ой... ой... *(Схватывается.)* Боже мой... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Кречинский *(один, ходит по комнате)*. Ну, я думаю, он это дело обделает: он на это таки ловок — обрыщет весь город. Эти христопродавцы меня знают... Неужели не найдет! а?.. Боже! как бывают иногда нужны деньги!.. *(Шевелит пальцами.)* Какие бывают иногда минуты жизни, что решительно все понимаешь... *(Думает.)* А коли их нет? коли Расплюев не принесет ни копейки? а? коли этот сытый миллион сорвется у меня с уды от какой-нибудь плевой суммы в три тысячи рублей, когда все сделано, испечено, поджарено — только в рот клади... Ведь сердце ноет... *(Думает.)* Скверно то, что в последнее время связался я с такой шушерой, от которой кроме мерзости и неприятностей ничего не будет. Порядочные люди и эти чопорные баре стали от меня отчаливать: гм, видно, запахло!.. Пора кончить или переменить декорации... И вот, как нарочно, подвертывается эта благословенная семейка Муромских. Глупый тур вальса завязывает самое пошлейшее волокитство. Дело ведено лихо: вчера дано слово, и через десять дней я женат! Делаю, что называется, отличную партию! у меня дом, положение в свете, друзей и поклонников куча... Да что и говорить!

(радостно) игра-то какая, игра-то! С двумястами тысяч можно выиграть гору золота!.. Можно? Должно! Просто начисто обобрать всю эту сытую братию! Однако к этому старому дураку я в дом не перееду. Нет, спасибо! Лидочку мне надо будет прибрать покрепче в руки, задать, как говорится, хорошую дрессировку, смять в комок, чтоб и писку не было; а то еще эти писки... Ну, да, кажется, это будет и не трудно: ведь эта Лидочка — черт знает что такое! какая-то пареная репа, нуль какой-то!.. а самому махнуть в Петербург! Вот там так игра! А здесь что? так, мелюзга, дребедень...

ЯВЛЕНИЕ V

Федор *(входит)*. Михайло Васильич! купец Щебнев... Прикажете просить?

Кречинский *(остановясь)*. Вот она действительность-то? Э, дуралей! сказал бы, что дома нет.

Федор. Нельзя, Михайло Васильич! Ведь это народ не такой: он ведь спокойно восемь часов высидит в передней, — ему ведь все равно.

Кречинский. Ну, проси.

ЯВЛЕНИЕ VI

Щебнев и Кречинский. Щебнев одет по моде, с огромной золотой цепью, в бархатном клетчатом жилете и в весьма клетчатых панталонах.

Кречинский *(развязно)*. Здравствуйте, Тимофей Тихомирыч!

Щебнев. Наше почтение, Михайло Васильич! все ли в добром?..

Кречинский. Да что-то не так здоровится.

Щебнев. Маленько простудились?

Кречинский. Должно быть.

Щебнев. По вчерашней игре с вами счетец есть. Прикажете получить?

Кречинский. Ведь я вам вчера сказал, что доставлю к вам лично.

Щебнев. Да это точно так, Михайло Васильич; только, право, нам деньги нужны. Так сделайте одолжение, прикажите получить.

К р е ч и н с к и й. Право, по чести вам говорю, теперь у меня денег нет. Я ожидаю денег с минуты на минуту и доставлю вам немедленно, будьте покойны.

Молчание.

Ну, что в клубе делается?

Щ е б н е в. Ничего-с.

К р е ч и н с к и й. Кто вчера после меня играл?

Щ е б н е в. Да все те же. Так как же, Михайло Васильич? Уж вы сделайте одолжение.

К р е ч и н с к и й. Однако странный вы человек, Тимофей Тихомирыч! Ну судите сами, могу я разве вам отдать, если у меня денег нет? ну просто нет. Кулаком, что ли, мне их из стола вышибить?

Щ е б н е в. Так-с... как вам угодно... как вам угодно... так вы не обидитесь, Михайло Васильич, если мы нынче... того... по клубу... занесем в книжечку?

К р е ч и н с к и й *(с беспокойством)*. Как в книжечку? то есть в книгу запишете?

Щ е б н е в. Да-с. Да ведь это уж дело обыкновенное.

К р е ч и н с к и й. Как обыкновенное? Это значит человека осрамить, убить на месте... Ведь об этом нынче будет знать весь клуб, а завтра — весь город!..

Щ е б н е в. Да уж конечно-с. Это дело обыкновенное.

К р е ч и н с к и й *(вскакивая со стула)*. Обыкновенное для вас, да необыкновенное для меня. Я всю жизнь свою расплачивался честно и аккуратно и на вас, именно на вас, милостивый государь, ждал по три месяца деньги. Помните?..

Щ е б н е в. Это точно-с, Михайло Васильич! мы вам завсегда благодарны. А уж вы теперь не беспокойте себя, сделайте одолжение, прикажите получить. А то что ж делать? Необходимость.

К р е ч и н с к и й. Да какая же необходимость? Позвольте... разве вы теряете право записать меня в книгу завтра и послезавтра? Ведь вы его не теряете?..

Щ е б н е в. Да, это точно так-с.

К р е ч и н с к и й. Так зачем же нынче?

Щ е б н е в. Да так уж порядок требует-с: получения нет, — ну, мы и в книжечку.

Кречинский. Да что вы, в самом деле? Разве я вам в платеже отказываю? Я прошу вас из чести подождать два, три дня. Ведь я ждал же на вас деньги три месяца.

Щебнев. Это истинно... это точно так. А уж теперь, право, Михайло Васильич, прикажите лучше сделать расчетец. Ей-ей, нужда!

Кречинский. Да камень вы этакий, черт возьми! Или вы нарочно пришли дурака разыгрывать, что я вам не могу вдолбить в голову, что теперь, сию минуту, у меня денег нет и отдать их не могу!.. не имею никакой возможности! *(Наступая на Щебнева.)* Поняли!..

Щебнев *(встав)*. Что же, Михайло Васильич, горячиться изволите? Дело обыкновенное... *(Кланяется.)* Как вам угодно... *(Помолчав, раскланивается и уходит к двери.)* Наше почтение-с!.. Однако я нынче вечером, едучи в клуб, заверну к вам по дороге; а вы уж, сделайте одолжение, прикажите приготовить.

Кречинский. Что приготовить?

Щебнев. То есть опять насчет денег. Наше почтение-с. *(Хочет уйти.)*

Кречинский *(быстро берет его за руку)*. Стойте! Этак делать нельзя. Ведь я сел с вами играть как с порядочным человеком. Порядочный человек, сударь, без нужды не душит другого, без крайности бревном другого не приваливает. За что же вы меня душите? за что? Что я вам сделал? Ну скажите, что я вам сделал?

Щебнев. Как вам угодно.

Кречинский *(кротко)*. Послушайте! Ведь если б вы были тоже без денег, как и я, ну, конечно, иное дело; а ведь вы капиталист, у вас деньги лежат в ломбарде; вам они сейчас не нужны; ведь я вам ничего не сделал; я сам их ждал на вас, тогда как вы на них проценты брали.

Щебнев. Помилуйте! что вы?.. Ей-ей!

Кречинский. Ну, да не в том дело. За что же вы меня так безжалостно жмете! долбней по голове приканчиваете... за что?..

Молчание.

Щебнев. Наше вам почтение, Михайло Васильич! *(Вздыхает, кланяется и проползает тихо в дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Кречинский *(ему вслед).* Жид! *(Помолчав.)* Запишет! Как пить даст, запишет; влепит своим хамским почерком имя мое в книгу, и как гром какой разразится по Москве весть! и кончено, и все кончено! Свадьба пошла на фуфу; от этого проклятого миллиона остается дым какой-то, чад, похмелье и злость... да, злость!.. *(Сложа руки.)* Ну, признаюсь, не советовал бы я... *(Махнув рукою.)* Вздор и пустяки!.. Не пришлось бы вот мне, с кульком за плечами, улепетнуть за заставу, в предупреждение вот этого... *(Берет себя за ворот, помолчав.)* Побродяга, а? фу!.. тяжело!!. *(Скидает с себя халат.)* Душно!.. *(Начинает ходить в волнении.)* Все, все зависит от Расплюева... а?.. *(Садится к бюро, берет лист бумаги и пишет карандашом.)* Сосчитать, что тут надо?.. Тому — полторы; ну, этому *(показывает на дверь)* — тысячу двести. Ну, теперь тому волку — непременно тысячу: несытую-то глотку заткнуть, а то ведь ревет... ха-а! горло-то вот какое... Ну, мелочных — пятьсот... шестьсот. *(Считает.)* Да тут просто никаких денег не хватит.

Федор *(у двери).* Михайло Васильич, извозчик пришел! Он там, сударь, просит денег.

Кречинский. В шею!.. *(Продолжает считать.)* То есть вот как: три тысячи серебром повернуть некуда: как капля в море... А свадьба-то, свадьба? Да на что же я свадьбу-то сделаю? Ведь тут расходы, неизбежные расходы!.. Всякому дураку подарки давай; всякий скот на водку просит. Тут эти букеты, конфекты, дичь всякая, какие-то бессмысленные корзинки... дурь безмерная... и все деньги, все деньги!.. *(подумав)* деньги.

Федор *(входит).* Михайло Васильич, прачка пришла: денег просит.

Кречинский *(считая).* В шею!

Федор. Михайло Васильич, вон дровяник тоже часа два стоит.

Кречинский *(подымая голову).* Да ты с ума сошел, что ли? дела не знаешь?.. Что ты лезешь ко мне с пустяками?

Федор. Воля ваша! никаких даже средств нет... я уж всячески...

Кречинский *(приподымаясь со стула).* Ну!

Федор исчезает в дверь. В передней слышен шум голосов, потом все умолкает. Молчание.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Расплюев входит, поворачивает прямо в угол, кладет шляпу и медленно снимает перчатки.

Кречинский *(встает, смотрит на него внимательно, потом поворачивается, медленно складывает руки и смотрит в партер)*. А?.. так и знал! *(Потупляет голову.)* А?! *(Ерошит себе волосы.)* А?!! *(Медленно подходит к Расплюеву со сжатыми кулаками; тот пятится за кулисы, Кречинский берет его обеими руками за ворот.)*

Расплюев *(оробев)*. Михайло Васильич, позвольте... залог требуют... под зало...

Кречинский начинает его сильно качать взад и вперед.

Кречинский *(редко)*. Да ведь я... тебе... приказал... достать... мне... денег...

Расплюев. Залогов... залогов... *(У него замирает дух.)* Мих... Мих...

Кречинский. Ведь я тебе, разбойнику, велел украсть... *(запальчиво)* обворовать!!! *(душит его)* и достать мне денег!..

Расплюев кричит; Кречинский толкает его на диван и останавливается, с изменившимся лицом, в углу сцены.

А?.. он говорит: нет денег! Врет!.. В каждом доме есть деньги... непременно есть... надо только знать, где они... где лежат... *(задумывается и шевелит пальцами)* гм! где лежат... где лежат...

Расплюев *(медленно поднимается на ноги и осматривает свой сюртук)*. Вона!.. *(Ищет на полу пуговицы.)* Так это, стало, в двадцать четыре часа по две трепки. Ведь этак жить нельзя *(поднимает пуговицу)*, этак всякая собака со двора сбежит... *(поднимает другую)*, вот теперь — пудель, верная собака, и тот сбежит *(ищет)*. Ну, положим, та была бокс — английская... ну, эта какая? это уж, кажется, самодельщина!

Кречинский *(ударив себя в голову)*. А!!!

Расплюев *(увидев еще пуговицу)*. А, а, а!!! *(Идет и поднимает.)* Эх, куда махнула! *(Кладет в карман.)* Ишь, горячий какой налетел...

Кречинский. Что тут делать... что тут делать?

Расплюев. Первое — не дерись...

Кречинский садится за бюро, Расплюев — на другом конце сцены ищет пуговиц. Молчание.

Боже мой! Родятся люди в счастии, в довольстве, во всех приятностях жизни и живут себе, могу сказать, пиршествуют. Ну, народится же такой барабан, — и колотят его с ранней зари и до позднего вечера!.. Вот как видите! *(Становится пред публикой.)* Ну, народись я худенький, тоненький, хиленький, ведь не жить бы... ей-ей, не жить! Вот как скажу: от вчерашней трепки, полагаю, не жить; от докучаевской истории *(утвердительно)* не жить; от попойки третьего года, в Курске, то есть ни, ни, ни, ни под каким видом... и вот — невредим, жив и скажу: ну, дайте только пообедать да задать, что называется, храповицкого, то есть как встрепанный... *(Останавливается и смотрит на Кречинского, который открывает ящик в бюро.)* А денег-то, брат, нет.

Кречинский открывает другой.

И тут нет...

Третий ящик.

да уж нет... а дерешься!.. что взял?

Кречинский начинает в нем рыться.

Ну, что он роется? что он роется в старом хламе? Денег ищет... голубчик! ведь я знаю, что́ там: там ничего нет. Старые заемные письма, неплоченые счеты.

Кречинский вынимает булавку довольно большой величины.

Вот стразовую побрякушку ухватил... она грош стоит...

Кречинский *(вдруг вскрикивает)*. Баа!.. Эврика!..

Расплюев. Ого! *(прижимается к стене)* дурь понес... видно, жутко... *(вздыхает)* нужда не свой брат.

Кречинский *(держа в руке булавку)*. Эврика!.. Эврика!..

Расплюев. Родители!.. да он спятил!.. ей-ей, спятил...

Кречинский *(вдруг задумывается и говорит медленно)*. Эврика... значит по-гречески... нашел!..

Расплюев. По-гречески?!. фии-ю... *(Покачав головою.)* Покончилось наше земное странствие... Голубчик!.. Свезут тебя, друга милого, в Преображенскую и посадят тебя, раба божия, на цепуру. *(Опять покачав головою.)* И покончилось наше земное странствие.

Кречинский в глубокой задумчивости водит пальцем туда и сюда и произносит неясные слова. Расплюев следит за ним.

Плоховато... плоховато... Однако не качнул бы он меня с безумных-то глаз... вишь мне судьба какая. Уберусь я от него подобру-поздорову... да и голо стало. *(Берет шляпу и пробирается на цыпочках к двери.)* Дединьки мои, дединьки!.. *(Уходит.)*

Кречинский. Так ли?.. Верно ли?.. *(Трет себе лоб.)* Не ошибаюсь ли? *(Опять думает.)*

Расплюев и Федор показываются в дверях.

Расплюев. Посмотри, брат, какие колена строит...

Кречинский. Так, так и так... *(вскакивает)* браво!.. ура! нашел, решительно нашел!..

Расплюев *(спрятавшись за дверь)*. Важно!.. Каково коленце!.. ведь это что? Я тебе говорю: рехнулся, до фундаменту рехнулся!..

Федор *(подходит робко и смущенно)*. Батюшка Михайло Васильич! что вы? Выкушайте стакан воды. Что с вами, батюшка? Или лодеколоню извольте? Ну что вы, батюшка! Не в этаких переделах бывали... выберемся и отсюда... слово скажите, на себе вынесу...

Кречинский *(вслушиваясь, ласково)*. Что ты, Федор, что ты? я ничего... *(Громко.)* Гей, Расплюев!

Расплюев вздрагивает всем телом.

Ступай, знаешь, к этому... как его?.. к Фомину, — вот на Петровке, и закажи сейчас бальный букет, самый лучший, чтоб весь был из белых камелий... понимаешь? чтоб только одни белые были. Ступай и привези сию минуту.

Расплюев *(жалобно показывает Федору на Кречинского)*. А что я тебе говорю, Федор? а? копейки сущей нет, а он, голубчик, целковых в пятьдесят букет ломит! *(Ходит взад и вперед.)* Ох, ох, ох! батюшки мои, батюшки. Что делать-то, Федорушка? что нам, сиротинкам, делать?

Кречинский *(походив, останавливается)*. Ну что ж? Ты еще здесь? У тебя, может, уши заложило? Я ототкну! слышал ли?.. *(идет на него)* слышал ли, что приказано?

Расплюев *(отступая от него к стене)*. Ми... Ми... Михайло Васильич! помилуйте! да на какие деньги? копейки сущей нет. Помилуйте! что вы? Да на что я вам куплю букет?

Федор. Ступайте, Иван Антоныч, ступайте! Слышите, что барин приказывает? Ступайте.

Расплюев. Да на что я куплю? где деньги? копейки сущей нет.

Кречинский *(берет со стола свои часы с цепью).* Вот тебе деньги... Чтоб через полчаса был у меня вот здесь на столе. Слышал?.. Ну!..

Расплюев уходит.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же без Расплюева.

Кречинский. Теперь, теперь, да, теперь надо написать письмо к Лидочке, чтоб было готово. Время дорого: за дело! *(Садится и начинает писать у бюро.)*

Федор *(в сторону, посматривая искоса на Кречинского).* Врет Иван Антоныч: не рехнулся барин; соколом сидит барин, а не рехнулся. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Кречинский (один).

Кречинский *(пишет письмо; останавливается).* Не то! *(Рвет бумагу, опять пишет.)* Не туда провалил. *(Еще рвет, опять пишет.)* Эка дьявольщина! Надо такое письмо написать, чтобы у мертвой жилки дрогнули, чтобы страсть была. Ведь страсть вызывает страсть. Ах, страсть, страсть! где она? *(Усмехается.)* Моя страсть, моя любовь... в истопленной печи дров ищу... хе, хе, хе! А надо, непременно надо... *(Сочиняет письмо, перечитывает, марает, опять пишет.)* Вот работка: даже пот прошиб. *(Отирает лицо и пробегает письмо.)* Гм... м... м... м... Мой тихий ангел... милый... милый сердцу уголок семьи... м... м... м... нежное созвездие... черт знает, какого вздору!.. черт в ступе... сапоги всмятку, и так далее. *(Запечатывает и надписывает адрес.)* А вот что: мой тихий ангел! пришлите мне одно из ваших крылышек, вашу булавку с солитером *(пародируя)*, отражающим блеск вашей небесной отчизны. Надо нам оснастить ладью, на которой понесемся мы под четырьмя ветрами: бубновым, трефовым,

пиковым и червонным, по треволненному житейскому морю. Я стану у руля, Расплюев к парусам, а вы будете у нас балластом!.. А этот... Расплюев нейдет... экая...

ЯВЛЕНИЕ XI

Кречинский и Расплюев (входит).

Кречинский. А... ну, вот он...

Расплюев *(с букетом в руке. Несет его бережно; к публике, показывает на букет.)* Двадцать пять серебряных рублей за веник! тьфу!

Кречинский. Эй, сюда, покажи. *(Смотрит.)* Хорош, ладно. Сдачи сколько?

Расплюев *(с сокрушением)*. Сдачи? пятидесятирублевая. *(Подает ему деньги.)*

Кречинский. Теперь ты слушай да подбери, братец, губы — дело резкое. Вот, видишь, это письмо к моей невесте, Лидии Петровне Муромской, вот тут сейчас на бульваре... знаешь?..

Расплюев *(оживает)*. Знаю, Михайло Васильич, знаю. Вот только за угол повернуть, большой белый домина с подъездом.

Кречинский. Ну да. Теперь скоро час?

Расплюев *(подпрыгивая к часам)*. Первого сорок пять минут.

Кречинский. Ну да. Старика теперь дома нет: об эту пору он всегда таскается по городу на своих доморощенных клячах. Ты отправляйся и отдай букет Лидии Петровне лично. Поздравь от меня с добрым утром, этак, половчее, повальяжнее, отрекомендуйся... понимаешь? Да уберись хорошенько. Надень мой сюртук... Федор!

Федор входит.

Подай ему мой сюртук!.. Если старик дома, букет отдай, а записки ни-ни. Я прошу в ней, между прочим, чтоб она прислала мне ее солитер, что я обделывал в булавку... помнишь?

Федор подает Расплюеву сюртук.

Расплюев *(надевает и оправляется)*. Знаю, помню; двадцать карат — тридцать тысяч стоит.

Кречинский. Я пишу ей, что вчера был у меня о

нем спор с князем Бельским и состоялось о нем большое пари.

Расплюев. Тс, тс, тс, тс...

Кречинский. Получи вещь и принеси аккуратнейшим образом. *(Грозит ему.)* Об этом пари можешь и сам приврать что-нибудь.

Расплюев. Я привру, Михайло Васильич, я охотно привру.

Кречинский. Или нет, не ври: у тебя во вранье всегда передел бывает. Беги; а получа вещь — лети! Берегись старика; остальное пойдет как по маслу... Понял?

Расплюев *(вполголоса)*. Понял, Михайло Васильич *(подымая брови и палец, значительно)*, понял! лечу!.. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Кречинский (один).

Кречинский. Понял, понял... Ничего, дурак, не понял. Он думает, что я красть хочу, что я вор. Нет, брат: мы еще честью дорожим; мы еще вот в этом кармане *(показывая на голову)* ресурсы имеем. Однако к делу! *(Кричит.)* Федор! гей! Федор!

Федор врывается в дверь с маху.

Где ты сидишь? спишь?

Федор. Я вот, сударь, только что...

Кречинский. Ну?! Двух ног мало, подставь третью!.. На, вот деньги. Первое — истопить комнаты. Да ты смотри: ты с радости так нажаришь, как в пёкле: так это еще рано. Во-вторых, у меня нынче вечером для шести персон чай: невеста с ее родными, господин Нелькин и, может, еще кто-нибудь. Чтоб все было отлично...

Федор. Слушаю-с. Десерт прикажете?

Кречинский. Чтобы все было отлично. Зажги карсели, канделябров не зажигать; убрать комнаты; накурить духами. Транспаранты везде. Прием семь часов...

Федор. Ливреи прикажете?

Кречинский. Ливрей не нужно. Услуга в черных фраках: галстуки и жилеты белые; да гардины опустить — опустить гардины. А то у вас что порядочный человек вечер делает, что купчиху замуж отдают — все равно.

Федор. Слушаю-с. *(Уходит скоро.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Кречинский (один).

Кречинский. Теперь надо мне две этакие бумажки, чтобы капля в каплю были. Постой, постой! *(Роется в бюро.)* Та, та, та. Заемные письма! всего лучше! *(Накладывает их одно на другое и режет ножницами пополам.)* Чудесно! *(Напевает из «Волшебного стрелка».)*

Что бы было без вина?
Жизнь печалями полна.
Вся тоской покрыта (bis).

Эх? «Волшебный стрелок»! врешь, братец, не то, пой так:

Что бы было без ума?
Жизнь печалями полна,
Наготой покрыта,
С ним *(т. е. с умом)* несчастье лишь обман.
Коль сегодня пуст карман,
Завтра мы богаты (bis).

(Кончает самой невероятной руладой.)

И как дойдешь до богаты, закатывай рулады, какие хочешь, неси дичь страшную: все хорошо, все ладно... Все — ум, везде — ум! В свете — ум, в любви — ум, в игре — ум, в краже — ум!.. Да, да! вот оно: вот и философия явилась. А как Расплюева таскал, ведь философии-то не было: видно, и она, Сократова дочь, хорошую-то почву любит... Только... как бы Расплюев чего не подпакостил: уж полчаса, если не более. А теперь, в эту минуту, в эту великую минуту, мы переходим Рубикон, причаливаем к другому берегу или проваливаем в омут!.. Да, вот она! вот она, решительная минута!

Слышен шум. Расплюев вбегает в шубе, запыхавшись. Кречинский вскакивает и идет к нему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Расплюев, за ним Федор, снимает с него шубу.

Кречинский. Что, Расплюев, виктория?

Расплюев. Виктория, Михайло Васильич, виктория! Вот она, на уде, хватила! *(Держит высоко булавку и передает ему.)*

Кречинский *(весело)*. Ну, Расплюев, перейден Рубикон!

Расплюев *(припрыгивая)*. Перейден!

Кречинский. Рубикон!

Расплюев. Рубикон!

Кречинский. Дурак!

Расплюев. Дур... ну нет, не дурак, нет, Михайло Васильич! вот как обделал — удивительно. Приезжаю... приезжаю-с, этак спрашиваю: что барин, мол, дома? Нет, говорят, дома; говорю: барышня дома? Говорят, дома. Где, говорю? Говорят, у себя. Говорю, доложи; говор...

Кречинский. Ну это видно: гениально... *(Отходит к бюро.)*

Расплюев подходит к Федору и рассказывает ему с жестами. Кречинский рассматривает обе булавки.

Как одна! *(Завертывает их отдельно каждую в приготовленные бумажки.)* Не сорвется! *(Кладет их в бумажник, к Расплюеву.)* Ну, Расплюев! Теперь бежать!!!

Расплюев *(поворачиваясь к нему, быстро)*. Бежать?!! Что ж? я готов бежать...

Кречинский. Бери, захватывай, что можно. Живо, скорей!.. *(Федору.)* Давай одеваться!

Расплюев *(бегает по комнате)*. Федор, бери, захватывай, братец, что можно. Живо! *(Схватывает какие-то вещи, бежит мимо Кречинского и падает.)*

Кречинский *(одевается)*. Скорей, братец, скорей! чемодан давай сюда, чемодан!

Расплюев бежит в другую комнату и несет чемодан.

Стой! нельзя.

Расплюев останавливается как вкопанный.

Если за нами пошлют фельдъегеря, ведь сейчас догонит.

Расплюев. Кто? Курьер? Курьер сейчас нагонит.

Кречинский. Нас сцапают, и по Владимирке.

Расплюев. Уж коли сцапают, так по Владимирке.

Кречинский. Так что ж с ней делать?

Расплюев. Да, Михайло Васильич, что ж с ней делать?

Кречинский. Федор!

Расплюев. Федор!

Кречинский. Подай мне шубу!

Расплюев. Подавай Михайлу Васильичу и мне шубу!

Кречинский *(надевает быстро шубу)*. Нет, любезный, тебе не шубу, а, по всякой справедливости, серую сибирку с бубновым тузом на спине! *(Уходит; в дверях, Федору.)* Федор, не выпускать его отсюда никуда, слышишь?

Федор. Слушаю, сударь! *(Становится у двери и затворяет ее под нос Расплюеву.)*

ЯВЛЕНИЕ XV

Расплюев останавливается как вкопанный.

Расплюев. Стойте! Что вы? Михайло Васильич!.. *(Во весь голос.)* Михайло Васильич!.. Да куда ж он? Постой, пусти, пусти, пусти, говорят! Что ты? *(толкает Федора от двери)* да что ж ты?

Федор *(отводя его рукой)*. Извольте, сударь, остаться. Слышали, не приказано-с.

Расплюев *(потерявшись)*. Как?! Да это... это, стало, разбой!.. измена! ай, измена!!! *(Идет опять к двери и толкает его.)* Пусти, пусти, разбойник! пусти, говорю!..

Федор запирает дверь на ключ.

Ах, батюшки-светы! Режут, ох, режут!.. Караул! Карау... *(Притихает.)* Шш... что я? На себя-то? сейчас налетят орлы... *(Стихает.)* Пусти меня, Федорушка! Пусти, родимый! Тебе ведь все равно; ну что тебе мою грешную душу губить? Ведь сейчас полиция придет, сейчас хватятся! Как старик вернется, так и хватятся. Кто, скажут, приезжал? Скажут, приезжал Иван Антоныч. Ну, скажут, его, мошенника, сюда и подавай. Барин большой, богатый; вот меня этак... *(берет себя за ворот)* на буксир, да к генерал-губернатору, да в суд, да и скомандуют по нижегородской дороге! Ох, ох, ох, ох, ох! *(Садится на чемодан и плачет.)* Федорушка! Разве тебе радость какая или добыча будет, если меня в непутном-то месте отстегают?..

Федор. Помилосердуйте, Иван Антоныч! дворянина? что вы!..

Расплюев. Какой я дворянин? Все это пустяки, ложь презренная. Пиковый король в дворяне жаловал — вот-те и все. Федор, а Федор! Пусти, брат! Ради Христа

создателя, пусти! Ведь у меня гнездо есть; я туда ведь пищу таскаю.

Федор. Что вы это? Какое гнездо?

Расплюев. Обыкновенно, птенцы; малые дети. Вот они с голоду и холоду помрут; их, как паршивых щенят, на улицу и выгонят. Ведь детище — кровь наша!..

Федор. Да полно вам, Иван Антоныч, право, себя тревожить. Ну куда барину уйти?

Расплюев. Как куда? Да на все четыре ветра.

Федор. Ну такой ли он человек, чтобы ему уйти. Он и здесь цел будет. Поехал дело какое делать, а не ушел.

Расплюев. Нет, ушел, непременно ушел. Что ему, о нас, что ли, думать? Ведь эта вещь, говорят, сорок тысяч стоит, — вот какая вещь! Да чего тут? Сам-то я как влез с этой проклятой вещью в сани да как понюхал свежего воздуха, ну, так меня и позывает! Да ведь тем и устоял только, что думаю себе: ну, куда, мол, мне? куда? ведь он орел: как шаркнет за мною, так только пищи!.. А ему теперь что? везде дорога, везде тепло. Катит себе...

Федор. Да какой ему расчет бежать, да еще и с краденой вещью? Дураку надо бежать, а не ему!

Расплюев. Так, по-твоему, с нею лучше по городу шататься?

Федор. Да какая ж она краденая?

Расплюев. Ведь мы ее обманом у Муромской взяли. Что с нею больше делать? Марш, да и только!

Федор. Ну... заложить поехал.

Расплюев. Заложить? Да ведь ныне вечером ее надо отдать, а то через полицию возьмут, да и в сибирку посадят. Так этого не захочется. Нет, брат, ушел, просто ушел! Уйдем, Федор, и мы!

Федор. А мне что? я при своем месте.

Расплюев. Ведь в тюрьме умрешь.

Федор. А за что? я ничего не знаю: мету комнаты, сапоги чищу, знать не знаю и ведать не ведаю — вот и ответ. Да, впрочем, оно дело темное; может, Михайло Васильич и отлучился куда. Кто его знает?

Расплюев. Отлучился?.. стало, бежал?!! *(Берет себя за голову и суется по комнате.)* Ох, ох, ох! *(Останавливается и собирается с духом.)* Ну, Федор, спросят —

смотри: ведь ты сам, братец, видел, как я ему ее отдал.

Федор. Чего-с?...

Расплюев *(кричит)*. Я говорю, что ты видел, как вот здесь, на этом самом месте, я отдал булавку этому разбойнику, твоему барину.

Федор. Ну, Иван Антоныч, позвольте: вы в евто дело меня не вводите. Мне, сударь, не стать: я сапоги чищу, комнаты мету, а ваших делов я не знаю.

Расплюев *(с ужасом)*. Иуда!.. Как не знаешь? Да ведь я сию минуту вот при тебе ему отдал.

Федор. Помилуйте! Почем мне знать, что вы ему отдали. Вы нешто говорили мне, что вы ему отдали?

Расплюев. Ах, Хам! Хам! *(Бьет себя по лбу.)* Зарезал!! Ааа! чертова шайка! Вижу, вижу... Так вы меня под обух!.. Нет, постой! *(Наступает на него в азарте.)* Пусти, говорю, пусти, бездушник! *(Подбирается к нему.)* Слышишь, говорю: пусти! *(Кидается на него; борются молча и пыхтят.)*

Федор подбирает Расплюева под себя.

Федор. Эх, брат, врешь, Иван Антоныч! эх, брат, врешь! Ишь, ишь вертишься... постой... постой... *(Душит его.)*

Расплюев *(тяжко дышит)*. Ох, ох, ох! Оставь! смерть моя... смерть!.. Оставь... ах, батюшки... батюшки...

Федор *(потискивая Расплюева)*. Не приказано, так сиди смирно...

Расплюев *(вырывается, отходит к сцене и оправляется)*. У, ах, тьфу, тьфу! А! *(к публике)* что бы вы думали? ведь он, дурак, рад до смерти задушить *(Подумав.)* А, третья! Ей-ей третья! *(Складывает руки.)* Судьба! *(Громче.)* Судьба! за что гонишь? За что гон... *(Взглянув на Федора.)* Нет, каков леший! рожа, рожа-то какая! Стал опять в дверях, как столб какой; ему и нуждушки нет.

Федор равнодушно на него смотрит. Расплюев посматривает по сторонам.

Ох, ох, ох, ох, ох! А время идет! идет время! И сюда, может, уж идут! А я в западне! Молчать должен, ждать беды! Тюрьмы!! наказания ждать и молчать!! Господи боже! как томит сердце!.. ноет как! вот здесь какая-то

боль, духота!!! Детки мои! голы вы, холодны... Увижу ли вас?.. Ваня, дружок! *(Плачет. Удар звонка.)* Ай!.. вот они!... вот они!.. Полиция в доме, полиция!! *(Мечется по комнате. Еще удар звонка. Федор идет отворять.)* Идут!!! Ух!! ух!! *(Кидается в отчаянии на чемодан.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Кречинский входит быстро; Федор идет за ним и что-то говорит ему тихо.

Кречинский *(в духе).* Ха, ха, ха! Ну и очень хорошо сделал. *(Расплюеву.)* Что, брат? вы, кажется, с Федором-то погрелись? Что ж, ничего: оно от скуки можно. Только вот что худо: все ты, Иван Антоныч, торопишься: в свое время все, братец, будет; это закон природы — и полиция будет и Владимирки не минешь, — в свое время все будет; об этом тебе хлопотать нечего. *(Отходит к бюро и развязывает пачку.)* А теперь вот возьми да займись покуда делом. *(Отдает ему пачку денег.)* Сочти вот деньги да разложи, братец, на кучи. Отдать надо. Это наша обязанность, священный долг. А булавку *(кладет ее на стол)* вот надо вечером возвратить тому, кому принадлежит. Вот как честные люди делают. Эх, ты!

Расплюев *(совершенно растерянный, подходит к столу).* То есть просто ничего не вижу *(трет себе лоб):* пестрота какая-то. *(Делает жест.)* Фу! Деньги... это деньги... а вот это... булавка... точно, булавка! *(Берет деньги и начинает считать.)* Сто... двести... четыреста... девятьсот... четырнадцать... тьфу *(Кладет и начинает считать опять деньги на столе; к публике.)* Вот вам скажу, был здесь в Москве *(вздыхает)* профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско: из шляпы вино лил красное и белое *(всхлипывает);* канареек в пистолеты заряжал; из кулака букеты жертвовал, и всей публике; — ну, этакой теперь штуки, закладываю вам мою многогрешную душу, исполнить он не мог; и выходит он, Боско, против Михайла Васильича мальчишка и щенок.

Кречинский *(пишет у стола).* Ну довольно! считай! а то ведь ты рад воду толочь. У него какая-то чувствительность: ведь пень целый, кажется, а сейчас и размякнет.

Расплюев *(в восторге)*. Господи боже мой! какое масло разливается по сердцу, какой аромат оступает меня со всех сторон! жасмины какие-то пахнут, и вообще полагать надо, что такую теперь чепуху порю, что после самому стыдно будет.

Кречинский. Ха, ха, ха! я думаю.

Расплюев. Смейтесь, смейтесь! Что вам? Вам ведь только и смеяться в жизни... что вам? Вы вон как вертите; всем вертите, просто властвуете! А вы вот в мою шкуру-то влезьте, так иное дело. Да! Вы вон Федора спросите: я без вас потерялся совсем; помрачился ум; сижу вот тут... *(указывает на чемодан)* да волком и вою.

Кречинский. Послушай, ведь я дожидаюсь... это долго будет?

Расплюев. Что ж, Михайло Васильич, неужели и порадоваться-то нельзя. *(Разбирает деньги.)* Вот они, родимые-то! Голубчики, ласточки мои! Вот это: пеструшечки пучок, другой, третий... а вот это малиновки: пучок, другой, трррретий, четверрррр...тый... ха, ха, ха! хи, хи, хи! Господи боже мой! Ну, чего бы я не сделал, чего бы не свершил для этакого благополучия!.. *(Садится и считает.)*

Молчание.

Кречинский *(надев шляпу и шубу, подходит к Расплюеву)*. Ну, чадушко, кончил?

Расплюев *(торопливо)*. Сейчас... сейчас... сейчас...

Кречинский *(берет одну пачку)*. Эти деньги я отвезу сам; а вот эти *(отдает ему остальные деньги)* развези ты — да часы мне выручи. Вот записка, кому и сколько надо отдать. Смотри: исполнить аккуратным образом.

Расплюев *(берет деньги и завертывает их бережно в бумагу)*. Михайло Васильич... как же это? Ведь эти деньги от Бека, от Никанора Савича.

Кречинский. Да, от Бека.

Расплюев. А булавка-то... Стойте... *(Рассматривает булавку.)* Да ведь это моя крестница! Ведь это та самая, что я получил от Лидии Петровны? а?

Кречинский. Ну разумеется; ее нынче вечером надо Лидии Петровне возвратить. *(Берет булавку из рук Расплюева и запирает в бюро.)*

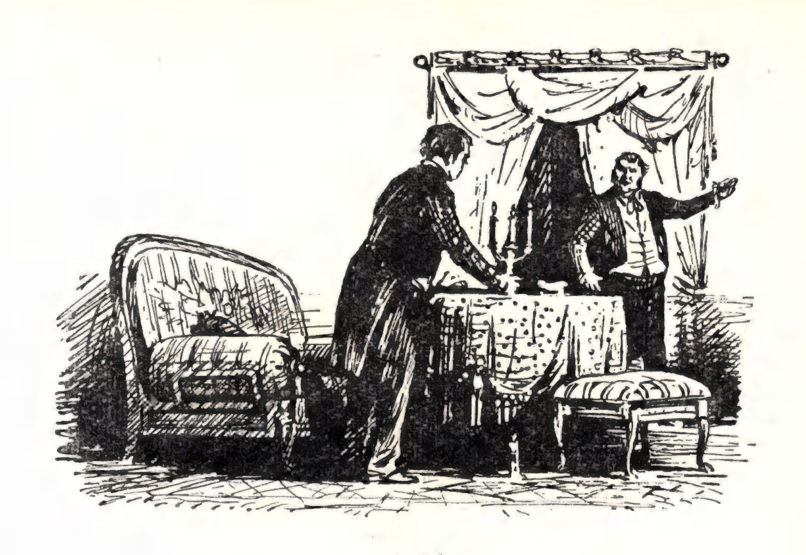
Расплюев *(берет шляпу)*. Как разумеется? Черт тут разумеет! Как же это? а? И деньги и булавка! *(Федор накидывает ему шубу.)*

Кречинский. Гончая ты собака, Расплюев, а чутья у тебя нет... Эхх ты!

Уходят.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Кречинского. Вечер. Все освещено и убрано.

ЯВЛЕНИЕ I

Федор, в черном фраке, белом галстуке, жилете и перчатках, ставит лампы и обмахивает мебель. Расплюев входит, завитой, во фраке и в белых перчатках.

Расплюев. Ха, ха, ха... ха, ха, ха... ха, ха, ха... ой, довольно... ха, ха, ха!.. Вот как разобрало!.. *(Кладет шляпу.)* Как представлю себе эту подлую рожу, как сидит он, христопродавец, со стеклышком; караулит его; хранит Иуда за семью замками кусок хрусталя, в два гроша меди; так меня... ха, ха, ха!.. и разбирает... фу... *(оправляется)* небось руки трет, шесть тысяч серебром дал! ведь куш какой! Он думает: Кречинский, мол, лопнет, и солитер мой... А, Федор? А Михайло Васильич ведь Наполеон? Подай-ка мне карандаш.

Федор подает ему карандаш.

Постой запишу! Так Эврика или Эдрика, как он говорил-то?

Федор. Кажется, Эврика.

Расплюев. Ну, так ин будь Эврика. Первая лягавая собака, какая будет, назову Эврика. Фио! эй, ты, Эврика! хорошо, ничего. Вот он, Федор, кричал-то, что нашел, ан он точно нашел.

Федор. То-то и есть, Иван Антоныч! а вы вот хоть сейчас его взять и в желтый дом вести.

Расплюев. Что делать, братец, пас. А ты знаешь, как он эту вещь обделал?

Федор. Почем мне знать! Признаться, вам сказать, дураком не был, а тут и ума не приложу; мерекаю и так и этак, ну нет: просто разум не берет.

Расплюев. А вот я тебе разгадаю, братец, разга-адаю!... Только смотри, дело вот какое: секретнейшее.

Федор. Помилуйте!

Расплюев. Вот видишь... *(Поправляет фрак и делает жест пальцами.)* Как взял он это дело себе в голову, как взял он дело, кинул так и этак... Ну, говорит, Расплюев, выручай. Я, говорю, готов, Михайло Васильич, на все готов. Вот, говорит, что: прозакладывай ты, говорит, Расплюев, свою душу, а достань мне от Муромских их солитер, что я ныне, по осени, отдавал оправлять в булавку; помнишь, говорит, вот по той модели, что у меня в бюро валяется. Я этак и задумался.

Федор. Вы-то!

Расплюев. Да, я-то. Трудновато, говорю, трудновато. Однако отправился и, как ястреб какой, через четверть часа тащу его на двор: вот, мол, он, голубчик! Он, например, берет его и модель-то берет... слышишь, модель-то, по которой уделывали... да в бумажник обе и запустил.

Федор. В бумажник!..

Расплюев. В бумажник! Ведь вор-человек; побрякушки не бросил... а?.. а вот она и дело сделала... Взял он их да прямо в Киселев переулок, к Никанору Савичу Беку бац! Денег, говорит, давай, жид, денег. Денег? какие у меня деньги? Денег нема. А под залог — ма? Под залог, говорит, ма. А сколько ты мне, например, говорит, Иуда, дашь денег под это детище?.. Того так и шелохнуло, и рот разинул: загорелись глаза, лихорадка так и треплет. Туда-сюда, на стекло, на вески, вертит, пробует... Ну, видит,

вещь первая... Четыре... — Четыре!.. Собачий ты, говорит, сын, ведь она десять стоит... а?.. Что ты дурака, что ли, нашел? Подай назад; не хочу!.. — Тот разгорелся, из рук-то выпустить не может; вырвал, да опять в бумажник. Семь дашь? *(Пискливым голосом.)* Нет, не могу, не могу: пять! — Хочу семь! — Ни! — Ну, шесть! — Ни! — Ну, прощай, да, смотри, не поминай лихом; мне Шпренгель восемь даст. Дрожит Хам, трепещет; взалкал волчьим-то горлом: ведь хищник! Ух!.. бери, говорит. По рукам, что ли? По рукам!.. Давай, говорит, сургуч да коробку. «Как коробку?» Да видимое дело, что коробку. Мы туда его, голубчика, уложим собственноручно; а я вот печати наложу, так и сохранно будет, а тебе, говорит, Иуда, этакое сокровище не дам... слышишь?.. Ого!..

Федор. Так, так, так! *(Кивает головой.)*

Расплюев *(продолжает).* Побежал перепелкою за коробкою; тащи, говорит, и деньги... Тащит и деньги. Вот, говорит, смотри! Вытянул из бумажника, да уж не ту, а модель-то, модель... Ведь это что? вертит ему в глазах-то... ведь это Бразилия целая... а? Голконда... а?

Федор. О, господи!

Расплюев *(с жаром).* А у него глаза-то кровью, кровью-таки и налились! Раз, два... бултыхнули в коробку, наложили печати... тот ему деньги; этот ему коробку... Приехал, да как хлыснет мне на стол вот какую пачку!.. На, говорит, получи, да Михайла Васильича помни!..

Федор *(складывая руки).* Ах ты, господи!

Оба стоят в благоговении. Молчание.

Расплюев *(в необыкновенном духе).* Наполеон, говорю, Наполеон! великий богатырь, маг и волшебник! Вот объехал, так объехал; оболванил человека на веки вечные... человека?.. нет; ростовщика оболванил — и великую по себе память оставит.

Федор *(расставив руки).* Ну, точно, обделано дело. Господи! вот дело обделано.

Расплюев. Да как еще обделано — диво! Деньги тут и солитер тут; нынче вечером мы его с благодарностию... *(С внутренним увлечением.)* Под семью печатями и за семью замками лежит стекло, и привалил его жид своим нечестивым туловищем! И следа нет! следа-то нет! По клубу уплатит сполна; свадьбу справит лихо; возьмет миллион, да и качнет; то есть накачает гору золота и бу-

дет большой барин, велик и знатен, и нас не забудет... а? Федор?.. ведь не забудет?

Федор. Хорошо, как не забудет.

Расплюев. Он мне двести тысяч обещал.

Федор. Когда обещал, так хорошо. Хохлы говорят: обещал пан кожух дать, так и слово его тепле.

Расплюев. Что-оо? Откуда ты сыскал эту поговорку? Обещал; разумеется, обещал.

Звонок.

Вот, никак, Михайло Васильич изволит звонить... Он и есть. *(Подымает благоговейно руки.)* Великий богатырь, маг и волшебник! *(Почтительно идет ему навстречу.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Кречинский.

Кречинский *(входит и кладет шляпу)*. Экой день... а?.. Дай стул, Федор: устал!.. А?.. первый раз в жизни устал; видно, старо стало... Ну, у вас здесь все исправно? *(Садится. Расплюев и Федор стоят перед ним.)*

Федор. Все исправно, Михайло Васильич, по приказанию, все исправно.

Кречинский *(осматривает гостиную)*. Вижу. Хорошо. Вот сюда еще карсель. Экой важный апартамент какой; хоть какому жениху не стыдно. *(Расплюеву, строго.)* Ну, ты все исполнил?

Расплюев. Все, Михайло Васильич, все, как приказали, все, до ниточки. Угодно вам расписки получить?

Кречинский. Вестимо; не на веру же. *(Берет у него расписку и читает.)* Гм!.. хорошо... Федор!.. На, запри в бюро...

Расплюев. Вот и часы ваши, Михайло Васильич, и цепочка. Все тут. *(Передает ему.)* Извольте видеть, как все уделано.

Кречинский *(берет часы)*. Ладно!.. Фу, устал!.. *(Надевает на себя часы.)* В клубе пообедал отлично. Давно такого аппетита не было. Был там этот дурак Нелькин. Как уставился на меня, словно сова какая. Смотри, мол, брат, смотри; проглядел невесту; теперь на меня глаза пялить нечего; с меня, приятель, взятки гладки; я подковы гну...

Расплюев. Я тоже, Михайло Васильич, исполнив приказания, завернул в Троицкой...

Кречинский. Ага, не позабыл?

Расплюев. Как же, помилуйте!.. Вхожу, этак, знаете, сел посреди дивана, подперся так... Гм! говорю: давай ухи; растегаев, говорю, два; поросенка в его неприкосновенности! Себе-то не верю: я, мол, или не я?.. Подали уху единственную: янтари этак так и разгуливают. Только первую ложку в рот положил, как вспомню о Беке, как он болтуна высиживает, да как фукну... так меня и обдало!.. Залил все, даже вот жилетку попортил... ей-ей! какая досада.

Кречинский. Ну, хорошо, хорошо... Слушай: когда приедут гости, ты мне займи разговором старика: болтай ему там черт знает что; а я останусь с бабами и сверну эту свадьбу в два дня. Да ты, смотри, не наври чего. Ты ведь, пожалуй, сдуру-то так брехнешь...

Расплюев *(жалобно)*. Отчего же брехнуть? зачем брехнуть? Кажется, я все дело делаю, а вам вот никогда не угодно мне и одобрение дать.

Кречинский. Да черт тебя одобрит? видишь, какой пень уродился!.. *(Задумывается.)* Постой... исправно ли ты принарядился?

Расплюев. А я, Михайло Васильич, из Троицкого завернул к французу, завился — а ла мужик... Вот извольте видеть, перчатки — полтора целковых дал... белые, белые, что есть белые...

Кречинский. Совсем не нужно.

Расплюев. Как же, помилуйте! как же-с! без белых перчаток нельзя; а теперь вот в ваш фрак нарядился... извольте взглянуть.

Кречинский. Ха, ха, ха!.. хорош, очень хорош. Смотри, пожалуй! а? целая персона стала. *(Повертывает его.)*

Расплюев. Что же, Михайло Васильич, отчего же не персона? Ведь это все деньги делают: достатку нет, обносился, вот и бегай; а были б деньги, так и сам бы рассылал других да свое неудовольствие им бы оказывал.

Кречинский. Ну, ну, ну, хорошо, хорошо. Теперь на ноги живо! Федор!

Федор вбегает.

Чтоб все было отлично, чинно, в услуге без суматохи и без карамболей под носами; два официанта у приемной, сюда

еще карсель; зеленый стол вот здесь. *(Смотрит на часы.)* Сейчас гости! Конец — и делу венец! Постой, постой! Эй, Федор! Там в коридоре я видел портрет какого-то екатерининского генерала... Вот этакая рожа. *(Делает гримасу.)* Сейчас обтереть, принесть и повесить над моим бюро. Это для генеалогии.

Несут карсель, стол, портрет, ставят и вешают. Звонок.

Ну, вот они. Я иду принять; а ты, Расплюев, садись вот здесь, на диване, этак повальяжнее; возьми газету... газету, дурак, возьми... развались!.. Эх ты, пень!.. *(Уходит.)*

Расплюев. Ну вот видите, вот опять корить пошел; а говорит: хорош, хорош. Ты мне, брат, двести тысяч обещал. Да.

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский, Атуева, Лидочка, Кречинский и Расплюев. Кланяются и жмут друг другу руки.

Муромский *(осматриваясь).* Какая у вас прекрасная квартира!

Атуева. Да, прекрасная, прекрасная квартира! Какой у него вкус!.. во всем, во всем...

Лидочка. Да, очень хороша.

Кречинский. Для меня, mesdames, она только с этой минуты стала хороша. *(Целует у Лидочки руку.)*

Атуева. Как он всегда мило отвечает! Какой, право, милый человек... Знаете что, Михайло Васильич? я об одном жалею.

Кречинский *(вежливо).* О чем это, Анна Антоновна?

Атуева. Что я не молода: право, я бы в вас влюбилась.

Кречинский. Ну, стало, мне надо жалеть, что я не стар.

Лидочка. Это только не комплимент мне.

Атуева. Лидочка! да ты ревнива?

Кречинский *(берет у Лидочки руку и целует).* За то, что вы ревнивы, целую вашу ручку; а несправедливой быть нехорошо.

Лидочка. Отчего же несправедливой?

Кречинский. Я сказал: мне надо жалеть; а между тем, что надо и что есть, — большая разница.

Лидочка *(отходит в сторону и манит Кречинского)*. Михайло Васильич! послушайте.

Кречинский. Что такое?

Лидочка. Секрет. *(Отводит его еще.)* Вы меня любите?

Кречинский. Люблю.

Лидочка. Очень?

Кречинский. Очень.

Лидочка. Послушайте, Мишель; я хочу, чтоб вы меня ужасно любили... без меры, без ума *(вполголоса)*, как я вас люблю.

Кречинский *(берет ее за обе руки)*. И душою и сердцем.

Лидочка. Нет, я хочу сердцем.

Кречинский *(в сторону)*. Да какая она миленькая бабеночка будет!

Атуева *(подкрадываясь к ним)*. О чем вы тут советуетесь?

Лидочка. Так, одно дело есть.

Атуева. Пари держу, о платье.

Лидочка. Проиграете, тетенька!

Атуева. Так о чем же?

Кречинский *(показывая на сердце)*. О том, что под платьем, Анна Антоновна!

Атуева. Как что под платьем? *(Отводя Лидочку.)* Что же это ты, матушка, с ним о белье-то говоришь?

Лидочка *(смеется)*. Нет, тетенька, не о белье. *(Говорит ей на ухо.)*

Кречинский *(подбегая к Муромскому)*. Петр Константиныч! что же вы не садитесь? сделайте одолжение! Какие вам кресла — с высокою спинкою или с низкой? Кресла, Иван Антоныч, кресла!

Расплюев тащит кресла.

Муромский. Нет, я вот здесь на диване: здесь вот хорошо. *(Садится.)*

Кречинский. Позвольте мне вам представить доброго приятеля и соседа, Ивана Антоновича Расплюева.

Расплюев *(оставив кресла, раскланивается и конфузится)*. Честь... честь... имею...

Муромский *(встав)*. Ах, очень приятно. *(Жмет Расплюеву руку и садится на диван.)*

Расплюев берет стул и садится на самый кончик, подле Муромского, Кречинский — с другой стороны сцены, с дамами. Подают чай. Молчание.

Муромский *(берет чашку)*. В военной службе изволите служить или в статской?

Расплюев *(берет чашку)*. В стс... в ст... в воен... в статской-с... в статской-с...

Муромский *(очень вежливо)*. Жить изволите в Москве или в деревне?

Расплюев. В Москве-с, в Москве, то есть иногда... а то больше в деревне.

Муромский. Скажите, в какой губернии имеете поместье ваше?

Расплюев. В Симбирской-с, в Симбирской.

Муромский. А уезд какой?

Расплюев *(скоро)*. Какой уезд?

Муромский *(кивая головою)*. Да-с.

Расплюев. Как бишь его *(нагибается и думает)* того... то есть ох... как его?.. *(В сторону.)* Да я в этом захолустье ни одного уезда не знаю. *(Вслух и пощелкивает пальцем.)* Вот так на языке и вертится... Эх... господи... Михайло Васильич! да как его уезд-от?

Кречинский. Какой уезд?..

Расплюев. Да наш уезд.

Кречинский. А! в Ардатовском.

Расплюев *(делает жест рукою Муромскому)*. Ну вот!..

Муромский. В Ардатовском?

Расплюев *(прихлебывает чай и кивает утвердительно головою)*. Симбирской губернии, Ардатовского уезда-с.

Муромский. Да Ардатовский уезд в Нижегородской губернии.

Расплюев *(фыркнув в чашку)*. В Нижегородской? Как в Нижегородской? Ха, ха, ха, ха!.. Михайло Васильич! что ж это такое? Они говорят, что Ардатовский уезд в Нижегородской губернии... ей-ей! ха, ха, хе, хе!..

Кречинский *(нетерпеливо)*. Да нет! их два: один Ардатов Нижегородской губернии, другой Симбирской.

Расплюев *(делает рукой к Муромскому)*. Ну вот!..

Муромский *(делает рукою жест)*. Да, точно, именно один Ардатов в Нижегородской, а другой в Симбирской.

Расплюев *(делая также жест)*. Один-то Ардатов в Нижегородской, а другой — в Симбирской. *(Оправляется.)*

Муромский. Извините, извините, ваша правда. *(Молчание.)* Скажите, а предводителем у вас кто?

Расплюев. А? *(В сторону.)* Да это дурак какой-то навязался? Что ж это будет? *(Махнув рукою.)* Эх, была не была!.. *(Вслух.)* Бревнов.

Муромский. Как-с?

Расплюев. Брррrevнов-с!

Муромский. Не знаю... не имею чести знать...

Расплюев *(в сторону)*. Я думаю, что не знает.

Муромский. И хороший человек?

Расплюев. Предостойнейший! мухе — и той зла не сделает.

Муромский. В наше время это редкость.

Расплюев. Гм! Редкость! нет, Петр Константиныч, решительно скажу, таких людей нет.

Муромский. Ну, однако...

Расплюев *(горячо)*. Уверяю вас, нет. Поищите!..

Муромский *(с участием)*. Вы, как заметно, имели от людей и огорчения в жизни.

Расплюев. Имел! *(Поправляя на себе фрак.)* Такие, могу сказать, задавались мне огорчения в жизни, что с иного, могу сказать, все бы обручи полетели, — и вот невредим, жив и...

Муромский *(со вздохом)*. Бывает, все бывает в жизни... А как у вас земля?

Расплюев. А что земля! земля ничего.

Муромский. У вас там должен быть чернозем? точно: ведь Симбирская черноземная губерния.

Расплюев. Да, да, да, как же! чернозем, — удивительный чернозем, то есть черный, черный... у! вот какой!

Муромский. И, скажите, урожаи должны быть отличные?

Расплюев. Урожай? да я в этом захолустье обобрать хлеб не могу... *(хохочет)*, ей-ей, не могу.

Муромский. Неужели?

Расплюев. Право, не могу. Да мне черт с ним! мне его даже не жалко... *(Хохочет.)*

М у р о м с к и й *(тоже смеется)*. А степные-то помещики каковы? Скажите: умолот как у вас бывает?..

Р а с п л ю е в *(в сторону)*. Да он нарочно... *(Подняв глаза.)* Господи, что ж это будет?.. *(Обтирает пот.)* Ну... об умолоте я вам не скажу ничего, потому...

К р е ч и н с к и й *(оборачиваясь)*. Помилуйте, Петр Константиныч! да что вы его спрашиваете? Ведь он только по полям с собаками ездит; ведь он по хозяйству ни в зуб толкнуть...

М у р о м с к и й. Скажите, Михайло Васильич, имение ваше в Симбирской губернии, а родственники ваши живут в Могилевской губернии.

К р е ч и н с к и й. Симбирское — это у меня материнское имение.

М у р о м с к и й. А! понимаю. А матушка ваша как была урожденная?

К р е ч и н с к и й *(протяжно)*. Колховская.

М у р о м с к и й. А, старинный род.

К р е ч и н с к и й. Вот портрет моего старика деда, то есть отца моей матери.

М у р о м с к и й *(смотрит на портрет)*. А, да, вот.

К р е ч и н с к и й. Вот, Иван Антоныч его знал по соседству. *(Подмаргивает Расплюеву и выходит с дамами в боковую дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Р а с п л ю е в и М у р о м с к и й.

Р а с п л ю е в. А... да, да, как же, как же, еще мальчиком... как теперь вижу: добрейший был старик, почтенный, — этакой, знаете, был тучный, и вот как две капли воды он. *(Со вздохом.)* Ах, ах, ах...

М у р о м с к и й. Он уж умер?

Р а с п л ю е в. Где ж, помилуйте! он... *(показывая на портрет)* да он давно умер.

М у р о м с к и й *(помолчав)*. Ну нет, милостивый государь, попробовали бы вы похозяйничать у нас в Ярославской губернии, так другое бы заговорили: у нас агрономия нужна; без агрономии ничего не сделаешь.

Р а с п л ю е в. Неужели без агрономии ничего не сделаешь?

Муромский. Посудите сами: у нас, сударь, земля белая, холодная, без удобрения хлеба не дает.

Расплюев *(с удовольствием)*. Неужели так-таки и не дает? Что ж это она?

Муромский. Да, не дает. Так уж поневоле примешься за всякие улучшения, да и в журналы-то заглянешь... Вот пишут, какие урожаи у англичан, так — что ваши степные.

Расплюев *(горячо)*. Англичане! хе, хе, хе! Помилуйте! да от кого вы это слышали? Какая там агрономия? все с голоду мрут — вот вам и агрономия. Ненавижу я, сударь, эту нацию...

Муромский. Неужели?

Расплюев. При одной мысли прихожу в содрогание! Судите: у них всякий человек приучен боксу. А вы знаете, милостивый государь, что такое бокс?

Муромский. Нет, не знаю.

Расплюев. А вот я так знаю... Да! у них нет никакой нравственности! любовь к ближнему... гм, гм, нет, уж как с малолетства вот этому научат *(делает жест рукой)*, так тут этакого ближнего любить не будешь. *(Поправляет на себе фрак.)* Нет, уж тут любви нет. Впрочем, и извинить их надо; ведь они потому такими и стали, что у них теснота, духота, земли нет, по аршину на брата не приходится: так поневоле стали друг друга в зубы поталкивать.

Муромский. Однако все изобретения; теперь фабрики, машины, пароходы...

Расплюев. Да помилуйте! это голод, это, батюшка, голод: голодом все сделаешь. Не угодно ли вам какого ни есть дурня запереть в пустой чулан, да и пробрать добре голодом, — посмотрите, какие будет штуки строить! Петр Константиныч! посмотрите вы сами, да беспристрастно, батюшка, беспристрастно. Что у нас коровы едят, а они в суп... ей-ей! Теперь это...

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Нелькин, весьма расстроенный, входит скоро и осматривается.

Муромский. А, Владимир Дмитрич, друг милый! насилу-то! *(Расплюеву.)* Честь имею представить: Владимир Дмитрич Нелькин, наш добрый сосед и друг нашего

дома. *(Оборачиваясь к Нелькину.)* Иван Антоныч Расплюев.

Раскланиваются.

Расплюев. Я уже имел честь...

Нелькин. Имел эту честь и я...

Муромский. Что ж вы, Владимир Дмитрич, так поздно?

Нелькин. Задержало одно дело.

Муромский. Полно, батюшка, в восемь часов вечера какие дела!..

Нелькин. Петр Константиныч, такое дело, просто горит *(осматривается)*, жжет — вот какое дело!

Расплюев. Да я вижу, Владимир Дмитрич деловой человек-с; а деловой человек — все равно что ртуть.

Муромский. Послушайте-ка, Владимир Дмитрич, как Иван-то Антоныч англичан режет.

Расплюев. Язвительная, язвительная-с нация, никакого благородства, никакого...

Нелькин. Вы? Вы находите?

Расплюев *(весело)*. Нахожу-с, нахожу-с.

Нелькин. Ха, ха, ха!

Расплюев. Ха, ха, ха, ха, ха! Признаюсь!.. ха, ха, ха!

Нелькин. Как вас зовут?

Расплюев. Иван Антоныч.

Нелькин. Фамилия ваша?

Расплюев. Расплюев.

Нелькин *(подходит к нему и берет его за пуговицу)*. Где нет зла, господин Расплюев? Где его нет?

Расплюев. О нет! я не этого мнения: зло надо искоренять, надо, непременно надо.

Нелькин *(не замечая)*. Где и какое зло — вот вопрос. Вот, например, подлость и мошенничество в сермяге, в худом сюртучишке подьячего жалки, гадки, да неопасны. Вот страшно, когда подлость в тонком фраке... в белых перчатках... чужим добром сытая... катит на рысаках, раскланивается в обществе, входит в честный дом, на дуван подымает честь... спокойствие!.. все!.. Вот что страшно!

Расплюев. А что вы думаете, Петр Константиныч, ведь действительно это, как они говорят, бывалое дело, уверяю вас! Я вот вам расскажу: пример, сударь, был...

Нелькин. Да примеров много! Вот что страшно! Что мудреного, что под сермягою — черная рубаха; нет! вот как под фраком-то *(показывая на фрак Расплюева)* черная рубаха... грязь...

Расплюев *(в сторону)*. Куда он воротит? все фрак да фрак... *(Поправляет фрак, несколько сконфузясь.)* А вот, скажу вам, этакие выходцы и часто с нами, барсуками, такие-то штуки отливали. Каторжник, сударь: уйдет он от себя да к нам перелетной пташкой и явится, — и куда тебе! таким фоном разгуливает, тон задает...

Нелькин *(смотря на него пристально)*. Задает?

Расплюев. Задает-с.

Нелькин *(указывая на него)*. Мошенник-то тоны задает. Ха, ха, ха!

Муромский весело смеется.

Расплюев *(старается смеяться)*. Да, представьте себе, мошенник-с — и вдруг тоны задает, ведь потеха-с. *(В сторону, сжав губы.)* Так бы тебя и перервал... *(Встряхивается.)*

Нелькин *(говорит редко)*. Да, говорят, бывало. Ну, еще страшнее, Петр Константиныч, когда на нашей родной стороне свои бездельники, русские, своих родных братьев обкрадывают и грабят, как басурманов...

Муромский. Вот вопрос-то! эк он их цепляет!

Нелькин *(в сторону)*. Что ж это такое? Он совсем ослеп! Что делать? *(Муромскому, решительным тоном.)* Петр Константиныч! мне надо вам два слова сказать.

Муромский *(встает)*. Что, батюшка, что? *(Отходит в сторону.)*

Нелькин. Где вы?

Муромский. Что-о-о? Недослышу, братец!

Нелькин. Я спрашиваю, где вы?

Муромский. Как где? здесь, ну вот здесь.

Нелькин. Где здесь?

Муромский *(рассердившись)*. Фу ты, пропасть! ну, здесь! Да что это, братец, с тобою ладу нет? Ну разве ты не знаешь, что мы теперь у Кречинского, у Михаила Васильича, в его дому... Ну?

Нелькин. Вы в дому воров!

Муромский. У, у! что ты, спятил... с ума сошел!..

Нелькин. Не я с ума сошел, а вы ослепли!.. Ведь у вас крадут дочь; вы не видите?.. а?..

Муромский *(отводит его в сторону)*. Ну послушай, Владимир Дмитрич, ведь этих слов говорить нельзя: про моего будущего зятя говоришь ты это. Опомнись, братец!

Нелькин. Опомнитесь вы! Ведь вы стоите на краю пропасти. Осмотритесь: вас подымают на фуфу! у вас крадут дочь!.. в вашу семью, в вашу честную семью, как змея, ползет картежник, разорившийся шулер и вор!..

Расплюев *(вслушавшись)*. Шулер и вор? это не о нас ли?

Муромский. Однако послушайте, сударь! Какое же вы имеете право?..

Нелькин. Стало имею... Слушайте меня...

Муромский. Что такое?

Нелькин. Где ваш солитер?

Муромский. Какой солитер? Это Лидочкина булавка?

Нелькин. Именно!

Муромский. У нее.

Нелькин. Верно вы знаете?

Муромский. Верно.

Нелькин. Ее у дочери вашей нет.

Муромский. Ну вот, вот и вышло вранье.

Нелькин. Стойте, Петр Константиныч, стойте! я вам говорю: солитера вашего в доме вашем нет. Он в других руках.

Муромский. Где ж он?

Нелькин. У ростовщика! в залоге!..

Муромский. Пустяки... Помилуйте!.. я его вчерашнего дня еще видел...

Нелькин. Вчера — не нынче.

Муромский. Послушай, Владимир Дмитрич...

Нелькин *(перебивая его)*. А я вам говорю, что ваш солитер заложен Кречинским у ростовщика!..

Расплюев *(вслушиваясь)*. Плоховато, плоховато! пойти шепнуть... *(Уходит.)*

Муромский. Как же он попал к Кречинскому?

Нелькин. Да разве вы не знаете, что нынче утром он его взял?

Муромский. Взял?.. Как взял?..

Нелькин. Да вот этот *(указывает на Расплюева)* за ним ездил.

Муромский. Кто это? Расплюев?

Нелькин. Да, Расплюев.

М у р о м с к и й. Как так?

Н е л ь к и н. Нынче утром приезжаю я к вам, и уж он тут, сидит с Анной Антоновной. Смотрю, Лидия Петровна выносит ему вещь. Так меня и толкнуло... Ба! думаю, тут нет ли штуки: ну, как этакую вещь просить? да я бы, кажется, ее и в руки не взял... Он с нею в сани... Я за ним... туда, сюда... мотал, мотал по городу-то, и вот до сего часа...

М у р о м с к и й. Ну... ну, что ж?..

Н е л ь к и н. Ну, я вам говорю: заложил ее ростовщику Беку.

М у р о м с к и й. Да быть не может: тут что-нибудь не то.

Н е л ь к и н. Да я сейчас от него.

М у р о м с к и й. От ростовщика?..

Н е л ь к и н. От ростовщика. Хотите, поедемте, он все скажет.

М у р о м с к и й *(в замешательстве)*. Что ж это такое?.. Господи!.. Что это такое! Лида! Лида! Лидочка!..

Л и д о ч к а *(вбегает из соседней комнаты с кием в руках)*. Ах, папа, что вы?

М у р о м с к и й. Поди сюда! *(Вполголоса.)* Скажи мне, Лида, твой солитер цел... а?..

Л и д о ч к а. Цел, папа, цел. Ах, папа, ну можно ли? зачем вы меня отрываете от партии? Я играю с Мишелем, и он мне все поддается... так весело, что чудо.

Н е л ь к и н. Вы ошибаетесь, Лидия Петровна: он пропал!...

Л и д о ч к а. Как пропал?

Н е л ь к и н. Ведь вы его отдали...

Л и д о ч к а. Так что же? *(Смотрит на него с удивлением.)* Нынче поутру, папа, я отослала его Мишелю: он держал о нем пари.

М у р о м с к и й. Что?.. что?..

Л и д о ч к а. Он держал пари с князем Бельским, о каратах там, что ли, уж я не знаю.

Н е л ь к и н *(Муромскому)*. Ложь!

Л и д о ч к а. Боже мой! да он у него: он мне сейчас говорил, что он у него!..

М у р о м с к и й *(с беспокойством)*. Ну?

Л и д о ч к а. Ну что же, папа? Он мне его и отдаст.

Н е л ь к и н. Ну, не думаю...

Л и д о ч к а *(вспыхнув)*. Что вы говорите? Как вы, сударь, можете?..

Нелькин. Лидия Петровна! ради бога, не гневайтесь на меня. Что ж мне делать? Виноват ли я? Я готов умереть за вас... муки вынести... но я должен, честию моею клянусь, должен!..

Лидочка *(в испуге)*. Боже мой! что это такое? Папенька! мне страшно! *(Прижимаясь к Муромскому.)* Папенька, папенька!

Муромский. Полно, мой друг, полно! Я сам не знаю, что это такое?

ЯВЛЕНИЕ VI

Атуева, за нею Кречинский и Расплюев выходят скоро.

Атуева. Что ты, дружок? что ты? что с тобой? *(Нелькину.)* Это вы, батюшка! Что вы тут плетете? Чего нанесли? Опять сплетни да рассказы.

Молчание. Все в замешательстве. Кречинский смотрит на всех внимательно.

Муромский *(нерешительно)*. Пожалуйста, Михайло Васильич, того... мы хотим... поговорить семейно, одну минуту.

Кречинский. Семейно? Ну что ж, извольте: я семье вашей не чужой.

Муромский. Да оно, конечно; только я бы попросил вас.

Нелькин. Да что тут, Петр Константиныч! начистоту, так начистоту: милостивый государь! мы говорим о солитере.

Кречинский. О каком солитере, Петр Константиныч?

Муромский. Да о том солитере, что вы нам обделали в булавку. Вы его нынче... у дочери моей взяли?

Кречинский. Взял. Ведь она вам говорила, что взял.

Муромский. Ну, теперь он у вас или нет?

Кречинский. Ага... Вот что... *(Обводит всех глазами и смотрит долго на Нелькина, потом повертывается к Муромскому.)* Так вот что! Скажите мне, с кем я и где

я?.. Скажите мне, какой глупец, какой враль... или какой бездельник...

Суматоха.

осмелился...

Нелькин порывается к Кречинскому, Атуева его удерживает.

Дальше, говорю я вам, — я вам сорву голову!..

Н е л ь к и н *(кричит)*. Нет, я вам ее сорву...

К р е ч и н с к и й *(делает быстрое движение к Нелькину и вдруг удерживается; голос его дрожит)*. Петр Константиныч... солитер Лидии у меня... понимаете ли? я говорю вам: у ме-ня!..

М у р о м с к и й. Да я никогда не имел мысли. Ну вот пришел он, говорит, что я дочь свою топлю, что вы нас обманываете, что солитер взят вами и заложен ростовщику... ну, судите сами...

К р е ч и н с к и й. Ааа... теперь понимаю... Ну, а если он солгал... а?.. ну, а если он, как под... извините... сказал вам подлейшую ложь?.. что тогда?!.

Муромский разводит руками в замешательстве.

Тогда: я хочу... Слышите, хочу!.. чтоб вы по шее выгнали его вон из дому... даете мне в этом слово?.. а?.. Возьмите же ее! *(Берет из бюро булавку.)* Возьмите ее! *(Отдает Лидочке булавку, другую руку протягивает к Муромскому.)* Петр Константиныч! теперь ваше слово.

Л и д о ч к а *(отталкивает булавку)*. Нет... не мне...

Булавку берет Атуева. Все кидаются к ней. Общая суматоха, шум. Все говорят почти вместе.

Н е л ь к и н. Что это? Не может быть! я вам говорю! не может быть.

А т у е в а *(показывая булавку Нелькину)*. Ну вот она! видите, батюшка, вот она..?

К р е ч и н с к и й. Петр Константиныч! ваше слово, говорю я; я требую, я хочу!..

М у р о м с к и й *(потерявшись и расставив руки)*. Даю! *(Нелькину.)* Вот, сударь, что значит вранье! *(Смотрит на булавку.)* И сомнения нет: она!

Н е л ь к и н *(как бы опомнясь)*. Боже мой! где я? Кто это играет мною? *(Подходит к Лидочке и берет ее за рукав.)* Лидия Петровна! выслушайте!

Кречинский. Прочь! *(Отряхивает Лидочке платье.)* Ты ее мараешь!..

Нелькин *(берет себя за голову)*. Боже мой! что же это? Боже мой!..

Муромский *(Нелькину)*. Да кто же вам такой вздор сказал? где вы его слышали?..

Кречинский *(перебивая его)*. Позвольте, позвольте! Теперь уж расспросам не место. Разговоры кончены. Здесь дело, сударь, а не рассказы... Ваша ли это вещь?

Муромский *(оторопев)*. Моя.

Кречинский *(указывая Нелькину на дверь)*. Вон!..

Муромский *(Нелькину)*. Что ж вам больше здесь делать? Ступайте вон.

Нелькин *(берет шляпу и подходит к Кречинскому)*. Я к вашим услугам...

Кречинский указывает на дверь. Нелькин подступает к нему ближе и кричит.

Сию минуту... и на смерть!..

Суматоха. Муромский, Лидочка, Атуева, Расплюев обступают Кречинского. Нелькин стоит один. Говорят почти вместе.

Лидочка. Нет, нет, никогда! я не хочу. *(Нелькину.)* Подите, подите!

Атуева. Подите, батюшка, господь с вами, подите.

Муромский. Оставьте, господа, прошу вас!

Кречинский *(выходит из группы)*. Что-о-о-о? *(Складывая руки.)* А, вот что!.. Сатисфакция... Какая? В чем? В чем? я вас спрашиваю? Вы хотите драться... Ха, ха, ха, ха... Я же дам вам в руки пистолет и в меня же будете целить?.. Впрочем, с одним условием извольте: что на всякий ваш выстрел я плюну вам в глаза. Вот мои кондиции. Коли хотите, хоть завтра; а нынче... гей! кто тут?

Расплюев. Гей! кто тут? Вот так-то лучше.

Входит Федор и за ним двое слуг.

Кречинский. Возьмите его за ворот и вышвырните за ворота.

Нелькин. Боже мой! Сон это? Жив я? *(Щупает себя, горько.)* Правда, правда! где ж твоя сила? *(Растерянный выходит вон.)*

Р а с п л ю е в *(затворяя за Нелькиным дверь).* Адью!! хи-хи-хи! Вот чего захотел! *(Отходит в сторону.)* Помилуйте! Этак бы по миру идти! Поищи правду-то, милый; ты еще молод, поищи!

Молчание. Муромский в замешательстве; Лидочка стоит недвижима; Атуева посматривает на Муромского гневно.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Н е л ь к и н а.

К р е ч и н с к и й *(помолчав).* Ну, довольны вы, Петр Константиныч?

М у р о м с к и й. Совершенно, доволен. Помилуйте! просто с ума сошел.

К р е ч и н с к и й. Ну и я доволен. Что ж, теперь и мы можем кончить.

М у р о м с к и й *(с недоумением).* Как кончить?

К р е ч и н с к и й. Как кончают. У нас вышла пасквильная история; я вами же скомпрометирован. С этим пятном какой же я муж вашей дочери? Петр Константиныч! я должен возвратить вам ваше слово, а вам, Лидия, ваше сердце. Возьмите его, будьте счастливы и... забудьте меня...

Л и д о ч к а. Что вы хотите сказать?... Мишель! что вы говорите? Я не понимаю вас. Сердце назад не отдается: мое сердце — ваше... Папенька! что же вы молчите? Ради бога! что же вы молчите? Виноваты мы. *(В отчаянии.)* Папенька! мы виноваты!..

М у р о м с к и й *(торопясь).* Да, я... да помилуйте, Михайло Васильич, что вы? Я никогда... он совсем полоумный. Ну можно ли обращать внимание на его слова?

К р е ч и н с к и й. А как же вы-то поступаете? а? Если мог оскорбить меня этот сплетник, вы-то сами насколько меня оскорбили? Вам завтра придут сказать, что я картежник, что я шулер, и вы все это будете слушать, наводить справки.

М у р о м с к и й. Михайло Васильич! что вы?

К р е ч и н с к и й. Знаю я эти мещанские правила. Но знайте и вы, что моя гордость их не допускает. Я или верю человеку, или не верю; середины тут нет. Не солитеры мне ваши нужны и не деньги ваши. Деньгами вашими я выхлестну всякому глаза.

Лидочка *(берет его за руку)*. Мишель! ради бога! Если вы меня еще сколько-нибудь любите...

Муромский. Михайло Васильич! прошу вас, простите меня; простите меня, прошу вас...

Кречинский *(задумывается, в сторону)*. Он бросился теперь к Беку.

Лидочка. Вы молчите? вы оскорблены? Я знаю, у вас в сердце нет ни прощенья, ни жалости... Чего хотите вы? мы на все готовы...

Кречинский *(с движением берет ее за руки)*. Ах, какое у вас сердце, Лидия! какое доброе сердце!.. Стою ли я его?..

Лидочка. Мишель! не грешно ли вам?..

Кречинский. Ну, Петр Константиныч! давайте руку.

Муромский. Ну, вот так-то. *(Жмет ему руку.)* Ну вот так-то.

Кречинский. Слушайте: свадьбу мы делаем завтра, чтоб всем сплетням положить конец.

Муромский. Хоть завтра.

Кречинский. И сейчас в Стрешнево.

Муромский. Да, именно в Стрешнево.

Кречинский. Нелькина вы больше на глаза к себе не пустите.

Муромский. Бог с ним! что мне с ним теперь делать?

Кречинский. Даете мне слово, клятву?

Муромский. Что хотите, я на все согласен. У меня в голове вот что. *(Показывает круговорот.)* Мне ведь одно... вот она... *(Изменившимся голосом.)* У меня ведь только...

Кречинский *(посмотрев на часы)*. Однако десять часов: вам пора домой. *(К Лидочке.)* Лидия, вы расстроены!

Лидочка. Нет, ничего. *(Берет его за руку.)* Вы все забыли... а? скажите — да!

Кречинский *(держа ее руку)*. Да, сто раз да! Все забыл... помню одно только — вы принадлежите мне; завтра вы моя собственность... Вы моя...

Лидочка. Да, ваша, Мишель, ваша! Скажите мне еще раз, что вы меня любите!

Кречинский *(смотрит на нее)*. Вы не верите?

Л и д о ч к а. Это не оттого; а мне хочется еще раз слышать это слово: в нем что-то особенное!.. я не знаю... страх и боль какая-то.

К р е ч и н с к и й *(с беспокойством)*. Боль?.. Отчего же это?

Л и д о ч к а. Не бойтесь... эту боль не отдам я ни за какие радости. Ну что же? скажите: любите?..

К р е ч и н с к и й *(шепотом)*. Люблю...

Л и д о ч к а *(берет его за руку и другою закрывает глаза)*. Знаете, Мишель, вот у меня сердце совсем замерло... не бьется. Скажите: это любовь?

К р е ч и н с к и й. Нет, мой ангел, это ее половина.

Л и д о ч к а *(улыбаясь)*. Половина?.. Какой вы обманщик... когда я теперь уж готова за нее все отдать...

Кречинский целует ее руку.

Да, все, все... *(вполголоса)* весь мир.

К р е ч и н с к и й *(поцеловав еще руки у Лидочки, Муромскому)*. Ну, Петр Константиныч! вам пора домой.

М у р о м с к и й. Ну что ж! мы хоть сейчас.

К р е ч и н с к и й. Ступайте, ступайте, да, пожалуйста, уложите Лидочку в постель: ей надо отдохнуть. Лидия! завтра вы будете свежи, румяны, хороши, как невеста... *(Подумав.)* Или нет: я лучше сам отвезу вас и все устрою.

Муромский, Атуева и Лидочка собираются.

Р а с п л ю е в *(Кречинскому)*. Именно, Михайло Васильич, вы все это сами лучше устройте.

К р е ч и н с к и й *(отводит Расплюева в сторону)*. Ты смотри, останься здесь. Да коли этот Нелькин толкнется, ты его прими да хоть бревном навали... понимаешь?.. а покуда я вернусь, не выпускай... смотри...

Р а с п л ю е в. Будьте покойны, будьте покойны: я этого перепела накрою.

К р е ч и н с к и й. А там все в моих руках. У Муромских его не пустят. Я это улажу сам: он туда не влезет.

М у р о м с к и й. Ну, Михайло Васильич, едемте; мы готовы.

К р е ч и н с к и й. Едемте, едемте. *(Быстро берет шляпу. Порывистый удар звонка; все останавливаются как*

вкопанные.) А? что? что это? а? *(Кричит.)* Гей! люди! Кто это? Не принимать никого... слышите?

Шум, еще удар колокольчика. Голоса.

Гааа! Вот оно!

Входит слуга.

Что такое? Кто тут?

Федор. Господин Нелькин... с ним еще кто-то. Кричит, чтоб отперли двери.

Голоса: «Отоприте двери! отоприте двери...»
Еще несколько ударов в колокольчик.

Кречинский *(порывисто)*. Так он хочет, чтоб я его убил на месте?

Отламывает ручку у кресла. Муромский и Лидочка ухватывают его за руку.

Лидочка. Мишель! Мишель!..

Муромский. Михайло Васильич, ради бога, успокойтесь! Что вы?

Окружают Кречинского.

Кречинский *(Расплюеву)*. Поди, выгони его по шее.

Расплюев *(бежит к двери)*. Сию минуту. *(Ворочается от двери, к Кречинскому.)* Михайло Васильич! да он, пожалуй, там сам-пят! их, пожалуй, там пять человек!

Кречинский *(наступая на него)*. Пошел! умри, когда приказываю.

Расплюев. Умри, умри! Михайло Васильич! помилуйте! Разве это легкое дело умирать?

Шум продолжается. Слышны голоса:
«Отоприте двери! ломи!..»

Кречинский *(вырываясь от Муромского и Лидочки, бежит к двери)*. Пустите меня: без меня это не кончится. *(Сжав зубы.)* Я его убью, как собаку.

Федор. Михайло Васильич! частный пристав приказывает нам отпереть двери.

Кречинский *(забывшись)*. Стой, не отпирать!! Первый, кто с места, я ему разнесу голову! *(Держит в руках*

ручку, останавливается.) Полиция! *(Глухим голосом.)* А! *(Кидает в угол ручку от кресла.)* Сорвалось!!! *(Отходит в сторону.)* Отоприте...

Шум. Отпирают двери.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Нелькин вбегает и бросается к Лидочке; Бек вбегает за ним в шубе, ищет глазами Кречинского, бросается к нему и становится против него, раскинув руки; в дверях показывается полицейский чиновник.

Бек. Вот он, разбойник! разбойник! Ох ты, разбойник; стекло заложил! под стекло деньги взял, разбойник! *(Бегает.)*

Кречинский стоит спокойно, сложа руки.

Берите его: вот он! берите, берите же!

Лидочка *(пронзительно взвизгивает)*. Ай!!!

Нелькин, Муромский и Атуева кидаются к ней. Кречинский хочет также к ней подойти.

Бек. Стой, стой! Куда, разбойник? ах, разбойник!

Расплюев прячется за Кречинского.

Полицейский чиновник. Никанор Савич, успокойте себя, сделайте одолжение, успокойте себя! *(Кречинскому.)* Позвольте узнать ваше имя и фамилию?

Кречинский. Михайло Васильевич Кречинский.

Полицейский чиновник *(Расплюеву)*. Ваше имя и фамилия?

Расплюев *(совершенно потерявшись)*. М... и...хайло В а...ч...а? Михайло Васильич...а?

Кречинский смотрит ему в глаза.

Я... у... у... ме... ня... нет фамилии... я так... без фамилии.

Полицейский чиновник. Я у вас спрашиваю ваше имя и фамилию.

Расплюев. Да, помилуйте, когда я без фамилии...

Кречинский *(спокойно)*. Его зовут Иван Антонов Расплюев.

Полицейский чиновник отходит к другой группе и говорит тихо с Муромским почти до конца пьесы. Кречинский делает движение.

Б е к *(кричит)*. Стой, стой! Держи, держи его! Ай! ай! держи! *(Становится пред ним, расставив руки.)*

П о л и ц е й с к и й ч и н о в н и к. Никанор Савич! я вас прошу! успокойтесь!

Б е к *(кричит)*. Да ведь это зверь! ведь он зверь! уйдет! Держи! Моих шесть тысяч за стекло выдано, за фальшивую булавку!.. Подлог!.. В тюрьму его, в тюрьму!..

Л и д о ч к а *(отделяется от группы, переходит всю сцену и подходит к Беку)*. Милостивый государь! оставьте его!.. Вот булавка... которая должна быть в залоге: возьмите ее... это была *(заливается слезами)* ошибка!

М у р о м с к и й и А т у е в а. Лидочка, что ты? Лидочка!

Б е к. А? что, сударыня? *(Смотрит на булавку.)* Она, она! а? Господи! девушка-то! доброта-то небесная! ангельская кротость...

Лидочка закрывает лицо руками и рыдает.

К р е ч и н с к и й *(в сторону, стоя к публике)*. А ведь это хорошо! *(Прикладывает руку ко лбу.)* Опять женщина!

А т у е в а. Батюшка Петр Константиныч! что ж нам-то делать?

М у р о м с к и й. Бежать, матушка, бежать! от срама бегут!

Лидочка стремительно выходит вон, за нею Нелькин, Муромский и Атуева.

Занавес опускается.

ДЕЛО

Драма в пяти действиях

К ПУБЛИКЕ

Писано в 1862 году.

Предлагаемая здесь публике пиеса *«Дело»* не есть, как некогда говорилось, *Плод Досуга,* ниже, как ныне делается *Поделка литературного Ремесла,* а есть в полной действительности сущее из самой реальнейшей жизни с кровью вырванное *дело.*

Если бы кто-либо — я не говорю о классе литераторов, который так же мне чужд, как и остальные четырнадцать, но если бы кто-либо из уважаемых мною личностей усомнился в действительности, а тем паче в возможности описываемых мною событий, то я объявляю, что я имею под рукою факты довольно ярких колеров, чтобы уверить всякое неверие, что я ничего невозможного не выдумал и несбыточного не соплел. Остальное для меня равнодушно.

Для тех, кто станет искать здесь сырых намеков на лица и пикантных пасквильностей, я скажу, что я слишком низко ставлю тех, кто стоит пасквиля, и слишком высоко себя, чтобы попустить себя на такой литературный *проступок.*

Об литературной, так называемой, расценке этой Драмы я, разумеется, и не думаю; а если какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков и приступил бы к ней с своим казенным аршином и клейменными весами, то едва ли такой оффициал Ведомства Литературы и журнальных Дел может составить себе понятие о том равнодушии, с которым я посмотрю на его суд... Пора и этому суду стать публичным. Пора и ему освободиться от литературной бюрократии. Пора, пора публике самой в тайне своих собственных ощущений и в движениях своего собственного

нутра искать суд тому, что на сцене хорошо и что дурно. Без всякой литературной Рекомендации или другой какой Протекции, без всякой Постановки и Обстановки, единственно ради этих внутренних движений и сотрясений публики, Кречинский уже семь лет правит службу на русской сцене, службу, которая вместе есть и его суд. Я благодарю публику за такой лестный для меня приговор, я приветствую ее с этой ее зачинающеюся самостоятельностию, — и ныне мое искреннее, мое горячее желание состоит лишь в том, чтобы и это мое «Дело» в том же трибунале было заслушано и тем же судом судимо.

Марта 26 д. 1862 г.
Гайрос.

P. S. протекло шесть лет! но мое желание не могло исполниться, и теперь я с прискорбием передаю печати то, что делал для сцены.

1868 г. Февраля 21 д.
Кобылинка.

ДАННОСТИ

Со времени расстроившейся свадьбы Кречинского прошло шесть лет.

Действие происходит в Санкт-Петербурге, частию на квартире Муромских, частию в залах и апартаментах какого ни есть ведомства.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

I. НАЧАЛЬСТВА

Весьма важное лицо. Здесь всё, и сам автор, безмолвствует.

Важное лицо. По рождению князь; по службе тайный советник. По клубу приятный человек. На службе зверь. Есть здоров, за клубничкой охотится, но там и здесь до пресыщения, и потому гемороидалист.

II. СИЛЫ

Максим Кузьмич Варравин. Правитель дел и рабочее колесо какого ни есть ведомства, действительный статский советник, при звезде. Природа при рождении одарила его кувшинным рылом. Судьба выкормила ржаным хлебом; остальное приобрел сам.

Кандид Касторович Тарелкин. Коллежский советник и приближенное лицо к Варравину. Изможденная и всячески испитая личность. Лет под сорок. Одевается прилично; в белье безукоризнен. Носит парик, но в величайшей тайне; а движения его челюстей дают повод полагать, что некоторые его зубы, а может быть и все, благоприобретенные, а не родовые. Говорит как Демосфен, именно тогда, когда последний клал себе в рот камни.

Иван Андреевич Живец. Этот совершил карьеру на поле чести. Получив там несколько порций палкою и от этого, естественно, выдвинувшись вперед, он достиг обер-офицерского звания. Теперь усердствует Престол-Отечеству как экзекутор.

III. ПОДЧИНЕННОСТИ

Чибисов. Приличная, презентабельная наружность. Одет по моде; говорит мягко, внушительно и вообще так, как говорят люди, которые в Петербурге называются теплыми, в прямую супротивность Москве, где под этим разумеются воры.

Ибисов. Бонвиван, супер и приятель всех и никого.

Касьян Касьянович Шило. Физиономия корсиканского разбойника. Клокат. Одет небрежно. На всех и на вся смотрит зло. От треволнений и бурь моря житейского страдает нравственною морскою болезнию, и от чрезмерной во рту горечи посередь речи оттягивает, а иногда и вовсе заикается.

Чиновники:

Герц, Шерц, Шмерц — колеса, шкивы и шестерни бюрократии.

Чиновник Омега. Имеет и состояньице и сердце доброе; но слаб и в жизни несостоятелен.

IV. НИЧТОЖЕСТВА, ИЛИ ЧАСТНЫЕ ЛИЦА

Петр Константинович Муромский. Та же простота и непосредственность натуры, изваянная высоким резцом покойного М. С. Щепкина. В последние пять лет поисхудал, ослаб и поседел до белизны почтовой бумаги.

Анна Антоновна Атуева. Нравственно поопустилась; физически преуспела.

Лидочка. Как и на чьи глаза? Для одних подурнела; для других стала хороша. Побледнела и похудела. Движения стали ровны и определенны; взгляд тверд и проницателен. Ходит в черном, носит плед Берже и шляпу с черной густой вуалеткой.

Нелькин. Вояжировал — сложился. Утратил усики, приобрел пару весьма благовоспитанных бакенбард, не оскорбляющих, впрочем, ничьего нравственного чувства. Носит сзади пробор, но без аффектации.

Иван Сидоров Разуваев. Заведывает имениями и делами Муромского; прежде и сам занимался коммерцией, торговал, поднялся с подошвы и кое-что нажил. Ему теперь лет за шестьдесят. Женат. Детей нет; держится старой веры; с бородою в византийском стиле. Одет, как и все приказчики: синий двубортный сюртук, сапоги высокие, подпоясан кушаком.

V. НЕ ЛИЦО

Тишка. И он познал величия предел! После такой передряги спорол галуны ливрейные, изул штиблеты от ног своих и с внутренним сдержанным удовольствием возвратился к серому сюртуку и тихим холстинным панталонам.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Муромских; гостиная. Три двери: одна направо — в комнату Лидочки и Атуевой, другая налево — в кабинет Муромского, третья прямо против зрителей — в переднюю. Бюро; диван; у окна большое кресло.

ЯВЛЕНИЕ I

Атуева пьет чай, входит Нелькин.

Нелькин *(кланяясь)*. Доброе утро, Анна Антоновна!

Атуева. Здравствуйте, здравствуйте.

Нелькин *(осматриваясь)*. Не рано ли я?

Атуева. И нет; у нас уж и старик встает.

Нелькин. А Лидия Петровна еще не встала?

Атуева. Это вы по старине-то судите; нет, нынче она раньше всех встает. Она у ранней обедни, сейчас воротится.

Нелькин *(садится)*. Давно мы, Анна Антоновна, не видались; — скоро пять лет будет.

Атуева. Да, давно. Ну где ж вы за границей-то были?

Нелькин. Много где был, а все тот же воротился. Все вот вас люблю.

Атуева. Спасибо вам, а то уж нас мало кто и любит... одни как перст остались. Доброе вы дело сделали, что сюда-то прискакали.

Нелькин. Помилуйте, я только того и ждал, чтобы к вам скакать, — давно б вы написали, видите — не замешкал...

Крепко обнимаются; Атуева утирает слезы.

Ну полноте — что это все хандрите?

Атуева. Как не хандрить?!

Нелькин. Да что у вас тут?

Атуева *(вздыхая)*. Ох, — нехорошо!

Нелькин. Да что ж такое?

Атуева. А вот это Дело.

Нелькин. Помилуйте, в чем дело? Какое может быть тут дело?

Атуева. Батюшка, я теперь вижу: Иван Сидоров правду говорит — изо всего может быть Дело. Вот завязали, да и на поди; проводят из мытарства в мытарство; тянут да решают; мнения да разногласия — да вот пять лет и не знаем покоя; а всё, знаете, на нее.

Нелькин. На нее? Да каким же образом на нее?

Атуева. Всякие, видишь, подозрения.

Нелькин. Подозрения?! В чем?

Атуева. А первое, в том, что она, говорят, знала, что Кречинский хотел Петра Константиновича обокрасть.

Нелькин *(покачав головою)*. Она-то!

Атуева. А второе, говорят, в том, что будто она в этом ему помощь оказала.

Нелькин *(подняв глаза)*. Господи!

Атуева. А третье, уж можно сказать, самое жестокое и богопротивное, говорят, в том, что и помощь эту она оказала потому, что была, видите, с ним в любовной интриге; она невинная, видите, жертва, — а он ее завлек...

Нелькин. Так, стало, этот подлец Кречинский...

Атуева *(перебивая)*. Нет, не грешите.

Нелькин. Нет уж, согрешу.

Атуева *(перебивая)*. Позвольте... в самом начале теперь дела...

Нелькин *(перебивая)*. Неужели вы от этой болезни еще не вылечились?

Атуева. От чего мне лечиться? — дайте слово сказать.

Н е л ь к и н *(махая руками).* Нет, — не говорите.

А т у е в а *(вскочив с места).* Ах, создатель!.. *(Берет из бюро бумагу.)* Так вот нате, читайте.

Н е л ь к и н *(вертит бумагу).* Что читать?

А т у е в а. А вот это письмо, которое по началу Дела писал Кречинский к Петру Константиновичу.

Н е л ь к и н. Кречинский!?! Письмо! Так разве вы меня выписали из-за границы, чтоб Кречинского письма читать. Знаете ли вы, что я этого человека ненавижу. Он Каин! — Он Авеля убил!!

А т у е в а. Да не он убил! Читайте!

Н е л ь к и н *(читает).* «Милостивый государь Петр Константинович! — Самая крайняя нужда заставляет меня... *(Останавливается.)* Ну так и есть; опять какая-нибудь штука.

А т у е в а. Думали мы, что штука; да не то вышло... Читайте, сударь.

Н е л ь к и н *(читает сначала равнодушным голосом, но потом живо и с ударением).* «Милостивый государь Петр Константинович! — Самая крайняя нужда заставляет меня писать к вам. Нужда эта не моя, а ваша — и потому я пишу. С вас хотят взять взятку — дайте; последствия вашего отказа могут быть жестоки. Вы хорошо не знаете ни этой взятки, ни как ее берут; так позвольте, я это вам поясню. Взятка взятке рознь: есть *сельская,* так сказать, пастушеская, аркадская взятка; берется она преимущественно произведениями природы и по стольку-то с рыла; — это еще не взятка. Бывает *промышленная* взятка; берется она с барыша, подряда, наследства, словом приобретения, основана она на аксиоме — возлюби ближнего твоего, как и самого себя; приобрел — так поделись. — Ну, и это еще не взятка. Но бывает *уголовная,* или *капканная* взятка; — она берется до истощения, догола! Производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья-Разбойника; совершается она под сенью и тенью дремучего леса законов, помощию и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый... Такую капканную взятку хотят теперь взять с вас; в такую волчью яму судопроизводства загоняют теперь вашу дочь. Откупитесь! Ради бога откупитесь!.. С вас хотят взять деньги — дайте! С вас их будут драть — да-

вайте!.. Дело, возродившееся по рапорту квартального надзирателя о моем будто сопротивлении полицейской власти, о угрозе убить его на месте и о подлоге по закладу мною вашего солитера, принимает для вас громовой оборот. Вчера раскрылась передо мною вся эта каверза; вчера сделано мне предложение учинить некоторые показания касательно чести вашей дочери. Вы удивитесь; — но представьте себе, что я не согласился! Я отвечал, что, может, и случилось мне обыграть проматывающегося купчика или блудно расточающего родовое имение дворянина, но детей я не трогал, сонных не резал и девочек на удилище судопроизводства не ловил. Что делать? У всякого своя логика; своей я не защищаю; но есть, как видите, и хуже. Примите и пр.

Михаил Кречинский».

Атуева. И что ж, вы полагаете, Петр-то Константиныч послушался?

Нелькин *(отдавая письмо)*. Естественно, не поверил.

Атуева *(запирает письмо в бюро)*. Именно. Эге, говорит, это новая штука; тех же щей, да погуще влей — ну и не поверил; правые, говорит, не дают, виновные дают. Я было к нему пристала; так он знаете как: а вы, говорит, заодно с Кречинским-то, что ли? Ну что ей могут сделать? Я тут, говорит, отец, так мой голос первый; а вышел-то его голос последний; потому, говорят, он свое детище обвинять не станет.

Нелькин. Так все же я понять не могу, каким образом это развилось?

Атуева. Очень просто; как только Кречинский на эту штуку не пошел, они Расплюева подвели; этот, как им надо, так и показал.

Нелькин. Что же Расплюев показал?

Атуева. А, видите, что была, говорит, любовная интрига; что шла она через него; что он возил и записочки и даже закутанную женщину к Кречинскому привозил; но какую женщину — он не знает... Только, видите, по началу все это тихо было; мы уехали в деревню и ровно ничего об этом не знали; сперва одного из наших людей вытребовали, потом другого; смотрим, и весь дом забрали; расспрашивали, допрашивали — ну можете себе представить, какая тут путаница вышла.

Нелькин. Да еще как путать-то хотели.

Атуева. Стало быть, и пошло уже следствие об Лидочке — а не о Кречинском, потому на нем только одна рубашка осталась. Однако от людей наших ничего особенного они не добились, а выбрался один злодей, повар Петрушка, негодяй такой; его Петр Константиныч два раза в солдаты возил — этот, видите, и показал: я, говорит, свидетель! Смотрим, и Лидочку вытребовали — а зачем, мы еще не знаем; а он все упрямится, да так-таки упрямится, да и только; твердит одно: пускай ее спросят, она дурного не сделала.

Нелькин. Что ж, конечно.

Атуева. Ну, делать нечего, приехали и мы из деревни. Да как узнал он, что ей очные ставки хотят дать; да очные ставки с Петрушкой, да с Расплюевым, да с Кречинским; да как узнал он, о чем очные-то ставки, — так тут первый удар ему и сделался. Тут только увидел, что правду ему Кречинский писал. Вот он, батюшка мой, туда, сюда. Взял стряпчего, дал денег — ну уладили... Только я вам скажу, как дал он денег, тут и пошло; кажется, и хуже стало; за одно дает, а другое нарождается. Тут уж и все пошло: даст денег, а они говорят, мы не получали; он к стряпчему, а стряпчий говорит, я отдал; вы им не верьте — они — воры; а стряпчий-то себе половину. Тут и дальше, и няню-то, и ту спрашивали; и что спрашивали? Не хаживал ли Кречинский к барышне ночью; да не было ли у барышни ребенка...

Нелькин *(всплеснув руками)*. Ах, боже мой?!!

Атуева. Так она, старуха, плюнула им в глаза да антихристами и выругала. Да уж, было!.. Я вам говорю: что было, так и сказать нельзя. Следствие это одно тянули они восемь месяцев — это восемь месяцев таких мучений, что словами этого и не скажешь.

Нелькин. Что ж вы ни к кому не обратились? — ну просили бы...

Атуева. Как уж тут не обратиться — только вот беда-то наша; по городу, можете себе представить, такие пошли толки, суды да пересуды, что и сказать не могу: что Лидочка и в связи-то с ним была, и бежать-то с ним хотела, и отца обобрать — это все уж говорили; так что и глаза показать ни к кому невозможно было. Потом в суд пошло, потом и дальше; уж что и как, я и не знаю; дело накопилось вот, говорят, какое *(показывает рукою)*; из присут-

ствия в присутствие на ломовом возят — да вот пять лет и идет.

Нелькин *(ходит по комнате)*. Какое бедствие — это... ночной пожар.

Атуева. Именно пожар. А теперь что? — разорили совсем, девочку запутали, истерзали, да вот сюда на новое мучение и спустили. Вот пять месяцев здесь живем, последнее проживаем. Головково продали.

Нелькин. Головково продали?!

Атуева. Стрешнево заложили.

Нелькин *(с ужасом)*. Так что ж это будет?

Атуева. А что будет, и сама не знаю.

Нелькин. Ну что ж теперь дело?

Атуева. А что дело?.. Лежит.

Нелькин. Как лежит?

Атуева. Лежит как камень — и кончено! А мы что? Сидим здесь, как в яме; никого не знаем: темнота да сумление. — Разобрать путем не можем, кого нам просить, к кому обратиться. Вот намедни приходит к нему один умнейший человек; Петр, говорит, Константиныч, ведь ваше дело лежит. Да, лежит. — А ему надо идти. Да... надо, говорит, идти. Ну, стало, ждут.

Нелькин. Чего же ждут?

Атуева. Обыкновенно чего... *(показывает пальцами)* денег.

Нелькин. А-а-а-а!

Атуева. А он все жмется: да как-нибудь так, да как-нибудь этак. Этот человек говорит ему: Петр Константиныч, я честен! Я только для чести и живу: дайте мне двадцать тысяч серебра — и я вам дело кончу! Так ка̀к вспрыгнет старик; чаем себя обварил; что вы, говорит, говорите, двадцать тысяч? да двадцать тысяч что? да и пошел считать; — а тот пожал плечами, поклонился, да и вон... Приходил это сводчик один, немец, в очках и бойкий такой: — я, говорит, вам дело кончу — только мне за это три тысячи серебром; и знаете, так толково говорит: я, говорит, ваших денег не хочу; отдайте, когда все кончится, а теперь только задатку триста рублей серебром. Есть, говорит, одно важное лицо — и это лицо точно есть — и у этого лица любовница — и она что хотите, то и сделает; я вас, говорит, сведу, — и ей много-много, коли браслетку какую. Тут Лидочка поднялась; знаете, фанаберия этакая: как, дескать, мой отец да пойдет срамить свою седую

голову, — ну да и старик-то уперся; этак, говорит, всякий с улицы у меня по триста рублей серебром брать станет; — ну и не сладилось.

Нелькин. Чему тут сладиться?

Атуева. Вот теперь отличный человек ходит — ну и этот не нравится; а какой человек — совершенный комильфо, ну состояния, кажется, нет; и он хочет очень многим людям об нас говорить — и говорит: вот вы увидите.

Нелькин. Да это Тарелкин, который вчера вечером у вас сидел, как я приехал?

Атуева. Ну да.

Нелькин. Да он за Лидией Петровной ухаживает?

Атуева. Может быть; что ж, я тут худого не вижу. Он... хорошо... служит и всю знать на пальцах знает. Даже вот у окна сидит, так знает, кто проехал: это вот, говорит, тот, — а это тот; что ж, я тут худого не вижу. А то еще один маркер приходит.

Нелькин. Как маркер?!

Атуева. А вот что на бильярде играет.

Нелькин. Что же тут маркер может сделать?

Атуева. А вот что: этот маркер, мой батюшка, такой игрок на бильярде, что, может, первый по всему городу.

Нелькин. Все же я не вижу...

Атуева. Постойте... и играет он с одним важным, очень важным лицом, а с кем — не сказал. Только Тарелкин-то сказал — это, говорит, так. А играет это важное лицо потому, что доктора велели: — страдает он, видите, гемороем... желудок в неисправности — понимаете?

Нелькин. Понимаю.

Атуева. Этот теперь маркер во время игры-то всякие ему турусы на колесах да историйки и подпускает, да вдруг и об деле каком ввернет, — и, видите, многие лица через этого маркера успели.

Нелькин. Ну нет, Анна Антоновна, — это что-то нехорошо пахнет.

Атуева. Да вы вот вчера приехали из-за границы, — так вам и кажется, что оно нехорошо пахнет; — а поживете, так всякую дрянь обнюхивать станете.

Нелькин *(вздохнувши)*. Может, оно и так... Скажите-ка мне лучше, что Лидия Петровна? Она очень похудела; какие у нее большие глаза стали — и такие мягкие; знаете, она теперь необыкновенно хороша.

Атуева. Что ж хорошего, что от худобы глаза выперло?

Нелькин. Она что-то кашляет?

Атуева. Да. Ну, мы с дохтуром советовались — это, говорит, ничего.

Нелькин. Как она все это несет?

Атуева. Удивляюсь; — и какая с ней вышла перемена, так я и понять не могу. Просьб никаких подавать не хочет; об деле говорить не хочет — и вы, смотрите, ей ни слова; будто его и нет. Знакомых бросила; за отцом сама ходит и до него не допускает никого!!. В церковь — так пешком. Ну, уж это, я вам скажу, просто блажь; — потому — хоть и в гòре, а утешения тут нет, чтобы пехтурой в церковь тащиться...

Нелькин. Ну уж коли ей так хочется — оставьте ее.

Атуева. И оставляю — а блажь. Был теперь у нас еще по началу дела стряпчий и умнейший человек — только бестия; он у Петра Константиныча три тысячи украл.

Нелькин. Хорош стряпчий.

Атуева. Ну уж я вам говорю: так умен, так умен. Вот он и говорит: вам, Лидия Петровна, надо просьбу подать. Ну хорошо. Написал он эту ей просьбу, и все это изложил как было, и так это ясно, обстоятельно; — принес, сели мы, стали читать. Сначала она все это слушала — да вдруг как затрясется... закрыла лицо руками, да так и рыдает...

Нелькин *(утирая слезы)*. Бедная — да она мученица.

Атуева. Смотрю я — и старик-то: покрепился, да за нею!.. да вдвоем!.. ну я мигнула стряпчему-то, мы и перестали. Потом что бы вы думали? Не хочу я, говорит, подавать ничего. Я было к ней: что ты, мол, дурочка, делаешь, ведь тебя засудят; а она с таким азартом: меня-то?!! Да меня уж, говорит, нет!.. Понимаете? Ну я, видя, что тут и до греха недалеко, — оставила ее и с тех пор точно вот зарок положила: об деле не говорить ни полслова — и кончено.

Нелькин. Ну, а об Кречинском?

Атуева. Никогда! Точно вот его и не было.

Нелькин *(взявши Атуеву за руку)*. Она его любит!!! А об этом письме знает?

Атуева. Нет, нет; мы ей не сказали.

Нелькин *(подумавши)*. Так знаете ли что?

Атуева. Что?

Нелькин. Бросьте все; продайте все; отдайте ей письмо; ступайте за границу, да пусть она за Кречинского и выходит.

Атуева. За Кречинского? Перекреститесь! Да какая же он теперь ей партия? Потерянный человек.

Нелькин. Для других потерянный — а для нее найденный.

Атуева. Хороша находка! Нет, это мудрено что-то... а по-моему, вот Тарелкин — почему бы ей не партия — он, видите, коллежский советник, служит, связи имеет, в свете это значение.

Нелькин. Полноте, Анна Антоновна, — посмотрите на него: ведь это не человек.

Атуева. Чем же он не человек?

Нелькин. Это тряпка, канцелярская затасканная бумага. Сам он бумага, лоб у него картонный, мозг у него из папье-маше — какой это человек?!. Это особого рода гадина, которая только в петербургском болоте и водится!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же. Входит Лидочка в пледе, в шляпке, в руке у нее большой ридикюль и просвира.

Лидочка. Ах, Владимир Дмитрич! Здравствуйте! *(Жмет ему руку.)*

Нелькин *(кланяясь)*. Здравствуйте, Лидия Петровна.

Лидочка. Как я рада! — Ну — вы чаю не пили? Вот мы вместе напьемся, а вы моему старику ваши путешествия рассказывайте. Здравствуйте, тетенька. *(Подходит к ней и целует ее в лоб.)* Что, отец встал?

Атуева. Встал.

Лидочка. А я как спешила... боялась опоздать,— ему пора чай давать,— он любит, чтобы все было готово... *(Снимает скоро шляпку, кладет просвиру и ридикюль.)*

Атуева. Тишка, эй, Тишка!

Тишка входит.

Накрывай чай.

Лидочка. Тетенька — вы знаете, я сама ему чай накрываю — *(Тишке)* не надо, Тихон, подай только самовар...

Тишка уходит.

Атуева. Самодуришь, матушка!

Лидочка *(собирая чай)*. Тетенька, я уже несколько раз вас просила — оставьте меня; если это мое желание...

Атуева. Ну делай, сударыня, как хочешь.

Лидочка. Владимир Дмитрич, давайте сюда к окну стол и большое кресло.

Несут стол и придвигают кресло.

Вот так... подушку...

Нелькин подает ей подушку.

Так — ну теперь чай. *(Накрывает скатерть, собирает чай.)*

Тишка ставит самовар.

Постойте, ему вчера хотелось баранок — посмотрите, там у меня в мешке...

Нелькин подает ей баранки — она заваривает чай.

Атуева. Что ж, матушка, ты эти баранки сама купила?

Лидочка *(заваривая чай)*. Да, тетенька *(улыбается)*, сама.

Атуева *(Нелькину)*. Видите! Сама баранки на рынке покупает! — это она мне назло...

Нелькин *(унимая ее)*. Полноте, что вы!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Муромский, выходит из своего кабинета в халате.

Муромский *(Лидочке)*. Здравствуй, дружок. *(Целует ее. Увидя Нелькина.)* Ба, ба, ба... уж здесь; вот так спасибо, обнимемся, любезный.

Обнимаются.

Нелькин. Как здоровье ваше, Петр Константиныч?

Муромский. Помаленьку; а ты вчера к нам сюрпризом явился. Ты по пароходу?

Нелькин. По пароходу-с.

Муромский. Ну что же, рассказывай, где был, что видел?

Лидочка *(подходя к отцу)*. Нет! Позвольте, папенька, позвольте! *(Ведет его к чайному столу.)* Сначала садитесь,

а то чай простынет — вот здесь *(усаживает отца)*, вот подушка — что, хорошо?

Муромский *(усаживаясь и смотря на дочь)*. Хорошо, мой ангел, хорошо!

Лидочка. Вот так — я вот подле вас... *(садится)* а вы, Владимир Дмитрич, напротив.

Нелькин садится.

Вот вы теперь и рассказывайте — да, смотрите, так, чтоб весело было. *(Наливает чай.)* Ну, папа, чай, думаю, отличный, сама выбирала.

Муромский. Вот спасибо, а мне нынче чаю что-то хочется. *(Пьет.)* Я уж у себя в комнате поджидал: что-то, мол, моей Лидушечки не слышно? Слушаю — ан и запела... птичка ты моя *(целует ее)*, голубушка... *(Пьет чай.)* Славный, Лидушечка, чай, славный.

Лидочка. Ну я очень рада.

Муромский ищет чего-то.

А... вот она! *(Подает ему просвиру.)*

Муромский. Ах, ты — мой ангел... *(Нелькину.)* Прочитай-ка, брат; ты, я думаю, живучи у бусурманов-то, давно этого не читал. *(Передает ему просвиру.)*

Нелькин *(читает)*. О здр...авии...ра...ба...бо...жия... Пе...тра.

Муромский. Поверишь ли: вот она мне от ранней обедни каждый день это носит. А? *(Разламывает просвиру и дает половину Нелькину.)*

Лидочка *(разливая чай)*. Что ж, папа, каждый день за ранней обедней я вынимаю о здравии вашем часть и молюсь богу, чтобы он сохранил мне вас цела и здрава... Бог милосерд, он мою молитву видит да вас своим покровом и покроет; — а вы вот кушаете чай, да и видите, что ваша Лидочка за вас уж богу помолилась. *(Целует его.)*

Атуева. Стало, вместе с бедными дворянками просвиру-то подаешь.

Лидочка. Не могу вам, тетенька, сказать — потому там нет ни бедных, ни богатых, ни дворянок.

Муромский. Полно вам, Анна Антоновна, ее пилить. Ведь она дурного дела не делает. *(Нелькину.)* Поверишь ли, я вот только утром подле нее часок и отдохну; — а если б не она, да я бы, кажется, давно извелся. Что, она переменилась?

Нелькин. Нисколько.

Муромский. Ну нет; похудела.

Нелькин. Так — немного... мне все кажется, что вы белокурее стали, светлее; на лице у вас тишина какая-то, будто благодать божия на вас сошла.

Лидочка. Полноте; это вы грех говорите... рассказывайте лучше папеньке, что видели, где были.

Муромский. И в самом деле рассказывай — где ж ты был?

Нелькин. Много потаскался, глядел, смотрел, — ну и поучился.

Лидочка. Не верьте, папаша, а вы вот спросите-ка его о Париже, что он там делал? — Отчего он там зажился?

Нелькин *(смеясь)*. Ну, что ж делал, Лидия Петровна; — приехал, поселился скромно, au quartier Latin.

Муромский. Что ж это?

Нелькин. В Латинском квартале.

Муромский. Там, стало, и гризеточки по-латыни говорят — а?

Нелькин *(не слушая)*. С Сорбонной познакомился...

Муромский. А это кто ж такая?

Нелькин. Тамошний университет.

Муромский. Сорбонна-то? *(Грозя ему пальцем.)* Врешь, брат; не актриса ли какая?

Нелькин. Помилуйте!

Муромский. То-то. Да ты малый-то важный стал; поубрался, похорошел.

Тишка *(входит)*. Петр Константиныч! Иван Сидоров приехал.

Атуева. Ну, вот он!

Муромский. Насилу-то, — зови.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Иван Сидоров, одет по-дорожному.

Муромский. Здравствуй, что ты это как замешкал?

Иван Сидоров *(высматривает образ и молится; потом кланяется всем по очереди)*. Здравствуйте, батюшко Петр Константинович *(кланяется)*, здравствуйте, матушка Анна Антоновна *(кланяется)*, здравствуйте, матушка наша барышня *(кланяется)*.

Лидочка. Здравствуй, Иван Сидоров.

Иван Сидоров. Позвольте, барышня вы наша, ручку поцеловать. *(Подходит и целует у нее руку — она целует его в лоб.)* Добрая, добрая наша барышня.

Лидочка. Ну что Марья Ильинишна, здорова?

Иван Сидоров. А что ей, сударыня, делается? Слава богу, здорова. Вот вы что-то поисхудали.

Муромский. Ну что у нас там?

Иван Сидоров. Слава богу. Вы, сударь, как здоровьем-то?

Муромский. Ничего. Ну что хлеб?

Иван Сидоров. Рожь убрали. Рожь всю убрали — вот замолотная ведомость вашей милости.

Лидочка. Владимир Дмитрич, пойдемте к тетеньке — папенька теперь и без нас наговорится.

Муромский. Да, ступайте, ступайте.

Атуева, Лидочка и Нелькин выходят в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ V

Муромский и Иван Сидоров.

Муромский. Ну что, с головковцами совсем простился?

Иван Сидоров. Простился, сударь, да уж хоть бы и не прощаться. Ей-ей; у меня так и нутро все изныло; а они сердечные так и ревут — да уж такая судьба крестьянская.

Муромский *(вздыхая)*. Да. Испокон века за нами стояла вотчина, а вот пришлось откупщику за полцены отдать. Что ж там, все расплаты-то исполнил?

Иван Сидоров *(вздыхая)*. Как же, сударь, исполнил; да вот вашей милости достальные привез. *(Вытягивает из-за пазухи кожаный мешок и вынимает из него пачку.)* Вот и счет; угодно будет проверить?

Муромский *(вынимая из кармана ключ)*. На-тко вот, положи их в конторку; вечерком поверим...

Иван Сидоров запирает деньги в бюро.

Иван!.. я уж Стрешнево заложил.

Иван Сидоров *(возвращая ему ключ)*. Господи!!.

Муромский. А что делать?!. просто съели — как есть съели! — Господи, творец милосердный! *(Крестится и вздыхает.)*

Иван Сидоров *(также вздыхая)*. Все в руках господних, батюшка; — в руках господних!

Муромский. Что ж теперь делать, Иван? Я и ума не приложу.

Иван Сидоров. Господь вразумит, что делать, а нет, так и сам сделает. Ты только веруй да спокоен будь.

Муромский *(вздыхая)*. Господи батюшко; жил, жил; — хлопотал, трудился; все устроил; дочь вырастил; только бы мне ее, мою голубушку, озолотить да за человека выдать; — и вот налетело воронье, набежали воры, запалили дом, растащили достояние — и сижу я на пепелище, хилый, да вот уголья перебираю...

Иван Сидоров. Не крушися, мой отец, — ей не крушися; все в руках господних! Случалось и мне на моем веку, и тяжко случалось. Иное дело, посмотришь, и господи, напасть какая; кажется, вот со всех сторон обложило, а бог только перстом двинет — вот уж и солнышко...

Муромский. Дай бы господи!

Иван Сидоров. Был однова со мной такой-то случай: был я молод, жил у купца в приказчиках; скупали мы кожи, сало, — ну, скотиной тоже торговали. Однако умер хозяин — что делать? Дай, мол, сам поторгую — сам хозяин буду. Деньжонки были кое-какие; товарища приискал; люди дали; — поехали в Коренную. Ходим мы, батюшко, с товарищем по ярмарке день; ходим два — нет товара на руку; все не по силам; а сами знаете, барыши брать, надо товар в одних руках иметь. Ходили, ходили — купили лубки! По десяти рублев начетом сотню; сколько было, все купили. Товар приняли, половину денег отдали, а остальные под конец ярмарки. Обыкновенно — лубки, товар укрывать. Живем. Погода стоит вёдреная; жар — терпенья нет; на небе — ни облачка; живем... Ни одного лубка не покупают! Тоска взяла! Ярманка на отходе; товарищ спился!.. Утро помолюсь — вечер помолюсь — и почину не сделал!.. Пятого числа июня праздник богоматери коренныя... Крестный ход... народу куча... несут икону... Мать!! Помоги!!! Прошел ход — смотрю: от Старого Скола товар показался!!! Туча — отродясь не видывал; я к лабазу — от купца Хренникова бежит приказчик: лубки есть? — Есть. — Почем цена? — Сто рублей сотня. Как так? — Да так. — Ты с ума сошел? — Еще сутки, так бы сошел. — Ты перекрестись! — Я крестился! вы хорошо пожили; ели, пили, спали сладко? А я вот — пузом на поларшина земли

выбил... Повертелся, повертелся, ведь дал; — да к вечеру и расторговались... Так вот: все в руках господних! Господь труд человека видит и напасть его видит — ой, видит.

Муромский. Так-то это так... только мне теперь, Иван, круто приходит: пять месяцев я здесь живу, последнее проживаю — а дело ни с места!

Иван Сидоров. Стало, ждут. Что, сударь, делать, приехал, так дай. Зачем ты, отец, сюда-то толкнулся?

Муромский. Судейцы насоветовали.

Иван Сидоров. Волки-то сыромахи — эк, кого послушал! Чего они тебе сделают?

Муромский. Как чего? — Засудят; дочь мою, кровь мою засудят, чести лишат.

Иван Сидоров. Не можно этому, сударь, быть, чтоб честного человека кто чести лишил. При вас ваша честь.

Муромский. Ты этого, братец, не понимаешь: честь в свете.

Иван Сидоров *(покачав головою)*. О, боже мой — свет, что вам, сударь, свет?.. Вавилонская любодеица — от своей чаши опоила вас! Кто в вашем-то свете господствует — соблазн; кто властвует — жены. Развозжали вы, сударь, ваших баб — вот оно у вас врозь и поехало; разъезжают они по балам да по ассамблеям — плечи голые, груди голые, студ позабывают да мужскую похоть распаляют; а у похоти очи красные, безумные. Ну, суди ты, батюшка, сам: чего тут от света ждать? Если жена этакое сокровенное да всем на площади показывает, стало, студа-то у нее и нет; — а жена бесстудная чья посуда — сам знаешь... Прости меня, отец, — я правду говорю; мне на это снование безумное смотреть болезно. Что ваши жены? Ни они рукодельем каким, ни трудом праведным не занимаются; опустел дом, печь стоит холодная; гоняют по городу, сводят дружбу со всяким встречным — вот, по слабоумию своему, и набегают. — А винность-то чья? Ваша, батюшко. Вы закона не держитесь; закон забыли. Дом — дело великое; у нас в дому молятся; а ваш-то дом шинком стал, прости господи. Кому поесть да попить — сюда! Кто празднословить мастер, плясать горазд — сюда! Цимбалы да пляски — Содом и Гомор!

Муромский. Нет, Иван, ты этого не понимаешь.

Иван Сидоров. Ну оно, может, что по-вашему-то и не понимаю;— я, батюшко, вас люблю, я у вас пристанище нашел; я ваши милости помню и весь ваш род. Для вас я

готов и в огонь и в воду — и к Ваалову-то идолу и к нему пойду.

Муромский. Спасибо тебе, спасибо... Кто ж это, идол-то Ваалов?

Иван Сидоров. А кумир-то позлащенный, чиновник-то, которому поклониться надо!

Муромский. Да; надо поклониться — вот... не обошло и меня...

Иван Сидоров. Всякому, батюшко, своя череда. Ведь и на мою долю тоже крепко хватило. *(Покрутив головою.)*

Муромский. А до тебя когда ж хватило?

Иван Сидоров. Да уж тому десятка два годов будет; прислали меня сюда от общества, от миру, своя братия. — Уже по какому делу, не про то речь, а только правое дело, как свято солнце — правое. Сложились мы все — кому как сила — и сирота и вдова дала — всяк дал; на, говорят, Сидорыч, иди; ищи защиту. Ну, батюшко, я вот в этот самый город и приехал; — а про него уже и в писании сказано: тамо убо море... великое и пространное — идеже гадов несть числа!.. Животные малые с великими!.. корабли переплывают... ведь оно точно так и есть.

Муромский. Именно так.

Иван Сидоров. Приехавши в этот город, я к одному такому животному великому и направился. Звали его Антон Трофимыч Крек — капитальнейшая была бестия!

Муромский. Кто ж тебе его указал?

Иван Сидоров. А само, сударь, дело указало. Прихожу: — живет он в палатах великих; что крыльцо, что двери — боже мой! Принял; я поклон, говорю: ваше, мол, превосходительство, защитите! А он сидит, как зверь какой, суровый да кряжистый; в разговор вошел, а очами-то так мне в пазуху и зазирает; поговорил я несколько да к столу — и выложил, и хорошо, сударь, выложил; так сказать: две трети и то такой куш составило, что вы и не поверите. Он это и пометил — стало ведь набитая рука. Как рявкнет он на меня: мужик, кричит, мужик!.. Что ты, мужик, делаешь? За кого меня принимаешь! — А?.. Я так на колени-то и сел. Да знаешь ли ты, козлиная борода, что я с тобою сделаю? — Да я те, говорит, туда спущу, где ворон и костей твоих не зазрит... Стою я на коленях-то да только и твержу — не погубите! — за жандармом, кричит, за жан-

дармом... и за звонок уже берется... Ну, вижу я, делать нечего; встал — да уж все и выложил; и сертук-то расстегнул: на вот, мол, смотри. Он и потишел. Ну, говорит, — ступай, да вперед помни: я этого не люблю!.. Вышел, сударь, я — так верите ли: у меня на лбу-то пот, и по вискам-то течет, и с носу-то течет. Воздел я грешные руки: боже мой! Зело искусил мя еси: Ваалову идолу принес я трудовой рубль, и вдовицы лепту, и сироты копейку и на коленях его молить должон: прими, мол, только, кумир позлащенный, дар мой.

Муромский. Ну и взял?

Иван Сидоров. Взял, сударь, взял.

Муромский. И дело сделал?

Иван Сидоров. И дело сделал. Как есть,— как махнул он рукой, — так вся сила от нас и отвалилась.

Муромский. Неужели как рукой снял?

Иван Сидоров. Я вам истинно докладываю. Да что ж тут мудреного? Ведь это все его воинство; ведь он же их и напустил.

Муромский. Пожалуй.

Иван Сидоров. Верьте богу, так. Да вы слышали ли, сударь, какой в народе слух стоит?

Муромский. Что такое?

Иван Сидоров. Что антихрист народился.

Муромский. Что ты?

Иван Сидоров. Истинно... и сказывал мне один старец. Ходил он в дальние места, где нашей, сударь, веры есть корень. В тех местах, говорит он, до верности знают, что антихрист этот не то что народился, а уже давно живет и, видите, батюшко, уже в летах, солидный человек.

Муромский. Да возможно ли это?

Иван Сидоров. Ей-ей. Видите — служит, и вот на днях произведен в действительные статские советники — и пряжку имеет за тридцатилетнюю беспорочную службу. Он-то самый и народил племя обильное и хищное — и все это большие и малые советники, и оное племя всю нашу христианскую сторону и обложило; и все скорби наши, труды и болезни от этого антихриста действительного статского советника, и глады и моры наши от его отродия; и видите, сударь, светопреставление уже близко.

Слышен шум.

(оглядывается и понижает голос), а теперь только идет репетиция...

За дверью опять шум и голоса.

Муромский. Что за суматоха такая; никак приехал кто? Пойдем ко мне.

Уходят в кабинет Муромского.

ЯВЛЕНИЕ VI

За дверью шум, голоса. Тарелкин, несколько расстроенный, в пальто с большим, поднятым до ушей, воротником, быстро входит и захлопывает за собою дверь.

Тарелкин *(прислушиваясь)*. Негодяй!.. как гончая гонит... в чужое-то место... а? *(В дверь кто-то ломится — он ее держит.)*

Голос за дверью. Да пустяки!.. я не отстану... ну не отстану!..

Тарелкин *(запирает дверь на ключ)*. Какое мучение!..

Тишка *(входит из боковой двери)*. Вас, сударь, просит этот барин к ним выйти.

Тарелкин *(сконфуженный)*. Скажи ему, что некогда... занят.

Тишка. Они говорят, чтоб вы вышли; а то я, говорит, силой войду.

Тарелкин. Ну что ж, а ты его не пускай.

Тишка уходит.

Это называют... дар неба; жизнь! Я не прочь: дай мне небо... жизнь, но дай же мне оно и средства к существованию.

Тишка *(входит)*. Опять, сударь, требуют.

Тарелкин *(сжав кулаки)*. У-у-у-у!! Скажи ему, чтобы он шел!..

Тишка. Я говорил.

Тарелкин. Ну что ж?

Тишка. Да хоть до завтра, а я, говорит, его не выпущу.

Тарелкин. А у вас есть задняя лестница?

Тишка. Есть.

Тарелкин. Как же он меня не выпустит?!. Ну — ты ему так и скажи.

Тишка уходит.

Голос *(за дверью)*. Слушайте; где б я вас ни встретил, я вас за ворот возьму...

Тарелкин. Хорошо, хорошо.

Голос. Я вас на дне помойной ямы достану, чтобы сказать вам, что вы: свинья... *(Уходит.)*

Тарелкин. Ах, анафема... в чужом-то месте... *(Прислушивается.)* Никак ушел?.. Ушел!.. Какова натурка: сказал другому свинью — и удовлетворен; пошел, точно сытый... Фу... *(Оправляется.)* Истомили меня эти кредиторы; жизнь моя отравлена; дома нет покоя; на улице... и там места нет!!. Вот уж какое устройство сделал *(поднимает воротник)*... тарантасом назвал... да как из засады какой и выглядываю *(выглядывает)*... так пусть же кто посудит, каково в этой засаде жить!!. *(Откидывает воротник, снимает тарантас и вздыхает.)* Ох, охо, ох!.. *(Выходит в переднюю.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Муромский входит, за ним Иван Сидоров.

Муромский *(осматриваясь)*. Да кто же тут?

Тарелкин входит.

Ах, это вы, Кандид Касторович?

Тарелкин. Я — это я. Идучи в должность, завернул к вам пожелать доброго утра.

Муромский. Очень благодарен. *(Осматриваясь.)* С кем это вы так громко говорили?

Тарелкин. Это?.. *(указывая на дверь)* а так... пустой один человек... мой приятель.

Муромский. Что же такое?

Тарелкин *(мешаясь)*. Да вот... так... знаете... малый добрый... давно не видались... ну... так и сердится; и престранный человек... изругал ругательски, да тем и кончил.

Муромский. Неужели?

Тарелкин *(оправляясь)*. Право. Потому — очень любит, а видимся-то редко, так и тоскует; я, говорит, тебя на дне... *(ищет)* как его... морском... достану — такой ты сякой — да так и срезал.

Муромский. Нехорошо.

Тарелкин. Скверно!.. Вот у нас, у русских, эта ходкость на бранные слова сожаления достойна; в этом случае иностранцам надо отдать преимущество; и скажет он тебе — и все это скажет, что ему хочется, а этого самого и не скажет, а наш русский по-медвежьему-то так те в лоб и ляпнет. Позвольте, почтеннейший, кофейку спросить.

Муромский. Сделайте милость. *(Идет к двери. Тарелкин его предупреждает, высовывается в дверь и приказывает Тишке.)*

Иван Сидоров *(отводя Муромского в сторону)*. Кто ж это, сударь, такой?

Муромский. Здешний чиновник, коллежский советник Кандид Касторыч Тарелкин...

Иван Сидоров. Понимаю, сударь, это здешний жулик.

Муромский. Тссссс... Что ты!.. *(показывает на мундир и ленточки)* видишь!

Иван Сидоров. Они по всем местам разные бывают. А где служит-то?

Муромский. А там, братец, и служит, где дело, у Максима Кузьмича Варравина.

Иван Сидоров. А знакомство он с вами сам свел?

Муромский. Сам, сам.

Иван Сидоров. Так это подсыл.

Муромский. Неужели?

Иван Сидоров. Всенепременно. Так чего же лучше: вы у него и спросите.

Муромский. А как спросить-то?

Иван Сидоров. Просто спросите.

Муромский. Вот! Вдруг черт знает что спросить. Спроси лучше ты: тебе складнее.

Иван Сидоров *(усмехаясь)*. Да тут нешто хитрость какая — извольте. *(Подходит к Тарелкину и кланяется.)* Батюшко, Кандид Касторыч, позвольте, сударь, словечко спросить.

Тарелкин. Что такое?

Иван Сидоров. Вы, батюшко, ваше высокоблагородие, простите меня — мы люди простые...

Тарелкин *(посмотрев ему в глаза и приосанясь)*. Ничего, братец, говори; я простых людей люблю.

Иван Сидоров. Ну вот и благодарение вашей милости. *(Понизив голос.)* Дело-то, батюшко, наше у вас?

Т а р е л к и н *(тоже понизив голос)*. У нас.

И в а н С и д о р о в. Его-то превосходительство, Максим Кузьмич, ему голова, что ли?

Т а р е л к и н. Он голова, я руки, а туловище-те особо.

И в а н С и д о р о в. Понимаю, сударь; господь с ним, с туловищем.

Т а р е л к и н *(в сторону)*. Не глуп.

И в а н С и д о р о в. И они все могут сделать?

Т а р е л к и н. Все.

И в а н С и д о р о в. А как их видеть можно?

Т а р е л к и н. Когда хотите.

И в а н С и д о р о в *(глядя ему в глаза)*. Мы-то хотим.

Т а р е л к и н *(в сторону)*. Очень неглуп. *(Вслух.)* У него прием всегда открыт.

И в а н С и д о р о в. Так они примут-с?

Т а р е л к и н. Отчего не принять?.. С удовольствием примут...

Т и ш к а подает ему кофе.

И в а н С и д о р о в. Ну вот и благодарение вашей милости *(кланяется)*, я барину так и скажу.

Т а р е л к и н. Так и скажи *(смакует кофе)*... с удовольствием... мол... примет... хе, хе, хе...

Иван Сидоров отходит в сторону.

Люблю я простой, русский ум: ни в нем хитрости, ни лукавства. Вот: друг друга мы отроду не видали, а как на клавикордах сыграли. *(Подслушивает.)*

И в а н С и д о р о в *(Муромскому)*. Ну вот, батюшко, видите, примет!

М у р о м с к и й. Кого примет? Что примет?

И в а н С и д о р о в. Обыкновенно что. Сами сказали: примет, с удовольствием, говорит, примет.

М у р о м с к и й. Сам сказал?

И в а н С и д о р о в. Сами сказали. Вы их поблагодарите.

Т а р е л к и н *(в сторону)*. Э... да это птица! Я б ему прямо Станислава повесил. *(Поставив чашку.)* Петр Константинович! Вы, кажется, заняты; а мне в должность пора. Мое почтение-с.

М у р о м с к и й *(подходя к нему)*. Батюшко Кандид Касторыч... как я благодарен вам за ваше... к нам... расположение. *(Протягивает ему руку.)*

Тарелкин *(развязно кланяется и несколько теснит Муромского).* За что же, помилуйте; я всегда готов. *(Берет его обеими руками за руку.)*

Муромский *(жмет ему руку).* За ваше... это... участие... это...

Тарелкин *(в сторону).* Тьфу... подавись ты им, тупой человек. *(Уходит в среднюю дверь.)* Мое почтение-с.

Иван Сидоров *(быстро подходит к Муромскому).* Да вы, сударь, не так.

Муромский *(с досадою).* Да как же?

Иван Сидоров. Вы дайте.

Муромский *(с испугом).* У-у-у... Что ты?!

Иван Сидоров *(подбежав к двери, кричит).* Ваше высокородие!.. *(Быстро ворочается — к Муромскому, тихо.)* Где у вас деньги-то? Пожалуйте...

Муромский. После, братец, после бы можно. *(Отдает ему деньги.)*

Иван Сидоров *(подбежав к двери, кричит).* Ваше высокородие!!. *(Берет со стола листок бумаги и завертывает деньги.)*

Муромский *(скоро подходит к Ивану Сидорову.)* Что ты!! — Что ты!

Иван Сидоров. Да как же, сударь? — ехать хотите — а колес не мажете!.. *(Кричит.)* Ваше высокородие!! — Кандид Касторович!!! *(Идет к двери.)*

Тарелкин *(входит).* Что вам надо — вы меня зовете?

Иван Сидоров *(сталкивается с ним и подает ему пакет, тихо).* Вы, ваше высокородие, записочку обронили.

Тарелкин *(с удивлением).* Нет. Какую записочку?

Иван Сидоров *(тихо).* Так точно — обронили. Я вот сейчас поднял.

Тарелкин *(щупая по карманам).* Да нет, братец, я никакой записочки не знаю.

Муромский *(в замешательстве).* Творец милосердый — да он мне историю сделает...

Иван Сидоров *(смотрит твердо Тарелкину в глаза).* Да вы о чем беспокоитесь, сударь? Вы обронили, мы подняли *(с ударением),* ну — и извольте получить!

Тарелкин *(спохватясь).* А — да, да, да! *(Берет пакет и быстро выходит на авансцену.)* О-о-о, это птица широкого полета!.. Уж не знаю, на него ли Станислава, или его на Станиславе повесить. *(Кладет деньги в карман.)*

Ну, — с этим мы дело сделаем... *(Раскланивается и уходит. Иван Сидоров его провожает, Муромский стоит в изумлении.)*

Тарелкин и Иван Сидоров *(кланяются и говорят вместе, голоса их сливаются).*

Благодарю, братец, благодарю. Всегда ваш слуга. Мое почтение, мое почтение.

Помилуйте, сударь, обязанность наша. Мы завсегда готовы. Наше почтение, завсегда, завсегда готовы.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Муромский и Иван Сидоров.

Иван Сидоров *(запирает за Тарелкиным дверь).* Вы мне, сударь, не вняли, что говорил поблагодарить-то надо.

Муромский. Да как это можно так рисковать. Другой, пожалуй, в рожу даст.

Иван Сидоров. В рожу?! Как же он, сударь, за мое добро мне в рожу даст?

Муромский. Ведь не судеец же какой — а все-таки лицо.

Иван Сидоров. О боже мой! — Да вы разумом-то внемлите: вот вы говорите, что они лицо.

Муромский. Вестимо лицо: коллежский советник, делами управляет.

Иван Сидоров. Слушаю-с. А сапожки по их званию лаковые — изволили видеть?

Муромский. Видел.

Иван Сидоров. А перчаточки по их званию беленькие — изволили видеть?

Муромский. Видел.

Иван Сидоров. А суконце тоненькое английское; а воротнички голландские, а извозчик первый сорт; а театры им по скусу; а к актрисам расположение имеют — а вотчин у них нет — так ли-с?

Муромский. Так.

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?!. Ну — государево жалованье тоже получают.

Иван Сидоров. Государева, сударь, жалованья на это не хватит; государево жалованье на это не дается. Честно́й человек им жену прокормит, ну, матери кусок хлеба даст, а утробу свою на эти деньги не нарадует. Нет! Тут надо другие. Так вот такому-то лицу, хоть будь оно три лица, и все-таки вы, сударь, оброчная статья.

Муромский *(с досадою)*. Стало уж, по-твоему, все берут.

Иван Сидоров. Кому как сила.

Муромский. Ну, все ж таки знатные бары не берут; ты меня в этом не уверишь...

Иван Сидоров. А на что им брать-то? Да за что им брать-то?

Муромский. Так вот я к ним и поеду.

Иван Сидоров. Съездите.

Муромский. Вот говорят, этот князь — справедливый человек, нелицеприятен — и нрава такого, что, говорит, передо мной все равны.

Иван Сидоров. Да как перед хлопушкой мухи. Что мала — муха, что большая — все единственно.

Муромский. Вот увижу.

Иван Сидоров. Ничего, батюшка, не увидишь. Стоишь ты перед ним с твоим делом; искалечило оно тебя да изогнуло в три погибели, а он перед тобою во всех кавалериях, да во всей власти, да со всеми чиноначалиями, как с неба какова, и взирает... Так что тут видеть? По-моему: к большим лицам ездить — воду толочь. А коли уж малые лица на крюк поддели, да сюда приволокли — так дай.

Муромский. Все вот дай! — Деньги-то не свои, так куда легко; — они у меня не богомерзкие какие, не кабацкие, не грабленые.

Иван Сидоров. Знаю, мой отец, знаю. Что делать?! Дадим, да и уедем; почнем опять хлопотать — боронить да сеять. Господь пособит — все вернем.

Муромский *(с досадою)*. Я не знаю, кому дать? — Сколько дать?

Иван Сидоров. Да уж кому давать, как не этому Варравину — ведь дело у него; — слышали: он голова, а этот руки.

Муромский. Стало, к нему и ехать?

Иван Сидоров. К нему, сударь, к нему. Только когда у него будете, вы помечайте: сначала он поломается, а потом кидать станет; куда кинет — значит, так и есть.

Вы не супротивничайте и спору не заводите: — Неокентаврий владеет нами; власть его, а не наша.

Муромский. Так когда же ехать-то?

Иван Сидоров. Да хоть завтра. Я вот забегу к Кандиду Касторычу; теперь он человек свой — так пускай его предупредит и дело устроит *(берет шапку и хочет идти)*, а без этого соваться нельзя.

Муромский. Да нет, постой... Вот что: завтра праздник, завтра и в лавках не торгуют.

Иван Сидоров *(кланяясь)*. В лавках, сударь, не торгуют, а в присутственных местах ничего, торгуют. *(Уходит.)*

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала канцелярии. Столы и чиновники. У самой авансцены стол с бумагами, за которым сидит Тарелкин; далее в глубине театра другие столы. Направо дверь в кабинет начальника, налево дверь в прихожую; прямо против зрителей дверь в прочие комнаты канцелярии отворена — видны еще столы и еще чиновники. Некоторые из них пишут, другие козируют.

ЯВЛЕНИЕ I

Тарелкин, Чибисов, Ибисов, Шило, Омега, Герц, Шерц, Шмерц и другие чиновники.

Тарелкин *(сидит за своим столом и напевает арию из «Elisir»)*... Ci-e-lo-si-pu-o-mo-sir...

Ибисов *(с другого стола)*. Тарелкин, вы вчера в Итальянской-то были?

Тарелкин *(качает головой и заливается)*. Si-si-si-si-non-ci-e-do.

Ибисов. Какой шанс у человека!.. И Максим Кузьмич был?..

Тарелкин *(та же игра)*. Si-si-si-non-ci-e-eeee — тьфу, опять не вышло!

Ибисов. Как, бывало, Сальви валял эту арию в Москве — так мое почтение. Вы что там ни толкуйте, а Марио до него далеко.

Тарелкин *(поет и машет ему рукою)*. Si-si-non-cie...

Ибисов. Нет, далеко.

Тарелкин *(остановясь)*. Да замолчите.

Ибисов. Я свое мнение имею.

Тарелкин. Что ваше мнение? У вас сколько чувств?

Ибисов. Пять.

Тарелкин. А тут шесть надо.

Чиновники смеются.

Шило *(с своего места)*. Прибавьте на бедность седьмое, чтобы так дел не вести.

Тарелкин *(посмотрев на него через плечо)*. Каких там дел?

Шило. Да вот, хоть бы дело Муромских; пять лет тянут! Пять месяцев здесь лежит. Ведь со слезами просят — пощадите, батенька!

Чибисов *(перебивая)*. А какое это дело?

Ибисов. А об девочке — помните? О противузаконной связи одной помещичьей дочери с каким-то губернским секретарем. Оно идет к докладу.

Шерц *(таинственно, на ухо Шиле)*. До крайности щекотливое дело. Максим Кузьмич сами рассматривают.

Шмерц *(с другой стороны та же игра)*. А Тарелкин записку составляет.

Шило *(громко)*. Кандид Касторыч, вы составили записку по делу Муромских?

Тарелкин *(поет и бьет такт)*. Не составааааа-вил... не составааа... не составааа-вил...

Ибисов также подхватывает. Хор.

(Остановясь). Откуда?

Ибисов. Постойте, постойте... из «Гугенотов»!

Тарелкин. Так.

Шило. Ведь это сущий вздор.

Тарелкин. «Гугеноты»-то?!!

Шило. Нет, свои гугеноты — доморощенные. Ведь это избиение Муромских ровно ни на чем не основано. Вся интрига девочки с Кречинским — чистое предположение.

Ибисов. Ну, этого не говорите.

Шило. Я дело видел.

Ибисов. А я вам скажу, что интрига была, она с ним и бежать собиралась; — я это вернейшим образом знаю; они и бриллианты захватили. Видите, у князя есть гувернантка, которой ихняя-то гувернантка все это и рассказывала.

Шило. Да у них гувернантки не было.

Ибисов. Была, Кастьян Кастьянович, была.

Шило *(с нетерпением)*. Да из дела, сударь, видно.

Тарелкин. Толкуйте там — вас не переговоришь. У вас это болезнь; вам бы на воды ехать — полечиться... *(Зевает.)* Нет, представьте себе, господа, сижу я вчера у Максима Кузьмича в ложе, лорнирую этак — и что же: во втором ярусе над бельэтажем — кто бы вы думали? — Оранженьский! — а, каков идол?

Ибисов. Зато у него дом повыше второго яруса?

Шило. А все вор и грабитель.

Тарелкин. Что это, дружище, все у вас воры да грабители; — не сломили бы они вам шею?

Шило. У меня, сударь, шеи нет, а голова есть — так не страшно. Вот у кого головы нет, а шея есть — ну тому рисково.

Тарелкин. Вот кунсткамера какая!

Шило. А вы заметили, в кунсткамере есть животные, у которых все тело — шея; вот их-то пресмыкающимися и зовут.

Тарелкин *(отходит и в сторону)*. Собака.

ЯВЛЕНИЕ II

Максим Кузьмич Варравин, с бумагами, показывается из боковых дверей направо. По канцелярии водворяется тишина; все садятся и принимаются за дело. Максим Кузьмич подходит к столу, отдает бумаги, делает замечания и, наконец, достигает стола Тарелкина.

Тарелкин *(встает)*. Ваше превосходительство — дело есть.

Максим Кузьмич садится на его место, раскрывает дело и листует; Тарелкин ему указывает, разговор идет вполголоса.

Варравин. Ну что?

Тарелкин *(тихо)*. От Муромских гонец... Готово!..

Варравин. Как медленно... *(Листует дело.)*

Т а р е л к и н *(докладывает тихо)*. Что делать! Истинное мучение: и дочь-то любит и деньги-то любит; и хочется и колется...

В а р р а в и н. Надо через третьи руки.

Т а р е л к и н. Ни, ни. Сам, говорит, или ничего.

В а р р а в и н. Вот как!

Т а р е л к и н. Третьего лица, говорит, не хочу. Украдет.

В а р р а в и н. Так он эту азбуку знает?

Т а р е л к и н. Знает. Он все мытарства прошел. Как порассказал мне его управляющий. — Боже мой, чего с ним не делали: давал он через третье лицо; третье лицо хватило его на полкуша. Стал сам давать — хуже. Кому даст — тот болен; на его место новый — мнение пишет. А тут еще какой случай вышел...

В а р р а в и н. Укажите!

Т а р е л к и н *(спохватясь)*. Ах — да!.. *(листует дело, указывает и продолжает тихо)* изволите видеть: по вопросу о незаконной связи дочери с Кречинским выискался один артист, да и отмочалил *(говорит громко)* мнение; принимая, говорит, во внимание то и то, а с другой стороны обращая внимание на и то и то, мнением полагаю *(тихо)* пригласить врачебную управу для медицинского, говорит, освидетельствования... хи, хи, хи...

В а р р а в и н. Кого?!

Т а р е л к и н *(в духе)*. Да ее!

В а р р а в и н. Дочь! — ха, ха, ха, — ну? *(Оба тихо смеются.)*

Т а р е л к и н. Ну и взяли, что хотели!..

В а р р а в и н. Вздор!.. как можно!..

Т а р е л к и н. Да почему же? Ведь это мнение. За мнение никто не отвечает. Помилуйте! И за решение — и за то взыску нет!

В а р р а в и н. Этого в деле нет.

Т а р е л к и н. Я знаю, что нет. С него, чтоб не согласиться, взяли раз, а чтоб и в деле не было — взяли два.

В а р р а в и н. Ну?

Т а р е л к и н. Ну и раздели! на полсостояния хватили.

В а р р а в и н *(качая головой)*. Тсссс...

Т а р е л к и н. Помилуйте! — и то умеренно!.. он бы все отдал.

В а р р а в и н. Так сколько же теперь?..

Т а р е л к и н. Особенной массы нельзя! Взяли... *(думает)* десять...

В а р р а в и н. По такому делу? Одна дочь! Вся жизнь. Тридцать!

Т а р е л к и н. Нету!

В а р р а в и н. Достанет.

Т а р е л к и н. Где достать?

В а р р а в и н. Дочери лишится.

Т а р е л к и н. Хоть кожу сдерите.

В а р р а в и н. Имение заложит.

Т а р е л к и н. Заложено.

В а р р а в и н. Ну продаст.

Т а р е л к и н. Продано.

В а р р а в и н *(с беспокойством)*. Неужели?

Т а р е л к и н. Верно.

В а р р а в и н. Так что ж они это делают?!

Т а р е л к и н. Вам известно, каковы люди: лишь бы силы хватило — не спустят!

В а р р а в и н *(сетует)*. Как же он теперь?

Т а р е л к и н. Добавочные взял, имение продал — ну, тысчонок двадцать пять у него, надо быть.

В а р р а в и н. Ну делать нечего — двадцать пять.

Т а р е л к и н. Ему тоже жить надо, долги есть.

В а р р а в и н. Долги подождут.

Т а р е л к и н. Ждут, ваше превосходительство, да не долги. Вот я, видите, в мундире здесь сижу *(показывает на стол)*, а вон там *(указывает на прихожую)* уж наведываются. А частный человек что? — Частный человек — нуль! ха!

В а р р а в и н. Меньше двадцати тысяч дело не кончится. Только скорее. *(Встает.)*

Т а р е л к и н. Все готово. — Дожидаются.

В а р р а в и н. Так вот что: князь сейчас едет в комитет; чиновников я распущу по случаю праздничного дня; следовательно, через час и его приму. *(Встает.)*

Т а р е л к и н *(громко)*. Слушаю, ваше превосходительство.

В а р р а в и н *(громко)*. Вы сейчас и известите. *(Идет в кабинет.)*

В эту минуту двери кабинета размахиваются настежь; показывается к н я з ь; П а р а м о н о в ему предшествует; по канцелярии пробегает дуновение бури; вся масса чиновников снимается с своих мест и, по мере движения князя через залу, волнообразно

преклоняется. Максим Кузьмич мелкими шагами спешит сзади и несколько бочит так, что косиною своего хода изображает повиновение, а быстротою ног — преданность. У выхода он кланяется князю прямо в спину, затворяет за ним двери и снова принимает осанку и шаг начальника. Чиновники садятся.

Варравин *(остановясь посреди залы и посмотрев на часы)*. Господа! Нынче праздник — можете кончить. До завтра. *(Кланяется и уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Шум. Чиновники подымаются и быстро убирают бумаги. Во все продолжение этого явления залы канцелярии постепенно пустеют. Тарелкин, Чибисов, Ибисов, Герц, Шерц, Шмерц, чиновник Омега и Шило, со шляпами в руках, составляют группу у авансцены.

Ибисов. Кандид Касторыч, едем вместе *(подмаргивая)* туда...

Тарелкин. Нельзя, душа: — дело есть.

Голос Варравина *(за кулисою)*. Тарелкин!!

Тарелкин *(повертясь на каблуках)*. Я!! *(Бежит в кабинет.)*

Ибисов. А?! Каков мой Кандид!

Омега. Да! Расцвел, как маков цвет! Вот: ни состояния, ни родства, а каково: Станислава хватил.

Шерц. В коллежские советники шаркнул.

Шмерц. Двойной оклад взял.

Омега. Чем вышел, это удивление.

Чибисов. В рубашке родился, господа.

Омега. Стало, по пословице: не родись умен, а родись счастлив.

Шило. Это глупая пословица — по-моему, это по стороне бывает. Вы заметьте: вот в Англии говорится: не родись умен, а родись купец; в Италии: не родись умен, а родись певец; во Франции: не родись умен, а родись боец...

Шмерц. А у нас?

Шило. А у нас? Сами видите *(указывает на дверь, где Тарелкин)*: не родись умен, а родись подлец.

Чибисов *(с усмешкою)*. Изболели вы, батенька?

Шило. Изболел-с.

Ибисов. И много ведомств перешли.

Шило. В двух отказали — теперь в третьем.

Чибисов. Что же?

Ш и л о. Откажут.

И б и с о в. Ну, тогда-то как?

Ш и л о. Хочу к купцу идти.

Ч и б и с о в. В приказчики — сальными свечами торговать.

Ш и л о. Сальными свечами, да не сальными делами.

Ч и б и с о в *(берет Ибисова под руку).* Пойдем, брат, прочь. *(Тихо.)* С удовольствием бы повесил.

И б и с о в. А я бы веревку купил.

Уходят.

О м е г а *(подходит к Шиле и, взявши его за руку).* Кастьян Кастьянович, не зудите их; они вам зло сделают; — плюньте.

Ш и л о. Пробовал! *(Заикнувшись.)* Слюны не хватает...

О м е г а. Вы теперь куда?

Ш и л о. Куда? *(Заикнувшись.)* А на мою аттическую квартиру.

О м е г а. Почему же аттическую?

Ш и л о. А она *(та же игра)* не топленная.

О м е г а. Так не хотите ли ко мне — пообедаем вместе.

Ш и л о. Хочу!.. Ведь я через день обедаю, а мне каждый день хочется.

О м е г а. Чудесно!.. А вы что любите?

Ш и л о. Эва... все! Только бы костей не было... я пробовал... *(Заикнувшись.)* Не съешь...

Смеются, берутся под руки и уходят.

ЯВЛЕНИЕ IV

Т а р е л к и н *(выходит из кабинета, держа двумя пальцами ассигнацию, и показывает ее).* Благодетель!.. Чем обрадовал; мне ее на извозчика мало. *(Сует ее со злобою в портмоне.)* Вот толкуют о приказном племени: зачем, говорят, это крапивное племя развели; а этому племени что? Он чай вприкуску пьет; погулять — идет в полпивную; обедать — так съест на двадцать пять копеек серебром — уж и сыт. Ну, а я-то? Аристократ-то? Ведь в полпивную не пойдешь; обедать — все-таки у Палкина; да мне другой раз на перчатки три целковых надо; выходит — петля! Я только долгами и живу, от долгов и око-

лею... Боже мой — ну когда же такая каторга кончится? Ведь вот, и тут ничего не будет, — ничего! Оберет он меня, каналья, оберет как липку; как обирал — так и оберет. Хоть бы в щель какую, в провинцию забиться; только бы мне вот Силу да Случай, да я таким бы взяточником стал, что с мертвого снял бы шкуру; право, бы снял — потому нужда! Так вот что удивительно: нет вот мне ни Силы, ни случая. *(Задумывается.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Варравин выходит из кабинета. Тарелкин.

Варравин. Что ж, вы еще не повестили?

Тарелкин. Сейчас, сейчас; ведь это вот здесь, недалеко. *(Садится и пишет.)* А у нас, ваше превосходительство, опять язва завелась.

Варравин. Кто такой?

Тарелкин. Вот этот Шило, что недавно поместить изволили; его выгнать надо; он мне проходу не дает.

Варравин. А вы зачем с ним вяжетесь?

Тарелкин. Помилуйте; он карбонарий, он ничего не признает. Кричит по всей канцелярии об этом деле; — ну, что же мне делать? *(Выходит в прихожую.)*

Варравин *(один, расставляет стулья, укладывает бумаги и садится за стол Тарелкина)*. Удивления достойно, что это за времена настали: или умен — ну, так такая ракалия, что двух дней держать нельзя; или уж такая дрянь, что, как старая ветошь, ни на что не годен.

Тарелкин входит.

Признаться сказать, хороши и вы-то стали! Ну, на что вы годитесь? Истрепались да измотались — ни одного из вас человеком сделать нельзя. Нет, в мое время был у нас Антон Трофимыч Крек — так человек!.. Из себя был плотный, плечистый, неуклюжий, что называется худо скроен, да крепко сшит. Говорил мало; а если скажет что, точно гвоздем пришьет. Жил он довольно, а и заметить было нельзя, только раз на выходе из бани как хлыстнет его апоплексия — так только вот что сделал *(кривит рот и делает гримасу)*, и весь тут!..

Тарелкин. Я об нем, ваше превосходительство, очень много слышал.

Варравин. То-то, слышал. А ныне что вы за чиновники? Глисты какие-то; худые да больные; скрипит да кашляет, да весь протух; руку ему пожмешь, так точно мокрую плеть какую. Нет, в наше время как бывало Антон Трофимыч всю пятерню тебе представит, так задумаешься. Только тебе ее сунет, а сам-то и жмет; — так ка̀к около тарантаса и ходишь. Вот так делал дело — не вам чета. Встанет в четыре часа, фукнет в кулак и сядет; да, как бык какой, так и прет. Никого не боялся, несказанное вершил, — ну и состояние оставил: домино какой на острове, да что наличности, да что безличности. А вы что? Белоручка, перчаточники, по театрам шататься, шалберить да балагурить, а деньги чтоб силой в карман лезли... Нет, дружище, без работы не придут. Так что же выдумал: вы мне, говорит, чины-то дали, а состояния, говорит, не дали.

Тарелкин. Ваше превосходительство, я не в том смысле.

Варравин. Знаю я прежде вас, в каком вы смысле. Состояние?! — А что, вы как думаете, — оно мне даром пришло — а? По̀том да кровью пришло оно мне! Гологo взял меня Антон Трофимыч Крек да и мял... и долго мял, пусто ему будь. Испил я из рук его чашу горечи; все терпел, ничем не брезгал; в чулане жил, трубки набивал, бегал и в лавочку — да! А как повесил он мне на шею Анну, так с каждого получения четыре пая положит, бывало, в черновое, да только глазами в тебя вопрет — и слов-то не было.

Парамонов *(входит)*. Ваше превосходительство, проситель — желает видеть.

Варравин. Допусти.

Парамонов уходит.

Ступайте себе; да не подслушивайте — не надо!

Тарелкин также уходит; Варравин окладывает себя кипами бумаг.

ЯВЛЕНИЕ VI

Варравин, уткнувшись в бумаги, пишет. Муромский входит.

Муромский. Позвольте себя представить — ярославский помещик, капитан Муромский.

В а р р а в и н *(продолжая писать).* Мое почтение.

Молчание.

М у р о м с к и й *(несколько постоявши).* Наслышан будучи о вашей справедливости, прошу принять участие.

В а р р а в и н *(пишет и указывает на стул).* Садитесь.

Муромский садится; молчание.

Едва ли в чем могу быть полезен.

М у р о м с к и й. Благосклонный ваш взгляд всегда полезен.

В а р р а в и н *(пишет).* Ошибаетесь. В ведомстве нашем ход делопроизводства так устроен, что личный взгляд ничего не значит. *(Поворачиваясь к Муромскому и закрывая бумаги.)* Впрочем... в чем состоит просьба ваша?

М у р о м с к и й *(очень мягко).* Вам, конечно, известно дело о похищении у меня солитера губернским секретарем Кречинским.

В а р р а в и н *(помягче).* Оно находится у нас на рассмотрении и несколько залежалось. Не взыщите. Дел у нас такое множество, что едва хватает сил. Со всех концов отечества нашего стекаются к нам просьбы, жалобы и как бы вопли угнетенных собратов; дела труднейшие и запутаннейшие. Внимание наше, разбиваясь на тысячи сторон, совершенно исчезает, и мы имеем сходство с Титанами, которые, сражаясь с горами, сами под их тяжестью погибают. *(Оправляется с удовольствием.)*

М у р о м с к и й. Потому-то я и стремлюсь обратить внимание ваше.

В а р р а в и н. По мере сил, сударь, по мере сил.

М у р о м с к и й. Дело по существу простое, но от судопроизводства получило такую запутанность, что я даже не могу порядком вам передать...

В а р р а в и н. Прошу.

М у р о м с к и й. Извольте видеть: дочь моя получила в свете склонность к этому Кречинскому; и хотя мне то было прискорбно, но — я на брак их согласился. Это и была моя ошибка! *(Вздыхает.)*

В а р р а в и н *(также вздыхает).* Верю...

М у р о м с к и й. Кречинский, нуждаясь в деньгах, взял у дочери моей солитер под предлогом показать его знакомым; и дочь моя оный ему вручила по детскости и большой к нему привязанности... *(Вздыхает.)*

Варравин *(также вздыхает)*. Верю...

Муромский. Немедленно за сим Кречинский произвел у ростовщика Бека фальшивый залог, так что получил возможность возвратить камень этот моей дочери тем же днем. Стало, мы тут, как младенцы какие, ровно ничего и не подозревали... *(Вздыхает.)*

Варравин. Верю...

Муромский. Только в эту минуту один близкий мне человек предупредил меня, а вскоре явился и сам ростовщик, у которого в залоге оказался камень подложный; — следовательно, все и открылось. Видя это, я всякие сношения с Кречинским прервал. Вот и все дело; и, поверите ли, такая простота и с нашей стороны натуральность по учиненному следствию является обнесенной всякими зазорными подозрениями.

Варравин. Верю, почтеннейший, верю... однако замечу, что некоторые обстоятельства дела вы опустили.

Муромский. Клянусь вам богом...

Варравин. Положение дела вашего по фактам следствия остается запутанным и, могу сказать, обоюдоострым. С одной стороны, оно является совершенно естественным и натуральным, а с другой — совершенно неестественным и ненатуральным.

Муромский *(расставя руки)*. В чем же неестественным и ненатуральным, ваше превосходительство?

Варравин. А во-первых, спрашиваю: можно ли, чтобы дочка ваша такую драгоценную вещь отдала чужому ей лицу без расписки и удостоверения? Ибо есть дамы, и я таковых знаю, которые и мужьям своим того не доверяют.

Муромский. Не могла ничего предполагать, ваше превосходительство.

Варравин *(продолжая)*. Во-вторых: по какой таинственной причине дочь ваша повторительно и собственноручно отдала камень этот ростовщику Беку и тем самым во второй раз вас его лишила, а себя явила участницею похищения.

Муромский. Хотела его спасти.

Варравин. Кого? — Преступника. Воспрещено законом!

Муромский. Да ведь он ей жених.

Варравин. Ну нет; по-моему бы, ей от него, этак *(делает жест)* с ужасом! а не выручать. Согласитесь: ро-

стовщику Беку вы заплатили деньги единственно ради этого соучастия дочки вашей с Кречинским. Ведь это факт. Вы как думаете?

Муромский. Положим, что факт; но ведь я этих денег не ищу.

Варравин. Вы не ищете, но закон-то? он неумолим!.. и ищет.

Муромский. Что же, ведь и закон неопытность принимает в соображение — она ребенок.

Варравин. По метрикам оказалась на девятнадцатом году.

Муромский. Так точно.

Варравин. Уголовное совершеннолетие.

Муромский. Уголовное?.. Побойтесь бога! За то, что девушка из беды жениха выручает; да она кровь отдаст; примите в соображение ее привязанность, увлечение!

Варравин *(с усмешкой)*. Ну вот вы сами и поймались.

Муромский *(тревожно)*. Где?.. Как?.. Я ничего не сказал.

Варравин. Сказали... Вы не беспокойтесь; вы всегда скажете то, что нам нужно. *(Лукаво.)* Увлечение, говорите вы; — ну оно нами во внимание и принято. — Степень этого увлечения мы теперь и хотим определить по закону.

Муромский *(смешавшись)*. Так позвольте... я... я... не в том смысле.

Варравин. А в каком?.. А вам известно показание двух свидетелей об увлечении-то?.. Да напрямик, что-де между дочкой вашей и Кречинским была незаконная связь!..

Муромский *(со страданием)*. Пощадите!.. Пощадите... это клевета, это подвод... их купили... эти два свидетеля выеденного яйца не стоят.

Варравин. Присяжные, сударь, показания. Сила!.. А тут как бы игралищем судьбы является и факт собственного сознания.

Муромский *(с жаром)*. Никогда!..

Варравин. Дочь ваша, отдавая ростовщику солитер, сказала: это моя ошибка!.. Слышите ли? *(Поднимая палец.)* Моя!!.

Муромский. Нет — она не говорила: моя ошибка!.. *(Бьет себя в грудь.)* Богом уверяю вас, не говорила!.. Она сказала: это была ошибка... то есть все это сделалось и случилось по ошибке.

Варравин. Верю, но вот тут-то оно и казустно: все свидетели, бывшие при этой сцене, отозвались незнанием, окроме четырех. Четыре эти разделились на две равные стороны: два... и два... утверждая противное. Свидетель Расплюев и полицейский чиновник Лапа показали, что она употребила местоимение моя...

Муромский *(перебивая)*. Не употребила! Не употребила! хоть в куски меня изрежьте — не употребила!..

Варравин. Так точно: вы, сударь, и госпожа Атуева утвердились в показании, что она сказала: это была ошибка, опустив будто существенное местоимение моя... где же истина, спрашиваю я вас? *(Оборачивается и ищет истину.)* Где она? где? Какая темнота!.. Какая ночь!.. и среди этой ночи какая обоюдоострость!..

Муромский *(с иронией)*. Темнота... Среди темноты ночь, среди ночи обоюдоострость... *(Пожав плечами.)* Стар я стал, — не понимаю!..

Варравин *(с досадою)*. А вот поймете. *(Твердо.)* В глазах, сударь, закона показания первых двух свидетелей имеют полную силу. Показание госпожи Атуевой, как тетки-воспитательницы, не имеет полной силы, а ваше собственное никакой.

Муромский. Почему так жестоко?..

Варравин. Потому, сударь, что вы преданы суду за ложное показание о бычке тирольской породы, которого получили от подсудимого в дар! Помните?

Муромский. Помню. *(Покачивая головой.)* Стало, по вашему закону, шулеру Расплюеву больше веры, чем мне. Жесток ваш закон, ваше превосходительство.

Варравин *(улыбаясь)*. Извините, для вас не переменим. Впрочем... пора кончить; я затем коснулся этих фактов, чтобы показать вам эту обоюдоострость и качательность вашего дела, по которой оно, если поведете туда, то и все оно пойдет туда... а если поведется сюда, то и все... пойдет сюда...

Муромский *(с иронией)*. Как же это так *(качаясь)* и туда и сюда?

Варравин. Да! И туда и сюда. Так, что закон-то при всей своей карающей власти, как бы подняв кверху,

меч *(поднимает руку и наступает на Муромского; — этот пятится)*, и по сие еще время спрашивает: куда же мне, говорит, Варравин, ударить?!.

Муромский *(с испугом)*. Боже милостивый!..

Варравин. Вот это самое весами правосудия и зовется. Богиня-то правосудия, Фемида-то, ведь она так и пишется: весы и меч!

Муромский. Гм... Весы и меч... ну мечом-то она, конечно, сечет, а на весах-то?..

Варравин *(внушительно)*. И на весах, варварка, торгует.

Муромский. А, а, а... Понял...

Варравин. То-то *(с иронией)*, а говорите, стар стал — не пойму...

Муромский. Уж я и не знаю, излагать ли мне вам мои опровержения.

Варравин. Достопочтеннейший, к чему? был и я молод, любил и я диспутоваться; теперь минуло; познал я жизнь; познал я и существенность. Вы старину-то вспомните... простую, задушевную... Вот время-то было! об нем и в стихах так складно сказано:

Там, где сердце нараспашку,
Наголо, как в старину!..

Муромский *(живо)*. Нараспашку?!. Наголо?!. *(В сторону.)* Вот оно!.. Кидать стал. *(Вслух.)* То есть как же это наголо?

Варравин. А в старину не диспутовались; поговорят легонько, объяснятся нараспашку, да и устроят дело наголо! *(Делает жест.)*

Муромский *(с ужасом)*. Наголо!..

Варравин. Да. Наголо!..

Муромский *(в сторону)*. Вот он антихрист, действительный статский советник. *(Вслух.)* Ах, ваше превосходительство. Отцы вы наши! Благодетели!.. В старину легко было дело-то устраивать. В старину мы жили в палатах, приказные — в комнатах; ныне мы живем в комнатах, а приказные — в палатах.

Варравин. Ну, а сколько б, вы думали, в старину взял бы приказный с вас за это дело?

Муромский *(шелохнувшись)*. Я, право, не знаю. Я по этим торгам — неопытен.

Варравин. Ну, вы для шутки.

М у р о м с к и й. Право, неопытен.

В а р р а в и н. Ах, боже мой *(настойчиво)* — ну, шутите.

М у р о м с к и й *(нерешительно)*. Тысчонки бы три взял.

В а р р а в и н *(ему на ухо)*. Тридцать тысяч! *(Повертывается и отходит.)*

М у р о м с к и й *(вздрогнув)*. Как!.. как вы это сказали?

В а р р а в и н. Да, тридцать тысяч и ни копейки бы меньше приказный этот не взял. Да, слышите: не на ассигнации, а на серебро.

М у р о м с к и й. На серебро!!! Силы небесные — да ведь это сто тысяч — это гора!!! Состояние! Жизнь человеческая! — Сто тысяч... Да помилуйте, за что ж бы он их взял? Ведь и дело-то в сущности пустое.

В а р р а в и н. Однако.

М у р о м с к и й. Если б тут степь какая, громадина была в спорности или заводина какой — железноделательный — а то ведь что? — только одно мнение, так — фу — воздух.

В а р р а в и н. Положим, что и воздух... только воздухом-то этим вас поистомило. И старинные, сударь, люди так не рассуждали... Старинные люди говорили: первое благо в мире — это мое спокойствие.

М у р о м с к и й *(с особенною мягкостью)*. Да, это так, ваше превосходительство... Но не сто же тысяч, ваше превосходительство!..

В а р р а в и н *(так же с мягкостью)*. Согласен!.. Согласен!.. Время все изменяет: ныне люди и помягче стали.

М у р о м с к и й *(с любопытством)*. То есть как же это?

В а р р а в и н *(смотря ему в глаза)*. Утверждают... Философы... будто они на... на двадцать процентов мягче стали...

М у р о м с к и й *(в сторону скоро считает)*. Десять копеек — три тысячи...

В а р р а в и н *(продолжает)*. Теплоты душевной стало, говорят, более...

М у р о м с к и й *(та же игра)*. Да, десять копеек — еще три тысячи... шесть тысяч долой...

В а р р а в и н. Сочувствия к нуждам ближнего — все это развилось, усилилось.

Муромский *(та же игра)*. Стало, двадцать четыре тысячи серебром.

Варравин. Вот это самое они прогрессом и называют.

Муромский *(вслух)*. По чести, ваше превосходительство, приказный бы этого не взял.

Варравин *(нежно)*. Взял бы, достопочтеннейший. — Взял бы...

Муромский *(твердо)*. Нет, он бы этого не взял.

Варравин *(сухо)*. Как вам угодно *(берет со стола бумаги)*.

Муромский *(мягче)*. Право... того... а я бы полагал... десять.

Варравин *(кланяясь и резко)*. Имея по должности моей многосложные занятия, прошу извинить. *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Муромский (один).

Муромский *(подумавши)*. Двадцать четыре тысячи — это — это — восемьдесят четыре тысячи начетом! Где я их возьму? Их у меня нет, видит бог, нет... Что же, стало, Стрешнево продавать? Прах-то отцов — дедов достояние... а дочь по миру... Так нет! Не отдам!.. Еду! К кому ни есть еду! Лбом отворю двери, всю правду скажу! *(Стихает.)* Кротко, складно скажу, Лидочку с собой возьму; не камни же люди; за правого бог! *(Уходит скоро.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Варравин выходит из одних дверей, Тарелкин из других.

Тарелкин. Каков, ваше превосходительство, уперся! Ну, я от него такой невежливости не ожидал.

Варравин *(с досадою)*. И что же! Вздумал предложение делать на третью долю.

Тарелкин. Однако-таки предложение сделал. Эх, ваше превосходительство! махнуть бы вам рукой.

Варравин. Я сказал, нельзя.

Тарелкин. Он вот ехать хочет.

Варравин. Куда?

Тарелкин. Не знаю. Не камни, говорит, люди; за правого бог.

Варравин *(соображая)*. Я полагаю, он бросится к князю.

Тарелкин. Другой дороги нет, как к князю.

Варравин *(думает)*. А как обставлено у вас это дело; все ли исправно?

Тарелкин. В величайшем порядке.

Варравин. Распутие-то мне приготовлено ли?

Тарелкин. В лучшем виде. Я за этим, по приказу вашему, особое наблюдение имел и даже своевременно с тятенькой списывался.

Варравин. Ну, что же тятенька?

Тарелкин. Он развалил их на три партии.

Варравин. Так.

Тарелкин. Одни пошли на выпуск: оправдать и от суда освободить.

Варравин. Так.

Тарелкин. Вторые — оставить Муромскую относительно любовной связи в подозрении. Третьи — обратить дело к переследованию и постановлению новых решений, не стесняясь прежними.

Варравин. Ну вот и хорошо, вот и распутие! Вот когда мне три путя вы уготовали — да когда к ним подведешь начальство, так куда хочешь, туда его и поворачивай!

Тарелкин. Кроме этих мнений и солисты оказались.

Варравин. Пускай.

Тарелкин. И одно мнение по новой формуле.

Варравин. По какой это?

Тарелкин. А не не-веро-ятно!..

Варравин. А — да! В каком же смысле?..

Тарелкин. Изволите видеть: относительно незаконной связи Муромской с Кречинским вопрос подвинут далее, а именно, что при такой-де близости лиц и таинственности-де их отношений *(поднимая палец)* не не-веро... ятно... что мог оказаться и ребенок...

Варравин. Н-да, это можно.

Тарелкин. Очень можно, а старику куда щекотливо кажется; так вот его как шилом в бок — так и подымает.

Варравин *(подумав)*. Гм... подымает... это хорошо!.. Ну, стало, пусть его к князю и едет. Хорошо бы, если бы его так направить, чтобы он явился к нему утром, ранехонько, пока тот по залам разминается да содовую пьет...

Тарелкин. Это можно, ваше превосходительство.

Варравин. Да чтоб он в самую содовую попал!..

Тарелкин. В самую содовую и попадет!..

Варравин. А если попадет, то он неизбежно там напорется... и как только тот по своей натуре на него крикнет, так он опять у нас и будет.

Тарелкин. Будет, ваше превосходительство, непременно опять здесь будет.

Варравин. Так и делайте. *(Хочет идти.)*

Тарелкин *(принимая просительную позу)*. Ваше превосходительство.

Варравин *(вспыхнув)*. Как?.. Опять?!.

Тарелкин *(та же игра)*. Сил нет!

Варравин. Да вы насмех!

Тарелкин. Помилуйте *(показывая на горло)*, я воооот как сижу.

Варравин. Да вы что показываете мне? Разве это новое; вы целый век вооот как *(тот же жест)* сидите.

Тарелкин. Будьте милостивы, выкупите меня разочек; не морите измором, ради бога! Я совершенно потерялся, жизнь в горечь обратилась; ведь меня на улицах, как зайца, травят...

Варравин. Кто вас травит?

Тарелкин. Кто? — Кредиторы. Вы как думаете — я кругом должен, я и дворнику и ему должен. Как только сунусь на улицу — пырь мне в глаза — кто? — Кредитор. Я уж куда попало; в переулок, так в переулок, в магазин, в лавку, раз в полпивную вскочил; ну что, помилуйте, ведь себя компрометируешь. А портной, да к тому же немец... так совершенно остервенился! У меня, изволите видеть, кухарке приказ строжайший: дома нет и кончено — хоть тресни... Так верите ли богу, намедни силою ворвался. Слышу — ломятся, а у меня этак трюмо, — ну я, делать нечего, залез туда, скорчился и сижу... Так что же: поискал он меня да подметил, видно, как харкнет за трюмо-то — прямо мне в рожу!..

Варравин. Ну!..

Тарелкин. Ну и плюнул. — Ха! что возьмешь-то? Вышел, подлец, в сени, да, не говоря дурного слова, и кухарке в рожу... ну, помилуйте, ну, ей-то за что?

Варравин *(берет со стола бумаги)*. Однако как же можно?

Тарелкин. Ну судите сами, ваше превосходительство, как же это можно? Так я к тому говорю: что же это за существование? Всякий и говорит-то тебе с омерзением. Ну помилуйте, это, почитай, первая вещь, до которой каждый добивается; ты что хочешь себе думай, а почтение мне окажи.

Варравин *(уходя в кабинет)*. Ну это конечно, я с этим согласен, а почтение он таки окажи.

Тарелкин *(следуя за ним)*. Да! А почтение ты мне, подлец, все-таки окажи...

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Муромских. Утро. Декорация первого акта, посреди комнаты стоит стол с бумагами.

ЯВЛЕНИЕ I

Лидочка сидит за пяльцами. Иван Сидоров выходит из кабинета и поспешно перебирает на столе бумаги.

Лидочка. Чего ты ищешь, Сидорыч?

Иван Сидоров. Да вот, сударыня, записку, что писарь переписывал. Мы вот там *(указывает на кабинет)* с Кандид Касторычем весь кабинет изрыли.

Лидочка. Да вот она. *(Встает и отдает ему бумагу.)* Что вы делаете?

Иван Сидоров. С Кандидом Касторычем совет держим, сударыня; едет папенька ваш к князю подать эту записку; так толкуют теперь, как с этим лицом говорить надо.

Лидочка. Ах, Иван Сидоров, а мне сдается, что это добром не кончится; у меня какая-то тоска... Сердце ноет... Ну что же, папенька ездил к этому чиновнику?

И в а н С и д о р о в. Ездил, сударыня.

Л и д о ч к а. Ну что же?

И в а н С и д о р о в. Не сошлись. Да по правде сказать, как и сойтиться? Ведь не то что взять хотят — а ограбить. Народ все голь, живет хищением; любого возьмите: получает он от царя тысячу, проживает пять, да еще нажить хочет — так как тут сойтиться? Вот около нашей вотчины один, сударыня, судеец самым сверхъестественным грабительством — миллион нажил; купил пятьсот душ вотчину, два завода поставил. Так что ж? теперь, видите, пятьдесят тысяч рублей доходу получает, и стал уж он большой барин. Вот вы и судите, матушка, что̀ один такой нечестивец на всю землю нашу соблазну делает!

Л и д о ч к а. Да, страшный свет.

И в а н С и д о р о в. Теперь, матушка, из них всякий не то что на прожиток взять или бы благодарность какую; бог бы с ним, мы за это не стоим; а смотрит, чтобы сразу так цапнуть, чтобы, говорит, и себе было и детки бы унаследовали. Ну и стало оно грабительство крупное, маховое; сидят они каждый на своем месте, как звероловы какие, да в свои силки скотинку божию и подкарауливают. Попадет кто — они вот этою сетью *(указывает на записку)* опутают — да уж и тешатся.

Л и д о ч к а. Точно сетью!.. Ах, Сидорыч, как у меня сердце-то ноет.

И в а н С и д о р о в. Как ему и не ныть, матушка. Было на землю нашу три нашествия: набегали татары, находил француз, а теперь чиновники облегли; а земля наша что? и смотреть жалостно: проболела до костей, прогнила насквозь! продана в судах, пропита в кабаках, и лежит она на большой степи неумытая, рогожей укрытая, с перепою слабая.

Л и д о ч к а. Правда твоя. Я так иногда думаю: всего бы лучше мне умереть; все бы и кончилось — и силки бы эти развязались.

И в а н С и д о р о в. Что вы это, матушка, бога гневите. Посылает бог напасть, посылает силу, посылает и терпение.

Л и д о ч к а. Нет, Сидорыч, я уж слышу: ослабли мои силы, истощилось терпение, истомилась я! — только об том и молю я бога, чтоб прибрал бы он к себе мою грешную душу... Смотри — если я умру, похороните вы меня тихонько, без шума, никого не зовите, ну — поплачьте промеж себя... чего мне больше... *(Плачет.)*

Муромский *(из кабинета)*. Иван Сидоров, а — Иван Сидоров!

Иван Сидоров *(торопливо)*. Извините, сударыня. Сейчас, сейчас! *(Бежит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Лидочка *(одна)*. Я бы только хотела одного: чтобы и он приехал, — чтобы и он заплакал. — Ведь он любил меня... по-своему... нет! не любил он меня. Почему бы ему не прийти да не сказать, что вот ему деньги нужны! Боже мой — деньги! Когда я ему всю себя отдавала... и так рада была, что отдавала... *(Плачет и кашляет)*. Вот надеюсь, что у меня чахотка — а все пустое, никакой чахотки нет; а как бы хорошо мне умереть... благословить бы всех... Ведь вот что в смерти хорошо, что кто-нибудь — и ребенок и нищий, а всякого благословить может, потому отходит... я бы и его благословила... я бы сказала ему: вот моими страданиями, чахоткой... этой кровью, которая четыре года идет из раненой груди, я искупила все, что сделано, — и потому что искупила — благословляю вас... Я протянула бы ему руку. Он бросился бы на нее, и целый поток слез прошиб бы его и оросил бы его душу, как сухую степь, какую заливает теплый ливень!.. А моя рука уж холодная... Какие-то сумерки тихо обступили меня, и уже смутно слышу я: «ныне отпущаеши, владыко, рабу твою с миром» — я бы сказала ему еще раз... Ты... Мишель... прости... вот видишь там... *(горько плачет)* в такой дали, какую я себе и представить не могу, об тебе... об твоем сердце... буду я... мо... молиться. *(Плачет.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский во фраке и орденах выходит из кабинета, за ним Иван Сидоров, держа в руках записку, свернутую в трубку и перевязанную ленточкой, шляпу и перчатки; наконец, Атуева и Тарелкин, занятые разговором.

Муромский. Лида, — а — Лида, — где же ты?

Лидочка *(оправляясь)*. Я здесь, папенька.

Муромский. Прощай, дружок. Да ты это что? а? — Ты плакала?..

Лидочка. Кто, я? — Нет, папенька. А вы это что в параде?

Муромский. О-о-о-о-х, мой друг, — вот ехать надо.

Лидочка. Ехать — куда?

Муромский. Да вот, решили к князю ехать; просить, подать вот записку.

Лидочка. Так постойте. *(Уходит в свою комнату.)*

Тарелкин *(обертываясь к Муромскому)*. Петр Константинович, не медлите, прошу вас — не медлите. Я вам говорю, теперь самый раз; он теперь свободен, никого нет, и вам будет ловко на досуге объяснить все эти обстоятельства.

Атуева. Ну разумеется: не ахти какая радость об таком деле, да еще при людях толковать.

Тарелкин. Именно — ведь я для вас же советую.

Лидочка входит.

Муромский. А ты что это?

Лидочка. Я с вами.

Тарелкин *(в сторону)*. Ах, коза проклятая!.. — да она все испортит.

Муромский *(Тарелкину)*. Она вот со мной.

Тарелкин. Невозможно, невозможно. *(Муромскому, значительно.)* Им неприлично.

Атуева. Полно, матушка, видишь, говорят, нельзя.

Муромский. Ты, мой дружок, простудишься...

Лидочка. Нет, папенька, не простужусь *(решительно)* — а впрочем, вы знаете, я вас без себя никуда не пущу.

Муромский. Да, ангел ты мой...

Лидочка. Ведь я с вами только в карете; кто же мне запретит, папенька, с вами в карете быть.

Тарелкин. Да, — так вы наверх к князю не взойдете.

Лидочка *(посмотрев на Тарелкина)*. Не беспокойтесь — не взойду!

Тарелкин. Ну, этак можно — ступайте, ступайте.

Муромский берет шляпу и бумагу и уходит с Лидочкой; Атуева и Иван Сидоров провожают его до двери.

ЯВЛЕНИЕ IV

Тарелкин и Атуева, возвращаясь.

Атуева. Ну, вот так-то; насилу-то протолкали; и вам спасибо, добрейший Кандид Касторыч!.. Ну что, право; живет, живет, а ни на что не решается. Вот теперь и мне как будто легче стало.

Входит Иван Сидоров.

Ну что? — Вы что думаете?

Тарелкин. Я, сударыня, ничего не думаю.

Атуева. Да нет; я спрашиваю, что — успех-то будет? а?

Тарелкин. Никакого.

Атуева. Как же никакого?

Тарелкин. Так полагаю-с.

Атуева. Так неужели такому лицу нельзя объяснить свое дело? Ну, я сама поеду и объясню.

Тарелкин. Объяснить вы можете.

Атуева. Уж я вас уверяю. Да и в просьбе-то всю подноготную пропишу.

Тарелкин. И подноготную прописать можете.

Атуева. Так подать не могу?

Тарелкин. Еще бы; даже приемные дни назначены.

Атуева. Ну вот видите — сами говорите, приемные дни. Вот я сама и поеду.

Тарелкин. Вот вы и поехали. Введут вас в зал, где уж торчит человек тридцать просителей; вы садитесь на кончик стула и дожидаетесь...

Атуева. Отчего же, сударь, на кончик? я и во весь стул сяду.

Тарелкин. Ну нет — во весь стул вы не сядете.

Атуева. Сяду. Я не экономка какая. Мой отец с Суворовым Альпийские горы переходил.

Тарелкин. Положим даже, что он их с Аннибалом переходил, а все-таки во весь стул не сядете, ибо — дело, сударыня, имеете!.. Выйдет он сам!.. за ним чиновники, — заложит он этак руку за фрак. *(Закидывает руки и протяжно.)* Что вам угодно?

Атуева. А я ему тут все и выскажу.

Тарелкин *(сохраняя позу)*. Положим.

Атуева. Да так выскажу, что у него кровь в голову хватит.

Тарелкин. Не полагаю. Его сиятельство страдает гемороем; а от рассказов этих у них оскобина, — зубки болят-с. Ведь это вам так кажется; а в сущности все одно да то же. Пятьсот просителей — и все тот же звон.

Атуева *(с жаром)*. Тот, да не тот.

Тарелкин. А он в самом-то пылу и спросит *(тот же голос)*: записку имеете?

Атуева. А я ему и записку.

Тарелкин. Он примет, да чиновнику и передаст: вам поклон *(кланяется)*, значит, кончено; к другому — а их до полусотни, у всякого записка — воз; да по почте получен — другой; да всяких дел — третий; да у него в час заседание; да комитетов два; да званый обед на набережной; да вечером опера, да после бал, да в голове уж вот что... *(делает жест)*, так он вашу-то просьбу с прочими отдаст секретарю: рассмотрите, мол, и доложите... Понимаете... А секретарь передаст сделать справки — мне.

Иван Сидоров *(тихо, Атуевой)*. И предаст тя соперник судии.

Тарелкин. А я отдам столоначальнику.

Иван Сидоров. И предаст тя судия слузé...

Тарелкин. Вот вы туда же и попали...

Иван Сидоров *(покачав головою, тихо, Атуевой)*. Не изыдеши оттуда, дóндеже не отдаси последний кодрант.

Атуева *(раскинув руки)*. Не понимаю!!.

Тарелкин. А секретарь-то, ведь он тоже власть. — А я-то, я ведь тоже власть; а у меня столоначальник — ведь и он власть!..

Атуева. Так, стало, — от столоначальника до князя по всем и бегать.

Тарелкин. Зачем же так себя беспокоить, — в существе достаточно только к столоначальнику.

Атуева. Ну! не верю!

Тарелкин. Извольте, мы вам на счетах выложим. *(Ивану Сидорову.)* Дай-ко, брат, нам счеты. *(Иван Сидоров подает счеты.)*

Тарелкин *(становится в позу и кладет на счетах)*. В отечестве нашем считается, милостивая государыня, две столицы и сорок девять губерний...

ЯВЛЕНИЕ V

Муромский и Лидочка входят.

Тарелкин *(увидавши их, срывается с своего места)*. Что? что такое?

Муромский *(размахнув руками с сокрушением)*. Нет; — не принимает.

Тарелкин. Как не принимает, когда я вам говорю, что принимает.

Муромский. Мне курьер сказал.

Тарелкин. Да вы курьеру-то сунули?

Муромский. Как же, как же.

Тарелкин. И говорит — не принимает?

Муромский. Говорит — не принимает.

Тарелкин *(трет себе лоб)*. Это удивительно. — А вы сколько ему сунули?

Муромский. Полтинничек.

Тарелкин *(хлопнув по счетам)*. Ну, так вот отчего и не принимает. Ну помилуйте: ну можно ли такому курьеру полтинник давать?

Муромский *(с досадою)*. А сколько же такому курьеру давать?

Тарелкин. Пяти- или десятирублевую.

Муромский *(с ужасом)*. Тридцать пять рублей!

Тарелкин. Да вы на ассигнации считаете.

Муромский. Да ведь я ассигнациями оброк-то беру.

Тарелкин *(с досадою)*. Позвольте: у вас никто не спрашивает, получаете ли вы оброк и как вы его получаете: ассигнациями, медью или даже куньими деньгами. Вы поймите это. Вам надо дело сделать — так ли-с? Вы зачем сюда приехали?

Муромский. Ну вы знаете.

Тарелкин. И скоро ехать хотите?

Муромский. Да если этак еще дней десять помаячу, — так и в гроб лягу.

Тарелкин. Опять не туда: до вашей смерти опять никому дела нет.

Лидочка *(с испугом)*. Ах, боже мой! — Что вы...

Тарелкин *(Лидочке)*. Позвольте, сударыня, — не об этом. *(Берет Муромского за руку и подводит к окну.)* Посмотрите, много на Невском народу?

Муромский. Много.

Тарелкин. Кому из них дело, что вы из хлопот ваших умереть можете.

Муромский *(смотря в окно и покачав головою).* Да, — никому обо мне дела нет...

Тарелкин. Ну, вы сделайте опыт: крикните в окно, что, мол, я денег даю, — но, смотрите, что будет? *(Хохочет.)*

Муромский *(в сторону).* Тьфу, провались ты, проклятый человек.

Иван Сидоров. Справедливо говорят.

Тарелкин *(в духе).* Да помилуйте — это ясно, как дважды два. *(Атуевой.)* Вам чего день стоит?

Атуева. Целковых двадцать стоит.

Тарелкин *(с форсом).* И вы думаете, что курьер-то и не знает, что вам двадцать целковых день стоит? — а? — Он, бестия, знает. Ну вы дайте ему десять, а десять-то у вас в кармане останется. — Ведь здесь все так.

Иван Сидоров. Справедливо говорят-с.

Тарелкин *(продолжая).* Здесь у людей даром ничего не берут, нахрапом или озорством каким, — никогда. Здесь все по доброй воле, и даже, скажу вам по справедливости, — пополам. Вам чего дело стоит — двести рублей, ну — сто дайте, сто себе возьмите.

Муромский *(Атуевой).* Это, кажется, Кречинский писал, промышленная.

Атуева. Да, да.

Муромский *(Тарелкину).* Это, стало, по правилу: «возлюби ближнего, как самого себя».

Тарелкин. Именно — все наполовину. Согласитесь сами: всегда выгодно свой собственный расход купить за полцены.

Иван Сидоров. Выгодно, сударь, выгодно.

Тарелкин *(продолжая).* Ну — и для расчета просто; всякий из своего дела видит, сколько дать.

Иван Сидоров. Хитро сделано.

Муромский. Ну — делать нечего... поедем, Лида. *(Взявши шляпу, поднимает руки к небу.)* Боже мой!.. вот пытка-то.

Идут к двери.

Тарелкин. Ступайте, Петр Константинович; ступайте, пока есть время... или нет, постойте.

Муромский и Лидочка останавливаются.

Я вас лучше сам свезу, а то вы опять не дойдете.

Иван Сидоров. Именно, ваше высокоблагородие, — опять не дойдут.

Муромский *(уходя)*. Ну и прекрасно; вот и мне как будто покойнее.

Уходит с Лидочкой и Тарелкиным, Атуева и Иван Сидоров их провожают.

Перемена декораций. Пространная комната. По стенам стулья, столы, на одном из них серебряный поднос с кувшином содовой воды и кружка. Налево от зрителей вхожая дверь, направо дверь в покои начальствующего лица, прямо против зрителей дверь в канцелярию.

ЯВЛЕНИЕ VI

У средних дверей на стуле сидит курьер Парамонов, нюхает табак, тихо сморкается и чистит нос. Глубокая тишина. Чибисов входит с бумагами, на цыпочках.

Чибисов *(шепотом)*. Ну что?

Парамонов *(вертит головою)*. Нет еще.

Чибисов. А уж поздно.

Парамонов. Кто ж его знает. Все еще ходит да воду пьет *(показывает на кружку)*; стало, не готов.

Ибисов *(входит с бумагами)*. Ну, Парамоныч, — как? Можно, что ли?

Парамонов *(нюхая табак)*. Тссс...

Ибисов *(тихо)*. Эка штука... А у меня дело спешное.

Парамонов. Попробуйте.

Ибисов. Чего пробовать; — я у тебя, братец, спрашиваю.

Парамонов. Видите — ни души нет; один, как буря, ходит.

Ибисов. Стало, еще не готов.

Парамонов *(шепотом, но открывая сильно рот)*. Не го-то-в; — говоря-т вам, не го-то-в!!.

ЯВЛЕНИЕ VII

Тарелкин и за ним несколько чиновников входят с бумагами.

Чибисов и Ибисов *(машут руками и удерживают)*. Не готов... Господа, — не го-то-в!!.

Тарелкин *(отводя Парамонова в сторону)*. Ну что?.. Как он нынче?

П а р а м о н о в. И-и-и-и... туча тучей!..

Т а р е л к и н. Хорошо!!! Смотри, я просителя впущу, — ты его не тронь... пускай попросит... *(дает ему в руку)* понимаешь...

П а р а м о н о в *(подщурив глаз)*. Попарить, что ль, надо,— ай не гнется? — Давайте, — мы попарим...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Из дверей направо показывается к н я з ь в утреннем богатом костюме. Он движется медленно, погруженный в задумчивость, и слегка потирает желудок. Чиновники с глухим шумом теснятся в двери канцелярии; — слышны голоса: «ах! господа, ох... господа!» наконец вся их масса проталкивается к двери. П а р а м о н о в их припирает.

К н я з ь *(становясь посреди залы)*. А-а-а-а — что это такое?

П а р а м о н о в. Чиновники, ваше сиятельство.

К н я з ь. А-а-а-а — что они?

П а р а м о н о в. Не желают беспокоить ваше сиятельство.

К н я з ь. А-а-а-а — хорошо. *(Наливает кружку содовой воды, пьет и медленно уходит. Парамонов садится.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

М у р о м с к и й показывается из вхожих дверей во фраке, перчатках, при орденах и с запиской, перевязанной ленточкой. Явно смешан.

П а р а м о н о в *(показывает ему на стул)*. Обождите здесь.

Муромский садится, тяжело дышит и вертит в руках записку; Парамонов искоса его осматривает и продолжает нюхать табак и чистить нос. Князь показывается снова в дверях; Муромский быстро встает, несколько раз кланяется.

К н я з ь. Варравин!.. Варравин!!.

В а р р а в и н вбегает и кланяется; Парамонов выходит.

А-а-а-а — что это такое?

В а р р а в и н *(сохраняя наклоненное положение тела)*. Проситель, ваше сиятельство, — вероятно, проситель; нынче приемный день, ваше сиятельство.

М у р о м с к и й *(подходя ближе и перебивая Варравина)*. Я... я... Муромский, ваше превосход... ваше сиятельство — отставной капитан, помещик Муромский.

К н я з ь. А-а-а-а — что вам угодно?

М у р о м с к и й. Мое дело... то есть — не мое дело, а дело о похищении у меня солитера находится на рассмотрении вашего сиятельства.

К н я з ь. А-а-а-а... Мы его рассмотрим.

М у р о м с к и й. Я желаю, я прошу у лица вашего защиты вашего сиятельства.

К н я з ь. А-а — я защиты, сударь, делать не могу; я могу только рассматривать дело.

М у р о м с к и й. Рассмотрите, ваше сиятельство, богом умоляю вас, рассмотрите. Вопиющее дело!

К н я з ь *(Варравину)*. Удивляюсь: вот не встретил ни одного просителя, чтобы не кричал о вопиющем деле.

М у р о м с к и й. Кто страдает, тот и стонет, ваше сиятельство.

К н я з ь *(взглянув на Муромского)*. Может быть, записку имеете? *(Протягивает руку.)*

М у р о м с к и й. Имею; только я из дальней деревни затем собственно и приехал, чтобы лично объяснить вам мои невинные страдания.

К н я з ь. Объясняйте: только дело — и не страдания. — Мы их не рассматриваем; на то есть врачебная управа.

М у р о м с к и й. Имею я, ваше сиятельство, единственную дочь, — и пять лет тому назад проживал я с моим семейством в Москве; имел круг знакомства; словом, держал дом, какой фамилии моей надлежало.

Князь поднимает глаза к небу и потирает желудок.

И дочь моя всегда вела себя так, что, могу сказать, ежечасно молил я господа бога...

К н я з ь. Молитва относится, сударь, к богу — а не к делу; — объясняйте дело!

Молчание. Муромский сконфузился и трет себе лоб.

Ну-с извольте же... *(Варравину.)* Что же это такое?

М у р о м с к и й *(в замешательстве)*. О... Когда... а... Теперь... а...

В а р р а в и н. Извольте объяснять их сиятельству ваше дело.

М у р о м с к и й *(судорожно)*. Теперь... когда... ваше сиятельство, мною было... предложение Кречинского принято, то дочь моя, будучи уже невестой... уже невестой... действительно отдала ему этот камень, для того, будто, чтобы показать его знакомым; ну только возьми он этот камень да и заложи ростовщику Беку, — то есть не этот камень — а подложный, ваше превосходительство, — изволите понимать — подложный... Ну я, видя это, ростовщику Беку деньги отдал. То есть я деньги-то отдал после, а тут дочка моя настоящий-то камень ему отдала; ну — и он не ищет, и я не ищу; только тут и взялась полиция, да и ввернула нам следствие об этом подлоге.

К н я з ь. Подлог, сударь, воспрещен законом. Где подлог, там и следствие. На что вы жалуетесь? Вам с дочкой оправдаться нужно, а вы жалуетесь.

М у р о м с к и й. В чем же невинному человеку оправдываться?

К н я з ь. Невинному, сударь, и оправдываться; а виновный у меня не оправдается — за это я вам отвечаю. Продолжайте.

М у р о м с к и й. При допросе Кречинский показал, что это было и совершилось ошибкою — да мне что Кречинский; — только так и дочь моя сказала: «это была ошибка»; а бывший при этом случае полицейский донес, что будто она сказала: «это моя ошибка» — из этого и произошло все дело; моя, говорят, так, стало, ты!.. Несчастную эту девушку и заподозрили: кто говорит в соучастии, а кто говорит в знании о намерении совершения преступления.

К н я з ь *(отдувается)*. Фу-у-у!..

В а р р а в и н *(тихо князю)*. Не дурно ли себя чувствовать изволите?

К н я з ь. Тяжело...

М у р о м с к и й *(ободрившись)*. Так тяжело, ваше сиятельство, что и сказать нельзя!.. стало, все и следствие ведено теперь о любовной будто связи моей дочери с Кречинским. Подвели и свидетелей: моего повара Петрушку да Расплюева, бродягу — они дочь мою и оговорили. Поступило в суд. Ну, там вертели и, наконец, решили оставить, говорит, Муромскую в подозрении будто в незаконной связи. Помилуйте, ваше сиятельство — лучше ее повесить.

Князь *(вздыхает и трет желудок)*. Фу-у-у!..

Варравин *(тихо князю)*. Не прикажете ли чего?

Князь. И сам не знаю, давно этак не случалось.

Муромский *(расставив руки)*. С тех пор как свет стоит, не случалось!.. Много в нем неправды бывало — ну этакого случая не найти!.. Вот как фокус какой: из ничего составилось дело, намоталось само на себя, да нас как... мух каких в эту паутину и запутало... благоволите выслушать далее.

Князь трет себе желудок.

Варравин *(тихо)*. Соды бы.

Князь *(указывает на стакан)*. Третий пью; не бык же я!

Муромский. Бык?!. а — да! Так точно о быке была речь, но и здесь ничего нет. Положим, ваше сиятельство, до скотины-таки я охотник...

Князь. Кто же тут до скотины охотник?!!

Муромский. Я-то, — я, ваше сиятельство.

Князь *(Варравину)*. Он говорит, что он до скотины охотник.

Муромский. Так точно, — однако не мог же я на тирольского этого быка дочь сменять?! Следователи мне запрос, где, говорят, этот бык? я, чтобы кончить такие пустяки, ответил — съел, мол, я его!.. Так ехидство какое! Взяли да залпом мне временное отделение в вотчину и наслали, — ну и оказался этот бык жив!..

Князь *(наливает себе стакан)*. Что это! У него дочь *(пьет)*; дочь он будто сменял на быка — сомнительно *(пьет)*; быка съел — верю; а бык жив! *(хлопает кружкой по столу)* — не верю! приказная штука! не верю!..

Муромский *(с напором)*. Жив!!. Ваше сиятельство!..

Князь. Жив!!. А... Тьфу! *(Плюет.)*

Муромский. Этим самым быком я им и попался в лапы. Быка отдали они на особенное попечение местной власти, а меня предали суду за лживое, говорят, показание...

Князь. У меня лоб трещит — я ничего не понимаю.

Муромский. И я тоже, ваше сиятельство, ничего не понимаю.

Князь. Вот те раз!..

Муромский расставляет руки и трясет головою, они смотрят друг на друга.

Ну, стало, вы кончили?

Муромский *(заступая ему дорогу)*. Помилуйте — это только начало болезням! Когда поступило дело в палату, то она это решение отвергла...

Князь *(тоскует)*. Да он меня уморит, — я умру!..

Муромский *(настойчивее и громче)*. Решение это отвергла, ибо, говорит, нет законного основания, а мою оговорку: «запамятованием за старостью лет» приняла, — что ж, я и благодарен, а сенат опять взошел, сначала, говорит, обратить к переследованию — это значит опять на четыре года; а потом пошел на разногласия. Составилось по этому бедственному делу девять различных мнений, и из всего этого, как я имел честь доложить вам, возрос целый омут; — так меня с дочерью туда и засосало; пять лет живем мы с нею под судом; потеряли честь, потеряли достояние, протомились до костей — пощадите! Дочь-то, ваше сиятельство! освободите от этого пасквиля дочь! Ну, судите милостиво, зачем моей дочери бежать да меня обкрадывать, когда я сам ее замуж отдавал. У вас у самих дети; вы сердцем внемлите; тут надо сердцем ощутить.

Князь. Мы, сударь, обязаны не ощущать, — а судить.

Муромский. Без этого и судить нельзя.

Князь. А вот попробуем. *(Хочет идти.)*

Муромский *(заступая ему дорогу)*. Что ж попробуете? — Невинную девушку загубите. Годы! — Золотые годы отымете, честь в комок сомнете и видите *(указывает вверх)*... богу ответ дадите!..

Князь *(посмотрев на потолок)*. Ну при этом, полагаю, вы кончили.

Муромский. Нет, не кончил.

Князь. Ну, так извините, я кончил! *(Кланяется Муромскому и идет в двери; Варравин также кланяется и смотрит Муромскому в глаза.)*

Муромский *(взволнованный идет за князем)*. Ваше сиятельство!.. Ваше сиятельство... позвольте, позвольте... умоляю вас, — возвратите мне дочь! *(Берет его за рукав.)* Прошу вас, избавьте нас от этого мучения...

Князь *(остановившись и обернувшись)*. От чего мне вас избавить?

Муромский. Я вам говорю: от ваших судов и от вашего губительного судопроизводства.

Князь. Я тут ничего не могу — это закон.

Муромский. Да что вы все говорите — закон, закон, вы посмотрите, в чьих он руках? — вон у палача в руках закон-то — кнут!

Князь *(вспыхнув)*. А-а-а — какое вы имеете право так рассуждать?

Муромский. Имею! — и неотъемлемое.

Князь *(с иронией)*. Вот как! — какие же у вас на него, господин капитан, патенты?

Муромский. А вот они! *(Показывает свои волосы.)* Да вот мое сердце *(показывает на сердце)*; да мои терзания... слезы... истома... разорение всей моей семьи — вот мое право — да есть еще и выше!!.

Князь. И еще!.. не довольно ли?

Муромский. Нет не довольно! Дочь я свою защищаю!!. Вот мое право, вот мои патенты; вы их читать-то умеете?

Князь *(голос его несколько дрожит)*. Хорошо, даже красноречиво; только я просительского красноречия, сударь, не признаю.

Муромский. Отчего же так?

Князь. Оттого, что тут плута от честного не отличишь.

Муромский. Не отличите?

Князь *(несколько улыбаясь)*. Нет-с, не отличу.

Муромский *(резко)*. Так вы места вашего не занимайте.

Князь вздрагивает, Варравин пошатывается несколько в сторону.

Князь. А — вы так думаете?

Муромский. Так.

Князь *(горячась)*. Ну, а я так думаю, что с вашими патентами и порядочные бывают пройды.

Муромский *(также вздрогнув)*. Кто?!!

Князь. Позвольте, позвольте; не горячитесь — вы, я вижу, в военной службе служили — этак: суворовский солдат — знаю, — знаю — так мы вас в бараний рог согнем; мы вот из дела-то посмотрим, что вы за лицо и как

вела себя ваша дочка в этом невинном происшествии: путно или беспутно.

М у р о м с к и й *(забывшись)*. Моя дочь!.. беспутно!.. *(Подступая.)* За что же вы нас оскорбляете, ваше превосходительство, — за что?!! Разве за то, что я люблю свое дитя, а вы своих по целым неделям не видите?

К н я з ь. Как... как?!

М у р о м с к и й. Или за то, что мне вот под Можайском *(указывает на голову)* проломили прикладом голову, когда я, простой армейский капитан, принимал француза на грудь, а вас тогда таскала на руках французская мамка!..

К н я з ь *(наступая на Муромского)*. Позвольте — вы с ума сошли?

В а р р а в и н *(его удерживает)*. Ваше сиятельство, ваше сиятельство — сделайте милость — у них головная рана — они в голову ранены...

М у р о м с к и й. Нет, чиновник, я в сердце ранен! Дочь я свою защищаю, мою честную дочь, преданную публичному поруганию суда, так вы меня слушайте! Я не виноват, что ваше сановнинское сердце любит Анну да Станислава, а детей не любит.

К н я з ь. А знаете ли вы, что я вас в полицию отправлю?

М у р о м с к и й. Знать ничего не хочу. Кровь моя говорит во мне, а кровь не спрашивает, что можно сказать и чего нельзя. Я ведь не петербургская кукла; я вашей чиновничьей дрессировки не знаю. Правду я говорю, — она у меня горлом лезет, так вы меня слушайте! Нет у вас правды! Суды ваши — Пилатова расправа. Судопроизводство ваше — хуже иудейского! Судейцы ваши ведут уже не торг — это были счастливые времена — а разбой! — Крюком правосудия поддевают они отца за его сердце и тянут... и тянут... да потряхивают: дай, дай... и кровь-то, кровь-то так из него и сочится. За что меня мучают, за что? — За что пять лет терплю я страдания, для которых нет человеческого слова...

К н я з ь. А — коли так: эй! курьер!!.

В а р р а в и н *(удерживая князя)*. Ради бога... ваше сиятельство... вы видите... *(Показывает на голову.)*

К у р ь е р входит.

М у р о м с к и й *(ничего не замечая)*. Пусть слышит меня и курьер; пусть он пойдет в трактир, в овощную лавку, ну — в непотребный дом! и пусть там — ну хоть там расскажет, что нашелся хоть один дворянин на Руси, которого судейцы до тех пор мучили, пока не хлынула у него изо рта правда вместе с кровью и дых... *(ему становится дурно — он качается)* дыханием!!.

К н я з ь *(вне себя кричит)*. Гей, курьер!.. веди его вон... Тащи его... Тащи...

М у р о м с к и й. Не беспокойтесь, ваше сиятельство, — я и сам иду. *(Выходит, покачиваясь. Парамонов его провожает.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, кроме Муромского. К н я з ь остается несколько минут в неподвижности и смотрит вслед Муромскому; В а р р а в и н, сзади его, с признаками полного изумления.

К н я з ь *(помолчав.)* Каков?!. *(Молчание. Сильным жестом указывает на дверь, в которую вышел Муромский.)* Ведь это бунт! — Каковы гуси! вот мы говорим провинция, — нет вон как в провинции-то поговаривают. Да он сумасшедший, он помешан...

В а р р а в и н. Сами изволите видеть.

К н я з ь. Его бы надо взять да в съезжий дом отправить. С чего ты это вздумал меня удерживать?.. Хороши эти приемные дни! Как, помилуйте, всякий с улицы! — Его превосходительство справедливо говорит — драка будет... *(Вдруг схватывается и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

В а р р а в и н *(один)*. Ну... адвокат! отчитал рацею!.. каково прибрал. Пилатова расправа... иудейское судопроизводство... а, иудейское... ну и заплати... Мы за словами не погонимся. *(Подумав.)* Только... вот что: не вышло бы тут какой разладицы; не очень ли он его-то сиятельство раздражил?.. Теперь, пожалуй, этот пойдет колобродить; подай, скажет дело; да что это за дело, что проситель некоторым образом из собственной шкуры вон вылез? Пойдет он его вертеть; взойдет ему на ум самая противуестественная блажь — а ты, говорит, исполни!..

ЯВЛЕНИЕ XII

Варравин и князь.

Князь *(остановясь в дверях)*. Эй! Максим Кузьмич!.. эй...

Варравин. Что такое, ваше сиятельство?

Князь делает утвердительный знак.

Неужели?..

Князь. Да!.. *(Входит.)*

Варравин. А я все боялся, что он вас обеспокоил.

Князь. Да нет, братец, нисколько: оно к лучшему вышло.

Варравин. К лучшему! — Как благополучно.

Князь. Ей-ей. Ведь какая штука: вчера в клубе вот какую стопу соды хватил — ну ничего.

Варравин. Этот факт надо будет, ваше сиятельство, доктору сообщить.

Князь. Непременно. Он в другой раз так и пропишет: на вечер принять соды, а поутру просителя. *(Хохочет.)*

Варравин *(тоже смеется)*. Очень, очень благополучно.

Князь. Однако скажите вы мне, что это за дело? Подперли его там в суде-то, что ли? Ведь там порядочная орда.

Варравин. Конечно, вымогательства с их стороны бывают; но вашему сиятельству известно, что решения их без рассмотрения вашего никакой существенности не имеют. Так что же — пускай их пишут, ведь они вреда не причиняют.

Князь. То-то, чтоб они у меня вреда не причиняли! Никак!.. Так что ж, он помешан, что ли? Он под Можайском в голову ранен?

Варравин. В голову; — и рана-то давняя. Оно и заметно: несвязность в речах и черножелчие.

Князь. Именно; это тонко вы заметили: несвязность в речах и черножелчие. Да покажите мне это дело; оно у вас готово?

Варравин. Готово, ваше сиятельство.

Князь. Так изложите его вкратце.

Варравин. Изволите видеть: человек он вот какой, состояние большое; одна дочь; ну, можете себе представить, как он ее держал при этаком характере.

Князь. Воображаю.

Варравин. Ну, а к девочке-то и подделался один франт, некто Кречинский, молодчина, косая сажень в плечах...

Князь. А, да — я его в клубе видал; он игрок.

Варравин. А следовательно, и легко себе представить можете, какие тут результаты.

Князь. Воображаю: отец полоумный, а дочь беспутная.

Варравин. После этих результатов Кречинский подобрался и к бриллиантам, заложил их; ростовщика надул самым необычайным образом.

Князь. Так. Это я в клубе слышал.

Варравин. Дошло до полиции, и по рапорту квартального возникло следственное дело; а квартальный этот, изволите видеть, сам присутствовал при ужаснейшей сцене; Кречинский чуть его не убил, ибо силач необыкновенный и характера самого буйного.

Князь. Так что ж капитан-то на приступ лезет?

Варравин. Ну, уж характер такой; а к тому же и чванство. Мою, говорит, дочь не тронь.

Князь. Вот как.

Варравин. Я, мол, сам большой барин...

Князь. Капитан-то?

Варравин. А тут еще какое обстоятельство вышло: девочка эта, как заметно, страстно врезалась в Кречинского; ну, сами судите, ваше сиятельство, при таких сношениях ведь девчонка этакая всю свою душонку отдаст...

Князь. Воображаю!

Варравин. В самую минуту этой катастрофы она, видите, в совершенном отчаянии как бросится к квартальному, с рыданием даже: — «*это,* говорит, *моя ошибка»!..*

Князь. А-а-а-а-а! Это квартальный так и показал.

Варравин. Так и показал. Сами изволите понимать, что значит у такой начитавшейся всяких французских романов девочки слово ошибка!

Князь. Как же, братец, знаю — une faute[1]. Так это дело очевидное, тут и читать нечего.

Варравин. А отец-то, изволите видеть, услышавши это, как ухватит ее — да и сам-то вне себя — от этого, говорит, сраму бежать, да и утащил ее за собою.

---

[1] Ошибка, погрешность. Распространительно: нравственное падение *(франц.)*.

К н я з ь. Куда ж, братец, этот самодур из своего-то дома ее утащил?

В а р р а в и н. Не из своего дома, ваше сиятельство, а все это происходило и совершилось на квартире у Кречинского.

К н я з ь. У молодца-то! От часу не легче. Стало отец застал ее, что называется en flagrant délit,[1] — на месте преступления — хе, хе, хе...

В а р р а в и н. Должно быть. А отец-то показывает, что он ее сам к Кречинскому привез.

К н я з ь *(с удивлением)*. Сам! не может быть!

В а р р а в и н. Извольте в деле посмотреть.

К н я з ь. Так он, братец, с дурью... Его надо в желтый дом, а — молодца с девочкой — строжайше... строжайше!.. Пребезнравственная история. Так извольте вы мне эти существенные факты из дела выбрать и составить по оному мое мнение — и построже.

В а р р а в и н. Впрочем, ваше сиятельство, я опять-таки заметить должен, что для составления формального мнения по делу юридических доказательств нет.

К н я з ь. А что мне эта меледá — юридические доказательства. А на результаты-то обращено ли при следствии внимание?

В а р р а в и н. Какие результаты, ваше сиятельство?

К н я з ь. Какие?!? — Обыкновенно какие бывают результаты, когда какой-нибудь хватина, косая сажень в плечах, сойдется с дамским чувствительным сердцем.

В а р р а в и н. А... понимаю, ваше сиятельство.

К н я з ь. Разве у вас следователи этого не разъяснили?

В а р р а в и н *(припоминая)*. В деле есть постановление, что мамка Муромской, Семенова, отказалась сделать показания.

К н я з ь. Отказалась; почему не принудили?

В а р р а в и н. Воспрещено законом.

К н я з ь. Воспрещено?

В а р р а в и н. Как же, ваше сиятельство, воспрещено.

К н я з ь. А — ну... делать нечего. Однако если был ребенок, так надо обнаружить, где он? — Ну где же он? *(Молчание.)* Тут, стало, кроется другое преступление... а?! *(Поднимает значительно брови.)* Так вы извольте в мнении проставить, что вопрос этот по запирательству мамки

---

[1] На месте преступления *(франц.)*.

не разъяснен — и все дело... *(думает)* все дело обратить *(с решительностью)* к переследованию *(машет рукой)* и к строжайшему... строжайшему...

Варравин *(в сторону)*. Боже мой — он все изгадит! *(Вслух.)* Ваше сиятельство — позвольте заметить: дело пять лет идет.

Князь *(остановившись)*. Пять лет... а хоть десять! Мне нужна истина...

Варравин. А между тем сами же изволите взыскивать за медленность делопроизводства.

Князь *(посмотрев строго на Варравина)*. Да что вы ко мне пристали?.. *(вертит пальцем)* ни, ни, ни... сказал к переследованию, и кончено!.. *(Строго.)* Составьте мнение, и сей же час. *(Смотрит на часы.)* О боже! что это? Двенадцать часов, а у меня заседание да комитет. Давайте бумаги к подписанию; только поменьше, и сейчас, сейчас!..

Варравин. Слушаю; я самонужнейшие представлю.

Князь. Да, да... Гей, курьер!..

Парамонов вбегает.

Карету! — Просителей вон! Нынче не могу — занят.

Князь и Парамонов уходят в разные двери.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Варравин, один, потом Тарелкин.

Варравин *(с досадою)*. К переследованию!? Какой тут смысл?! — А ты, говорит, пиши. Нынче всякий посвоему, просто хаос, смешение языков *(качая головой)*. Последние времена настали. *(Вздыхает.)* А... Изгажено дело *(отворяя дверь в канцелярию)*. Тарелкин!

Тарелкин входит.

Дело Муромских изгажено.

Тарелкин *(с ужасом)*. Как?

Варравин. Этот помещик того наговорил князю, что лучше содовой воды подействовало; ну, он теперь стал на дыбы, да так и ходит. Приказал все дело обратить к переследованию. Пишите бумагу.

Тарелкин. Что же с Муромским-то делать?

Варравин. Приказал; вы его нрав знаете.

Тарелкин. Однако это всегда в ваших руках было.

Варравин. И приступу нет. Один раз так на меня глянул, что я и отступился; черт, мол, с тобой.

Тарелкин. Вот не угодно было согласиться на первое предложение Муромского.

Варравин. Я сказал, нельзя. Пойдет к переследованию.

Тарелкин. Он умрет, вот увидите, скоро умрет. А дочка, за это отвечаю, — гроша не даст, у нее, видите, на все принципы.

Варравин и Тарелкин *(вместе)*. Тс... ах... *(Тоскуют. Молчание.)*

Тарелкин. Стало, так он с своими деньгами домой и поедет.

Варравин. Так и поедет.

Тарелкин. Это невыносимо!.. Сколько лет... что забот... что хлопот; *(в сторону)* меня кредиторы завтра же за ворот возьмут. *(Вслух.)* Это невыносимо.

Варравин *(думает)*. Азартный человек — опасен. Если взять, а дела ему не сделать — он, пожалуй, скандал сделает. В нем совсем нет той скромности, как вот прочие просители. Ведь придет теперь проситель, точно овца господня; что ты хочешь, то с ним и делай. А он так нет. Его князь в полицию хотел отправить — за помешанного принял.

Тарелкин. Неужели?.. За помешанного... Гм. Ваше превосходительство! — да если он помешанный... *(Смотрят внимательно друг на друга)*. Ведь это уж лучше овцы господней...

Варравин *(думает)*. Н-да.

Тарелкин. Ведь ему веры нет, как хочешь кричи...

Варравин *(про себя)*. Есть для таких случаев оборот... разве попробовать!.. *(Думает.)*

Тарелкин. Ей-богу, ваше превосходительство, ведь он так уедет...

Варравин *(решаясь)*. Хорошо!.. Пусть так!.. *(Тарелкину.)* Сей же час пишите мнение об обращении дела к переследованию.

Тарелкин. Слушаю-с. *(Садится и быстро начинает писать.)*

Варравин. Пишите резко. Его сиятельству так угодно... Сначала как обыкновенно, потом идите так: «а потому принимая на вид: первое...»

Тарелкин *(пишет)*. Первое...

Варравин. И проставьте здесь оные четырнадцать пунктов о подозрении в любовной связи — знаете — из особого мнения...

Тарелкин. Знаю, ваше превосходительство. Ведь их тятенька составляли.

Варравин. Ну да. Засим идите так *(диктует)*: «и поставить следственной комиссии на вид обнаружить причины запирательства мамки Семеновой, и если потребуется, то приступить по закону, — к медицинскому освидетельствованию подсудимой».

Тарелкин *(пишет)*. Подсудимой.

Варравин *(собирает бумаги)*. И тотчас в переписку, чтобы к докладу завтра было готово. Слышите?

Тарелкин *(продолжает писать)*. Слышу-с.

Варравин *(подходя к нему ближе и вполголоса)*. Между тем завтрашний же день утром вызовите к себе поверенного Муромских; да в глаза ему этим пунктом и пырните!.. Смотри, мол, борода, вот что грозит! Жизнь и смерть! Деньги!.. Двадцать пять тысяч, как один рубль. Чтоб тотчас были! Без проволочек и шатаний... *(Идет в канцелярию.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Как же это! *(Думает.)* — Пишем мнение; — дело идет к преследованию; с начальством сладить не можем, — а деньги дай! — *(Прилежно пишет.)* Не понимаю...

Варравин *(отворивши дверь в залу канцелярии)*. Господа! Бумаги к подписанию его сиятельства; только самонужнейшие и скорее.

Тарелкин *(останавливается писать и думает)*. Не понимаю... *(Махнув рукою.)* А, были бы деньги... *(Прилежно принимается писать во все продолжение следующей сцены.)*

ЯВЛЕНИЕ XIV

Шум. Входит толпа чиновников с кипами бумаг, которые они от тесноты держат над головами и таким образом обступают Варравина. Вся сцена идет быстро.

Чибисов *(сдавая Варравину бумаги)*. Три бумаги по комитету, ваше превосходительство, да три отношения весьма спешные, — непременно надо.

Варравин *(быстро их пробегая)*. М-м-м-м-ма так, знаю... хорошо. *(Берет их на руку.)*

Ибисов *(сдавая ему бумаги)*. Согласно вашему приказанию — весьма спешные.

Варравин *(пробегая)*. М-м-м-м-м... Хорошо, м-м-м-м... *(Берет их на руку.)*

Герц *(скоро)*. Ваше превосходительство, у меня весьма спешные бумаги.

Варравин. Самонужнейшие?

Герц *(складывая ему бумаги)*. Самонужнейшие.

Шерц *(также складывая ему бумаги)*. Самонужнейшие, ваше превосходительство.

Все чиновники *(вместе насыкаются с бумагами)*. Самонужнейшие.

Варравин *(кричит)*. Тише! Что вы! Стойте! *(Топает.)* Больше ни одной бумаги не приму, — кончено!

Шмерц *(вывертывается из канцелярии и сваливает на Варравина целую кипу)*. Самонужнейшие, ваше превосходительство!..

Варравин. Ай!!. *(Исчезает под бумагами и кричит глухим голосом.)* Стойте!!. Вы моей смерти хотите!..

Чибисов и Ибисов бросаются к нему и его поддерживают. Картина.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Муромских. Утро.

ЯВЛЕНИЕ I

Лидочка сидит у окна за пяльцами, подле нее Нелькин; в другом углу комнаты Атуева. Молчание. Входит Муромский в халате, осматривает всех и начинает бродить по комнате.

Муромский *(остановясь против Атуевой)*. Ну... что же вы думаете?

Атуева. Ничего не думаю; дивлюсь только, зачем же мы сюда приехали?

Муромский *(разведя руками)*. Ну — об этом уж говорили... делать нечего, не вытерпел.

Атуева. Теперь придумывайте сами.

Муромский. Да вы-то промеж себя что-нибудь да советовались?

Атуева. Какое тут советование. Она вот нарочно не говорит со мною ни слова, — тем и кончили.

Муромский. Я послал Ивана Сидорова Тарелкина проведать.

Атуева. Чего тут посылать. После такого пассажа ему двери укажут, да тем и кончат.

Муромский *(смущенно).* Что ж... теперь делать?

Атуева. Я не знаю.

Муромский *(со страданием).* Да вы меня, сестрица, не мучьте... я право... тово... как в тумане. *(Делает жест.)*

Атуева. Вот точно ребенок. Накутил, да теперь и ходит за советом. Вам бы о дочери-то подумать, чем такую горячку.

Лидочка и Нелькин быстро встают.

Лидочка. Тетенька, оставьте отца! Что вы его попрекаете! Неправда, отец хорошо сделал.

Муромский. Да что, мой друг, я сделал; я и сам не знаю, как это сделалось.

Лидочка. Поверьте, папенька, — все, что лучшего делается, — сам не знаешь, как делается. Пожалуйста не думайте обо мне, а думайте о том, что выше меня, — о вашей чести; о том, что выше чести, — о вашей честности, — да так и действуйте. Я давно говорю: бросьте сделки, оставьте подсылы, перестаньте честной головою бесчестному туловищу кланяться. Лучше будет!..

Нелькин. Вы посмотрите, разве мало честных людей страдает? Разве мало их гниет по острогам, изнывает по судам? Разве все они должны кланяться силе, лизать ноги у насилия? Неужели внутри нас нет столько честности, чтобы с гордостью одеться в лохмотья внешней чести, которую располосовал в куски этот старый шут — закон, расшитый по швам, разряженный в ленты и повесивший себе на шею иудин кошель!..

Атуева. Это что, батюшка, за трагедия такая? — Все это французские романы да слова.

Лидочка. Нет, тетушка, не слова это; а это голос чистой совести, который, поверьте, сильнее, чем весь этот гам бездушной толпы, от которой, слышите вы, я отрекаюсь навеки!.. Пускай я пойду по̀ миру, пойду нищая, да честная... и всегда скажу, всем скажу — мой отец хорошо сделал.

Муромский *(плачет и обнимает ее).* Друг ты мой, дитя ты мое!..

Лидочка *(целуя отца и держа его в руках).* Не плачьте, папенька, не крушитесь; смотрите, я покойна.

Я знаю: вина этой беды не во мне, не в сердце моем; а такая беда не бесчестит и книзу не гнет — а подымает выше... и на такую гору, где уже ничье жало не язвит...

Муромский. Так чего же ты, дружок, хочешь? — Какой конец?

Лидочка *(с жаром)*. Конец унижениям... Конец поклонам... Я хочу видеть вас твердого и гордого в несчастии.

Атуева. А тебя и засудят.

Лидочка. Пускай.

Атуева. Что ж с тобою будет?

Лидочка. Со мною все уж было — со мною ничего не будет!!

Муромский. Так, стало, ехать в деревню?

Нелькин. Нет! Ехать и требовать правду.

Атуева. Я говорю — романы да слова. Ну что вы, сударь, говорите-то? — Ну где она в свете правда? Где вы ее найдете?

Нелькин. Ну, а если ее точно в свете нет, так пусть ему и будет стыдно — а не мне...

ЯВЛЕНИЕ II

Иван Сидоров входит, кладет шапку на стул и останавливается у дверей.

Муромский. Ну вот и он. *(Идет к нему.)* Ну — что скажешь?

Иван Сидоров. Был, батюшко, видел.

Муромский. Кого?

Иван Сидоров. Да Кандида Касторыча.

Муромский. Ну что?

Иван Сидоров. Да позвольте, сударь *(отводит его в сторону)*, круто, круто что-то повели.

Муромский *(с беспокойством)*. Что такое? *(Нелькину.)* Владимир Дмитрич, подойди сюда.

Нелькин подходит.

Иван Сидоров. Видите, государи: его-то сиятельство разлютел так, что и нà поди; теперь они и обращают все дело сызнова, на новое переследование и, видите, самым строжайшим образом.

Муромский *(голос его дрожит)*. Господи милосердый...

Нелькин. Да верно ли?

Иван Сидоров. Он мне и черновое и беловое казал; идет, говорит, в доклад.

Нелькин. Ну пускай их следуют: — делать нечего, пускай следуют.

Иван Сидоров. А вы знаете ли, как следовать-то будут?

Атуева подходит к Ивану Сидорову. Лидочка остается одна в стороне и плачет.

Нелькин. Ну как же? Нынче, слава богу, пытки нет.

Иван Сидоров. Ан вот есть. Ведь яд-то какой? А потому принять, говорит, все меры к открытию истины...

Нелькин. Пожалуй.

Иван Сидоров *(продолжает и тычет пальцем)*. ...и если, говорит, обстоятельства потребуют, то пригласить врачебную управу к медицинскому освидетельствованию.

Атуева, Муромский *(вместе)*. Боже мой!!.

Нелькин. Что, что такое? Я не понимаю!!.

Иван Сидоров. Да Лидию Петровну в управе хотят свидетельствовать!

Нелькин *(у него вырывается крик)*. Ах!!. Так это целый ад!!. Петр Константинович *(махнув руками)*, отдавайте все!..

Иван Сидоров. Позвольте, государи, — что за попыхи. По-моему, они этого сделать не могут. Закона нет.

Нелькин. Ха, ха, ха, — закона... О чем стал говорить — о какой гнили... *(Муромскому.)* Вам больше делать нечего: отдавайте!!. Что вы боретесь, — отдавайте все!..

Лидочка *(подходит к ним)*. Что же это значит? Скажите мне?

Муромский *(в затруднении)*. Да вот, друг мой...

Нелькин *(перебивая его)*. Стойте!.. и ни шагу! *(Лидочке.)* Здесь никто... никто вам этого сказать не может.

Лидочка. Мы вот сейчас говорили...

Нелькин *(в самом расстроенном виде)*. Не-е-ет, теперь не то!.. Теперь... лопнули все границы, заглохнула совесть, ослеп разум; вы в лесу!.. На вас напали воры, — над вами держат нож — о нет!.. *(Закрывая лицо руками.)*

Сто ножей!!! Отдавайте, Петр Константинович, отдавайте все; — до рубашки, до нитки, догола!!.

Муромский *(вынимает из бюро деньги)*. Да вот они... *(Кладет их на стол.)* Пропадай они — чертово семя!..

Нелькин *(Сидорову)*. Сколько назначили?

Иван Сидоров. Тридцать тысяч.

Атуева. Как тридцать — говорили ведь двадцать.

Иван Сидоров *(пожав плечами)*. Хлопнул кулаком по столу: жизнь и смерть — „..Подавай, говорит, тридцать тысяч как один рубль!

Нелькин. Когда везти?

Иван Сидоров. В четыре часа чтоб были...

Нелькин *(Муромскому)*. Сколько тут?

Муромский. Двадцать.

Нелькин *(ощупывая карманы)*. Что делать? Что делать?

Муромский *(расставя руки)*. Я не знаю.

Общее молчание.

Лидочка. Владимир Дмитрич — у меня там есть бриллианты... тысячи на три.

Нелькин. Давайте!

Лидочка выходит.

Атуева. Постойте, постойте — у меня тоже есть вещи... Постойте. *(Скоро выходит.)*

Лидочка *(приносит несколько экранов и кладет их на стол)*. Вот они... только, пожалуйста, тут маменькино кольцо — я его не отдам.

Муромский *(отыскивает кольцо и отдает его дочери)*. Вот оно! — Это я ей, покойнице, подарил... когда она... тебя мне *(рыдает)* подарила...

Лидочка бросается к отцу на шею, оба плачут.

Атуева *(приносит также вещи и экраны и кладет их в кучу)*. Вот... все... бог с ними... ведь для нее же берегла.

Все толпятся около стола, суматоха, разбирают вещи.

Муромский. Да что... много ли тут?.. Как набрать такую сумму?.. Вот тут двадцать; да тех хоть три, двадцать три; да вот у сестрицы на две — двадцать пять; ну вот, стало, пяти тысяч все нет.

Молчание.

Нелькин *(шарит по карманам)*. О боже мой!.. Как нарочно весь истратился... У кого занять? *(Думает.)* Кто меня здесь знает?.. Меня никто не знает!..

Иван Сидоров *(в продолжение этого разговора отходит в сторону, вытягивает из-за пазухи ладонку, достает из нее билеты и подходит к Муромскому)*. Сколько вы, батюшка, нехватки-то сказали?

Муромский *(расставя руки)*. Пять тысяч!..

Иван Сидоров *(подает ему билеты)*. Так вот, сударь, теперь, должно быть, с залишком будет.

Муромский. Что это? — Ломбардные билеты! Какие же это билеты?

Иван Сидоров. По душе, батюшка Петр Константинович, по душе.

Муромский *(рассматривая билеты)*. Неизвестные...

Иван Сидоров. Неизвестные, сударь, — все равно что наличность; еще лучше в кармане-то не ершатся.

Муромский. Стало, братец, это твои деньги.

Все обращаются к Ивану Сидорову.

Иван Сидоров. Так точно. Что же, батюшка, мы люди простые; коли уж пошло на складчину — ну и даешь, сколько сердце подымет. Мое вот все подняло; что было, то и подняло.

Муромский *(тронутый)*. Добрый же ты человек... хороший человек.

Лидочка *(быстро подходит к Ивану Сидорову)*. Иван Сидоров!.. Обними меня!..

Иван Сидоров *(обнимает ее)*. Добрая наша... честная наша... барышня...

Лидочка *(тихо, Муромскому)*. Ему надо расписку дать.

Муромский. Да, мой друг, да.

Лидочка садится и пишет; Муромский, Иван Сидоров и Атуева считают деньги.

Нелькин *(оставшись один посреди комнаты)*. Боже мой! — А я-то?.. у меня ничего нет... мне не за что и руку пожать!

Лидочка. Владимир Дмитрич! Вам грешно так говорить.

Иван Сидоров *(продолжая считать деньги)*. Ничего, сударь; — вы после отдадите.

Нелькин. Когда же я отдам?.. Кому?!

Иван Сидоров. Поживете — так случится. Вы тогда за меня отдайте; а теперь я за вас.

Нелькин *(с увлечением)*. Дай руку, Сидорыч, — отдам, братец, — отдам. *(Жмет ему руку.)*

Иван Сидоров *(тихо, Лидочке)*. Сударыня, не надо... не надо.

Лидочка. Что не надо, Сидорыч?

Иван Сидоров. А бумажку-то, что пишете.

Лидочка. Да это расписка.

Иван Сидоров. Знаю, сударыня: что бумагу-то марать; Христос с нею, с распискою.

Лидочка. Так порядок требует.

Иван Сидоров. Ну нет, сударыня, порядок так не требует. Когда б вы их у меня просили — ну точно, оно было бы порядок; а ведь вы их, матушка, не просили; так что же вам? — дал я грош, дал я тысячу — это все единственно. — Раздерите ее, сударыня, право раздерите, а то обидно будет.

Лидочка рвет расписку.

Вот так; а по-нашему сказать надо: бог дал, бог и взял — буди имя господне благословенно... *(Обращаясь к Муромскому.)* Ну вот, батюшка, и слово благое на ум взошло. С ним да и в путь! *(Помогает Муромскому собирать деньги и вещи.)*

Муромский *(собирается слабо и рассеянно)*. Господи... господи... твоя воля...

Иван Сидоров. Не тужи, мой отец, — не тужи... посмотри, господь все вернет — вот помяни ты мои слова, что все вернет.

Муромский. Да ведь, Иванушка... не грабленые...

Иван Сидоров. Знаю, мой отец, знаю... Вернет — ты только веруй...

Муромский. Да ты смотри, свои-то деньги в Стрешневе получи... слышишь...

Иван Сидоров. Слушаю, батюшка, получу.

Муромский. Лес, что ли, Бельковский продай.

Иван Сидоров. Там, сударь, видно будет; — а теперь мне надо к Кандиду Касторычу добежать да известить, что вы в четыре часа будете.

Муромский. Хорошо, хорошо... *(Завернув вещи, показывает на них.)* Как же это, братец? — вот бриллианты-то ведь ему же... тово... их не везти так?

Иван Сидоров. Как можно. А вы вот заедете к ювелиру да ему и отдадите. Ведь копеек десять, больше не скинет.

Муромский. Так ты сперва со мной ступай, — а то я, брат, плохо... в-и-и-и-жу... да и на уме-то у меня что-то темно стало... *(Трет себе голову.)*

Лидочка *(взявши его за руку)*. Папенька! Что с вами?.. Папенька!..

Муромский. Нет, ничего, мой друг... я ничего... *(Сбирается.)*

Лидочка. Голубчик вы мой... *(помогает ему)* не беспокойте себя... ради бога, не беспокойте... ну, для меня... *(Обнимает его.)* Иван Сидоров, ты, смотри, с нами.

Муромский. Да, брат, с нами... с нами...

Иван Сидоров. Слушаю, матушка, с вами. *(Берет вещи, шапку и отворяет им двери. Лидочка ведет отца под руку. Атуева поддерживает его с другой стороны. Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Нелькин *(один. Смотрит им вслед и закрывает себе лицо; потом быстро выходит на авансцену)*. Боже мой!.. *(Ударив себя в грудь.)* Сердце пустое — зачем ты бьешься?!. Что от тебя толку, праздный маятник? — колотишься ты без пользы, без цели? *(Показывает на место, где стоял Иван Сидоров.)* Простой мужик и полезен и высок — а я?!. Месть! Великую месть всякой обиде, всякому беззаконию затаю я в сердце!.. Нет, не затаю — а выскажу ее всему православному миру! — На ее угольях накалю я клеймо и влеплю его прямо в лоб беззаконию!!. *(Хочет идти.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Нелькин. Лидочка вбегает.

Лидочка. Владимир Дмитрич... Владимир Дмитрич, вы здесь?

Нелькин *(бросаясь к ней)*. Здесь! Здесь! — Что вы?

Лидочка. Дайте мне гофманские капли...

Н е л ь к и н. А что? — Что случилось?!! *(Ищет капли.)*

Л и д о ч к а. Нет, нет, ничего не случилось — а я боюсь только! — он очень слаб.

Н е л ь к и н *(подает ей)*. Вот они! — Это ничего; бог даст, ничего.

Л и д о ч к а *(уходя)*. Вы не уходите, пожалуйста! — Вы нас не оставляйте...

Н е л ь к и н. Господь с вами!... Я ли вас оставлю?.. Да что я могу для вас? Видите, какое я создание — какая судьба! — Вот и теперь, ну на что я вам годен?

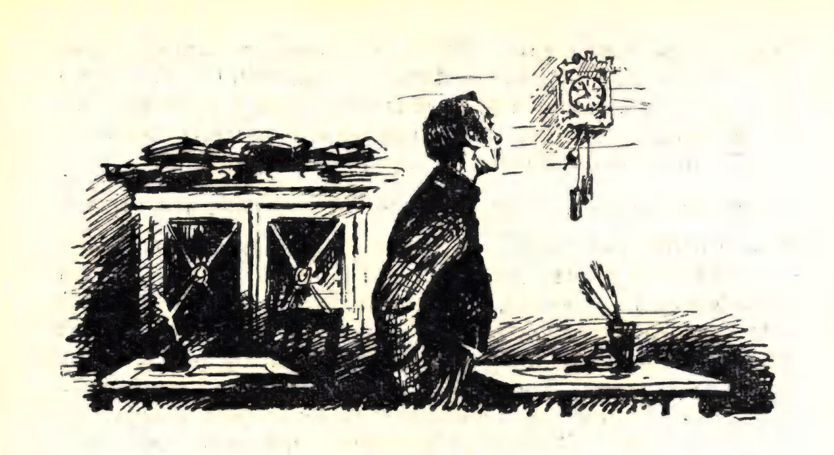
Л и д о ч к а. Да неужели же только одни деньги нужны; вы нас любите? — Правда ли?

Н е л ь к и н. О, правда! — святая, чистейшая правда!.. Этою любовью я весь горю, я полон ею, ею только и живу...

Лидочка протягивает ему руку, он покрывает ее поцелуями, они выходят вместе.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната канцелярии. Дверь в кабинет отворена.

ЯВЛЕНИЕ I

Тарелкин *(один. Стоит у авансцены и в раздумье, посмотрев на часы)*. Еще несколько минут, и ввалит он к нам с полным возом. Признаться, вижу я дело горячее — хватил тридцать!.. А он и сдался! Стало, дело-то сделал я, ей-богу я, — а не он!

Варравин также в раздумье проходит всю сцену, уставляется на Тарелкина и, постоявши несколько минут, удаляется обратно.

Стало, по-настоящему, по истине от всего куша половина мне!.. Не даст... Да что тут — отрежу ему начистоту, так и даст... В этих случаях что нужно? Характер — да; характер и больше ничего. *(Трет руки.)* Пятнадцать тысяч!.. Ведь я богат! Как подумаешь, как это странно; был беден; ведь как беден: нет той сумы нищенской — ну — старых панталон, которые были бы беднее меня — и

вдруг имею состояние — богат. И слово-то какое увесистое, точно оно на вате: богат. — Приятно! — Нет, что ни говори, а я уважаю этот закон природы; — именно закон природы: потому многочисленные опыты показывают — был беден, ничего не имел — и вдруг богат...

Варравин проходит снова по сцене и, постоявши, удаляется.

Рассвирепеет же и он! — ой, ой, ой, рассвирепеет; — а я в отставку — да мне что?.. Всего я насмотрелся, всего и напробовался... Рвал я цветы на берегах Мойки, вил я венки на берегах Фонтанки — вкусил и сластей невских! Цветы эти оказались то самое терние, которое Левиафан безвредно попирал ногой; от венков вот что осталось *(поднимает парик и показывает совершенно лысую голову);* от сластей невских вставил моржовые зубы! Бог с ним, это величие. Укачу в матушку-Москву — город тихий, найму квартирку у Успенья на Могильцах, в Мертвом переулке, в доме купца Гробова, да так до второго пришествия и заночую.

Варравин показывается опять, слышен шум в передней; Тарелкин кидается к нему.

Ваше превосходительство! — Он!.. Он!!. приехал!..

Варравин *(очень спокойно).* Ну что же? — Примите его, одержите, да мне и доложите.

Тарелкин. Слушаю-с.

Варравин. Да смотрите, как я приказывал, позовите сейчас экзекутора!.. *(Уходит в кабинет).*

Тарелкин *(бросается к своему столу, садится и листует бумаги).* На какого черта ему экзекутор? — Зачем ему эта скотина экзекутор?.. Не понимаю...

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Муромский, несколько согнувшись, тяжело дышит, боковой карман у него туго набит. Тарелкин углубляется в бумаги и, выворотя белки, следит.

Муромский *(подходя к Тарелкину).* Кандид Касторыч, — а Кандид Касторыч — это я!..

Тарелкин. Ах, боже мой, а я за делами вас и не заприметил.

Муромский. Все в трудах... Можно, что ли?

Тарелкин. Занят — повремените... не угодно ли... *(Указывает ему на стул.)*

Муромский медленно садится и осматривается. Тарелкин углубляется в бумаги. Молчание.

Муромский. Батюшка, извините меня — нельзя ли стаканчик водицы? что-то тяжело, горло пересыхает; все вот жажда мучит.

Тарелкин. Отчего же, помилуйте, сейчас... *(Встает, в сторону.)* Точно перед операцией, все воду пьет. *(Уходит.)*

Муромский *(один)*. Вот чем кончилось! Боже мой! — все... все... даже и бриллианты!!. Выходит, что Михайло-то Кречинский мне пророчество писал...

Тарелкин *(входит с стаканом воды)*. А! Петр Константинович, мы ли вам не служим?

Муромский *(пьет и обтирает себе лицо)*. Благодарю вас, благодарю.

Тарелкин *(собирая бумаги в кучу)*. Я вот сейчас пойду с докладом и об вас скажу — да вы, смотрите, не долго *(на ухо)*, он уж все сделает — будьте покойны.

Муромский. Хорошо, хорошо.

Тарелкин. Ведь у него дел-то гора целая. *(Потряхивая бумагами.)* Видите! *(Идет в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский *(один, слабым голосом)*. Господи *(осматривается)*, как Даниил, вверженный в ров львиный... вот она, волчья-то яма. *(Достает из кармана бумажник и вынимает бумагу.)* Ей-ей, — точно пророчество писал... *(Читает с выражением и ударением.)* ...но бывает уголовная или капканная взятка, — она берется до истощения, догола̀... *(осматривает себя)* догола̀... производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов... *(осматривает обстоящие его шкафы и читает)* свод законов... свод законов... так!.. *(продолжает)* помощию и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, и в эти-то ямы *(опять осматривается)* попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый...

Т а р е л к и н *(выходя с бумагами)*. Пожалуйте.

Муромский складывает бумагу, кладет в бумажник и плетется в кабинет.

(Один.) Опять об экзекуторе? Что же он такое сделать-то хочет?.. *(Думает.)* Нет, стало глуп, не понимаю... однако позвать надо. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Сцена минуту или две остается пустою. Глубокая тишина.

ЯВЛЕНИЕ IV

Т а р е л к и н входит, за ним экзекутор Ж и в е ц.

Т а р е л к и н *(продолжает разговор)*. Не знаю, право, не знаю. Говорил Максим Кузьмич, что его превосходительству угодно сделать это экономическим путем.

Ж и в е ц. Я не прочь! Я от экономического пути не прочь! Как его превосходительству угодно. *(Направляется к кабинету.)*

Т а р е л к и н *(заступая ему дорогу.)* Нет, — обождите.

Ж и в е ц. А что?

Т а р е л к и н. У них проситель.

Ж и в е ц. А — ну! это не по моей части... *(Начинает ходить по комнате.)* И действительно, от этих подрядов, друг мой, Кандид Касторыч, одно только нарекание; верите ли, одно нарекание...

Т а р е л к и н *(посматривая в кабинет)*. Очень верю, очень верю.

Ж и в е ц. Ей-ей. Ведь оно только нарядно смотрит, что вот подрядчик! — а в сущности он, Иуда, выеденного яйца не стоит... так-то, дружище!

Т а р е л к и н *(та же игра)*. Очень верю, очень верю.

Ж и в е ц. Жить нечем! — Потому это у них как: у каждого подрядчика свое место, другой уж и не суйся — ты, говорит, там, а я, говорит, здесь; у них эти места ведь по рукам разобраны. Хорошо. Вот я этак, по должности-то, смотрю да и вижу, что он без малого рубль на рубль хватил; ведь хорошо? Так что же; норовит он, бестия, дюжину персиков тебе на подносе поднести или малины к светлому празднику. Ну судите сами, — служил я в военной службе — что ж мне ма-

лина?.. У меня дети, что же мне малина?.. Ведь я не млекопитающее?..

Тарелкин *(идет в кабинет и останавливается против Живца)*. Ну нет... Вы млекопитающее. *(Проходит.)*

Живец *(оскорбившись)*. Я?.. Млекопитающее! — ну а ты свинья!..

Тарелкин *(подойдя к двери кабинета)*. Ваше превосходительство! — Экзекутор Живец.

Варравин *(из кабинета)*. Очень хорошо. *(Раскланиваясь в дверях с Муромским.)* Будьте уверены — я рассмотрю ваше дело с полным вниманием *(кланяется)*, с полным вниманием. *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Муромский, Тарелкин и Живец.

Тарелкин *(тихо, Муромскому)*. Ну что, батюшка?

Муромский. Обещал.

Тарелкин. Ну, — вы все объяснили?

Муромский. Да, объяснил...

Тарелкин. Передали все?

Муромский. Как следует.

Тарелкин. Ну так и будьте покойны — все будет сделано в лучшем виде *(кланяется)* — в лучшем виде.

Муромский *(тоже кланяется)*. Дай бог, дай бог. *(Выходя на авансцену.)* Как будто и полегче стало... лишь бы мне ее, мою горлинку, душу-то мою увидеть спокойную... *(Покачав головою.)* Господи! слепота человеческая!.. вот: копил, копил, про нее ведь копил; а вот куда... последние свез... ну их, деньги!.. Будь они прокляты — от них все вышло. *(Медленно уходит.)*

Живец *(Тарелкину)*. Теперь можно?

Тарелкин *(в духе)*. Теперь можно, можно.

Живец направляется в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ VI

Варравин выходит из кабинета и сталкивается с экзекутором. Тарелкин и Живец.

Варравин. Что вы?

Живец. Изволили требовать.

Варравин. А — да; погодите. Гей! Курьер!

Тарелкин *(бежит к двери).* Гей! Курьер! Парамонов!

Парамонов входит.

Варравин *(держит в руках пакет).* Вороти этого просителя. — Скорей!

Парамонов бежит за Муромским.

Тарелкин *(в испуге).* Ваше превосходительство! Максим Кузьмич! Что вы?

Варравин смотрит в упор на Тарелкина и остается неподвижен; Живец наблюдает за обоими; в дверях показываются Муромский и Парамонов.

ЯВЛЕНИЕ VII

Варравин, Тарелкин, Живец, Муромский и Парамонов.

Муромский *(Парамонову).* Ты... тово... ошибаешься, друг... это не меня.

Парамонов *(тесня собою Муромского).* Их превосходительство изволят требовать!..

Муромский *(мягко).* Да не меня, — братец, не меня...

Парамонов. Пожалуйте; пожалуйте, — их превосходительство...

Муромский. Да ты ошибся, братец...

Варравин *(перебивая Муромского).* Позвольте! — Я вас требую.

Муромский *(с изумлением).* Меня?!.

Варравин. Да, — вас! Вы оставили у меня в кабинете вот этот пакет с деньгами (показывает пакет), — так ли-с?

Муромский *(вздрогнувши).* Я?.. Нет... Ах, как нет!.. Оставил... то есть — может быть... позвольте... я не знаю... что же вам нужно?..

Варравин. Мне нужно заявить ваш поступок вот, — при свидетелях.

Муромский. Так что же это? *(Осматривается).* Западня?!

Варравин. Вы меня хотели купить, так ли-с?

Муромский *(совершенно смешавшись)*. Да позвольте; тут, стало, недоумение какое... извините... простите меня! ведь это вот они мне сказали. *(Указывает на Тарелкина.)*

Тарелкин *(также смешавшись)*. Что вы? Что вы?.. Ваше превосходительство! — Я вот вам Христом распятым клянусь — ни-ни; никогда! Я их и в глаза не видал...

Варравин *(не обращая внимания на Тарелкина)*. Так знайте, что я денег не беру! Вы меня не купите! Вот они ваши деньги! *(Кидает ему пакет на пол.)* Возьмите их! И убирайтесь вон с вашим пасквильным делом!..

Муромский. Не о пасквильном деле я прошу — позвольте... *(Наступая на Тарелкина.)* Что это? — а? Да как же вы могли...

Тарелкин *(потерявшись)*. Помилуйте! — что вы меня путаете! Ваше превосходительство! что же они меня путают!?.

Варравин *(перебивая его)*. Угодно вам взять эти деньги, или я прикажу вот экзекутору.

Живец порывается к деньгам; Варравин его держит за руку; Муромский поднимает пакет.

Я вас могу представить всей строгости законов — и только ваши лета — извольте идти! *(Указывает на дверь.)*

Муромский *(ощупавши пакет, выбегает на авансцену)*. Что это? А? — Где же деньги?.. *(Развертывает пакет и быстро смотрит деньги.)*

Варравин стоит с правой стороны. Тарелкин с левой, Живец позади Муромского, все смотрят на него с напряженным вниманием.

Варравин. Извольте идти, или я прикажу вас вывести.

Живец, Тарелкин *(переглянувшись и вместе)*. А-а-а-а! — вот оно!

Муромский *(забывшись, с силою)*. Так где же деньги, я говорю?! — Их тут нет! *(Щупает пакет.)* Нет... Нет!.. Их взяли!!! Помогите!!. Добрые люди!.. Помогите!!. *(Обращаясь к Тарелкину.)* Помог... *(Останавливается, обращаясь к Живцу.)* Помогит... а-а-а-а-а! *(ударив себя по голове)* капкан!!!

Они обступают его ближе.

Варравин. Идите вон, я вам говорю! Я имею власть...

Муромский *(взявши себя за голову и совершенно забывшись)*. Разбой... Муромские леса!.. Разбой...

Варравин *(голос его дрожит)*. Опомнитесь, — что вы? — Опомнитесь...

Муромский. Что это?.. а?.. *(приходя в себя)* здесь... здесь... грабят!.. *(Поднимая голову.)* Я вслух говорю — грабят!!!

Варравин *(Тарелкину)*. Да что они? — Они, кажется, припадкам подвержены.

Тарелкин *(потерявшись)*. Ничего, ничего, ничего не знаю; вы меня, Максим Кузьмич, не путайте — ради бога не путайте... я ничего не знаю.

Муромский. Да кто же тут *(осматриваясь)*, тут все одна шайка... *(Вдруг выпрямляется.)* Стойте!!! *(К Живцу.)* Ведите меня к государю!

Живец и Тарелкин *(обступают его, машут руками и унимают)*. Ш-ш-ш-т-т-т... успокойтесь... милостивый государь... успокойтесь... что вы? ш-ш-ш-т-т-т...

Муромский *(стремительно выступая вперед)*. Я требую... ведите меня к моему государю!.. Давайте сюда жандармов!.. полицейских!.. по улице!.. без шапки!.. Мы сообщники!.. Мы воры!!! *(Хватает Варравина за руку и тащит его.)* Пойдем!!.

Варравин *(рвется у него)*. Что вы... что вы?

Муромский *(тащит его)*. Пойдем!!. Мы клятвопреступники... куйте нас! Слово и дело!!. куйте нас вместе *(его голос слабеет)*... к государю!!. я ему скажу... Отец!.. Всех нас отец... Милостивый мой, добросердый... Государь!!. *(У него занимается дух.)* Ва... ва... ше, ва... ше. *(Качается. Тарелкин его поддерживает.)*

Тарелкин. Петр Константинович, батюшка, Петр Константинович — не тревожьтесь, мы все устроим...

Муромский *(силится говорить)*. Ва... ше... ве... л... ич... *(Кидает пакет с деньгами в Варравина и опускается на руки Тарелкина.)*

Деньги рассыпаются по полу. Молчание. Варравин наблюдает Муромского. Живец подвигается к деньгам.

Варравин *(оттирая Живца)*. Позвольте, позвольте...

Ж и в е ц *(жмется к деньгам).* Нет, позвольте, ваше превосходительство, позвольте, — моя обязанность.

В а р р а в и н *(схвативши деньги).* Позвольте!

Ж и в е ц *(ухватясь также за пакет).* Позвольте!!.

М у р о м с к и й *(срывает с себя ордена и галстук и бросает ими в Варравина).* А-а-а... *(Лишается чувств на руках Тарелкина.)*

В а р р а в и н *(в азарте тащит пакет к себе).* Позвольте, говорю я вам! Я вам приказываю, как начальник!

Ж и в е ц *(та же игра).* Долг службы...

Они стоят близко друг к другу у авансцены, голоса их шипят.

Т а р е л к и н *(держа на руках Муромского, жалобно).* Господа, господа, — ну — во имя Христа... *(Укладывает Муромского на стул.)*

В а р р а в и н *(порывая пакет к себе).* Прошу...

Ж и в е ц *(то же).* Прошу...

В а р р а в и н. Я должен сосчитать.

Ж и в е ц *(указывая на его карман).* Вот тут-то сосчитайте...

В а р р а в и н. Что вы осмеливаетесь?..

Ж и в е ц. И не осмеливаюсь... Не дам! — Сам власть имею.

В а р р а в и н. Угодно вам молчать?

Ж и в е ц. Почему же? *(Запускает руку в деньги и тащит пук ассигнаций).*

В а р р а в и н. Что вы делаете?

Ж и в е ц. Молчу. — А как бы вы думали? *(Сует деньги в карман.)* Вот так-то. Ева!

Т а р е л к и н *(оттащивши Муромского на стулья, подбегает к Варравину и Живцу; они расходятся).* Ну, что же это такое, господа! — что же это такое?

В а р р а в и н *(оправив пакет, кидает его на пол; Живцу).* Извольте сударь, стоять здесь, — и ни с места.

Ж и в е ц *(застегивается на все пуговицы).* Слушаю, ваше превосходительство, будьте покойны.

В а р р а в и н *(Тарелкину).* А вы извольте послать тотчас за полицейским — и дать ему просителя за повреждением умственных способностей. Понимаете меня?.. Чтоб он вот здесь же принял от экзекутора просителя и деньги для доставления по месту жительства.

Т а р е л к и н *(умоляющим голосом)*. Ваше превосходительство...

В а р р а в и н *(качает головой и кричит)*. Для доставления по месту жительства...

Т а р е л к и н *(Живцу)*. Иван Андреич!

Ж и в е ц. Кто, батюшка, млекопитающее-то?

П а р а м о н о в *(вбегая)*. Ваше превосходительство. Их превосходительство и их сиятельство!

Т а р е л к и н *(несколько присев)*. Боже мой! Сам страшный суд!!.

В а р р а в и н *(грозно)*. Молчать!!. *(Живцу.)* Стойте тут, — и ни с места!! *(Кидается навстречу важным лицам.)*

Ж и в е ц *(оправляя мундир, несколько нараспев)*. Да, — я, батюшка, службу знаю...

ЯВЛЕНИЕ VIII

В а ж н о е л и ц о и к н я з ь входят.

В а ж н о е л и ц о *(увидев Муромского)*. Эттто что?! Что такое?

В а р р а в и н *(раскинув руки)*. Самый необыкновенный случай, ваше превосходительство. Пришел, как по всему заметно, проситель; объясняется как-то странно, не в чистоте сознания; я его по обязанности службы принял, и вдруг — он оставляет мне вот этот конверт с деньгами; случился экзекутор; послали курьера его воротить, и как стал я ему выговаривать, действительно с некоторою резкостью...

В а ж н о е л и ц о *(перебивая его)*. Напрасно.

В а р р а в и н. Что делать, ваше превосходительство, — не вытерпел.

В а ж н о е л и ц о *(с нетерпением)*. Напрасно!!

В а р р а в и н. Ваше превосходительство!.. пощадите... обидно... Тридцать лет служу! Никто взяточником не называл... *(Бьет себя в грудь.)*

К н я з ь. Я, ваше превосходительство, его положение понимаю, и, по моему мнению, этого бы просителя строжайше... *(Подходит к Муромскому и его осматривает.)*

В а ж н о е л и ц о. Продолжайте.

В а р р а в и н *(оправляясь)*. В эту самую минуту ему вот здесь, при чиновниках сделался припадок и дурнота...

Князь. Э-э-э, — да это тот самый капитан, который ко мне являлся.

Варравин. Тот самый, ваше сиятельство.

Князь. Так бы вы и говорили. Он, ваше превосходительство, и ко мне приходил, — и у меня шум сделал.

Важное лицо. Так что же он такое?

Князь. Вероятно, как бывало в старину: Бурцев, буйный забияка... Впрочем, он под Можайском в голову ранен, и рана-то давняя — так у него, знаете, бессвязность этакая в речах и... и... *(смотрит на Варравина)... и...*

Варравин. И черножелчие, ваше сиятельство.

Князь. А, да! — и черножелчие.

Важное лицо. Что же здесь курьеры делают? Почему пускают всякого с улицы? курьер!!

Вбегает курьер.

Ты что делаешь? — а?

Курьер молчит.

Варравин. Конечно, оплошность, ваше превосходительство.

Важное лицо. Оплошность, — а ты знаешь ли, что я оплошностей не терплю.

Варравин. Осмеливаюсь доложить, что, впрочем, и заметить было невозможно.

Важное лицо. А он смотри.

Варравин. Даже наружность почтенная.

Важное лицо. А он смотри!!

Варравин. Приемный день-с.

Важное лицо. А он... околотили вы мне руки с этими приемными днями... Ну, однако избавьте меня от этих сцен.

Молчание.

Уберите его.

Варравин *(Тарелкину).* Уберите просителя! Курьер! *(Показывает глазами на Муромского.)*

Тарелкин и Парамонов его подымают.

Муромский *(открывает глаза).* Ва... ва... ва... *(бьет себя в грудь)* ва...

Важное лицо. Да он не в своем виде! *(Тарелкину.)* Что, от него пахнет?

Тарелкин *(обнюхивает Муромского).* Пахнет, ваше превосходительство.

Важное лицо. Чем?

Тарелкин *(смешавшись).* Не, не, не... могу...

Важное лицо *(с нетерпением).* Чем!!?

Тарелкин. А-а-а-а... *(смешавшись)* рыбой...

Живец *(быстро вывертывается из-за Варравина, подходит к Муромскому и обнюхивает его).* Спиртуозностию, ваше превосходительство.

Важное лицо. Ну так. *(Махнув рукой.)* Несите.

Живец *(проходя мимо Тарелкина, тихо).* Кто, батюшка, млекопитающее-то? *(Становится опять у пакета с деньгами.)*

Муромского выносят.

Варравин. Ваше превосходительство! благоволите допросить экзекутора, как очевидца при этом необычайном событии.

Важное лицо. Да я тут никакого и события не вижу! — Сорвался человек с цепи, пришел и сделал шум; ну что же тут? *(Живцу.)* Вы здесь были?

Живец *(навытяжке).* Здесь, ваше превосходительство, — по долгу службы.

Важное лицо. Знаю. Ну, вы при этом находились?

Живец. По долгу службы должен всегда быть в видимости.

Важное лицо *(с нетерпением).* Знаю!! Я спрашиваю — как это произошло.

Живец. Это произошло здесь, в канцелярии; — их превосходительство изволили выйти и требовать просителя — и, упрекнувши их в дании денег, — возвратили — бросимши оные деньги на пол — чем по долгу службы стал здесь и при них нахожусь, как по силе присяги закон повелевает.

Важное лицо. Эк заладил. Хорошо. *(Варравину.)* Кажется, ревностный.

Варравин. Весьма, ваше превосходительство, весьма.

Важное лицо. Это хорошо.

Живец. Находясь в военной службе, более привык исполнять распоряжения начальства, чем собственные свои.

Важное лицо *(перебивая его)*. Хорошо. Только отстань.

Варравин. Относительно самого события какое распоряжение угодно сделать?

Важное лицо. Обыкновенно — по форме; — пусть он по форме и отрапортует.

Князь. А там — не нарядить ли следствие, ваше превосходительство?

Важное лицо. Пожалуй и следствие; — по форме.

Князь. И строжайше, строжайше.

Важное лицо и князь хотят идти.

Варравин *(заступая дорогу)*. Ваше превосходительство! Ваше сиятельство! А деньги-то. Сделайте милость.

Важное лицо. Ну что же деньги, — возьмите их да при рапорте и представьте.

Варравин. Нет, ваше превосходительство, я до них не коснусь. Извольте их счесть и опечатать; ибо сумма в неизвестности; — так по крайней мере я и мои подчиненные будем вне нарекания.

Важное лицо. Ну это так. Вот это я люблю. *(Князю.)* Деликатно.

Князь. Деликатно.

Важное лицо *(Живцу)*. Сочти.

Живец считает деньги.

А вам, ваше сиятельство, не угодно ли будет принять их и приобщить к делу. *(Уходит в кабинет.)*

Живец *(сосчитав деньги, с крайней осторожностью кладет их в пакет и держит четырьмя пальцами)*. Тысяча триста пятьдесят рублей, ваше сиятельство.

Князь. Хорошо. Несите ко мне; а вы *(Варравину)* нарядите следствие — и строжайше! *(Уходит в кабинет. Живец несет перед ним деньги.)*

Варравин *(провожая его)*. Слушаю, а предложение, согласно приказанию вашему, об обращении этого дела к переследованию готово.

Князь. Ну, стало, все в порядке. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Варравин *(думает)*. Да, все в порядке... только... у меня от этих порядков дух захватило... Гм, гм... Следствие?!.. Пожалуй, помещик-то и при следствии такой же жар окажет! — Или, может быть, к тому времени и поохолодает; потому он преспокойно показать может, что я-де действительно деньги эти на столе по неосмотрительности оставил, а что действительный статский советник Варравин принял их за подкуп, в том не виновен. Да если и горшее предположить: оставят в подозрении — эка штука? Я много кого оставил — все здоровы, еще и кланяться приказывают; доживают свой век в своих вотчинах и хорошими христианами умирают, в должном раскаянии, посреди семейства... Что ж, уберусь в свою и я... княжеская была... Сахарный завод поставлю — помещик буду, звание почетное... Конечно, не сановник — а все же почетное.

ЯВЛЕНИЕ X

Варравин; входит Тарелкин.

Варравин *(в волнении идет к нему)*. Ну!.. что там?!

Тарелкин *(снимая тарантас — сухо и небрежно)*. Где там, ваше превосходительство?

Варравин. Ну там; — у Муромских?

Тарелкин *(та же игра)*. Там?.. Да ничего нет...

Варравин. Что-нибудь да делается?

Тарелкин. Ничего не делается!.. Уже сделалось!..

Варравин. Следствие нарядить приказано...

Тарелкин. Наряжайте что другое — а не следствие...

Варравин *(не понимая)*. Да в уме ли вы?

Тарелкин *(поднявши палец кверху)*. Удивлен!! *(На ухо Варравину.)* Как по мановению совершается.

Варравин. Что же такое?

Тарелкин *(с увлечением)*. Умер!!!!

Варравин. Умер!!?! Кто?.. Как?!.. Проситель?!.

Тарелкин. Не довезли до дому — в карете и кончился.

Варравин. И кончился!!.

Тарелкин *(делает жест)*. И концы в воду... Мертво и запечатано!..

Варравин. Т-с-с-с!.. *(Приостановясь.)* Какой необыкновенный случай... *(Медленно крестится.)* Дай бог ему царство небесное.

Тарелкин *(вздохнув)*. Что же? Дай бог ему царство небесное... Я не прочь... Ну — мне-то, горемыке, что?.. а? *(С форсом.)* Кто тут радел, кто действовал?.. Кто его отсюда вот *(показывает место)* на своих плечах выволок?.. Вы вот упоминаете, что на своем веку набивали трубки, бегали и в лавочку — ну, а такой товар на себе таскать изволили — ась?!. Так я вот о чем прошу: извольте меня оценить: ни, ни, ни... Извольте оценить... Я отсюда без того не выйду — оцените!

Варравин *(в замешательстве)*. Что вы ко мне пристали? Как мне вас оценить?

Тарелкин *(азартно)*. Как? Помилуйте! — дети знают; — да еще при таком окончании дела, где не токмо концы в воду, а все крючки и петельки потонули. *(Дерзко.)* Мое участие на половину простирается.

Варравин *(вспыхнув)*. На половину... *(В сторону)*. Вот я тебя выучу! *(Вслух.)* Что ж, на половину, так на половину... Скажите, что все вами сделано — и тут не спорю.

Тарелкин. Нет, я не в том смысле. Я насчет полученной суммы.

Варравин *(стиснув зубы)*. Гм!.. полученной?.. От кого же полученной?

Тарелкин. А — от покойника.

Варравин *(усмехаясь)*. Вы шутите — ведь я при вас ему ее возвратил.

Тарелкин. Как возвратили?!!!

Варравин. И за счастие считаю, что на этот поступок решился.

Тарелкин. Отцы мои! Что вы сказали?!!!

Варравин *(с иронией)*. Я говорю: какое счастие, что я от покойника денег не принял... а?..

Тарелкин *(потерявшись)*. Не приняли!!. Вы не приняли!!! Не может быть!.. *(Бросается на колени.)* Матенька, ваше превосходительство, друг, душа, благодетель — простите... Богом умоляю, простите — я беден —

я беден — я ведь это от бедности — у меня долги — я гол — мне есть хочется...

Варравин. Полноте, Тарелкин; — что за малодушие — встаньте!.. *(поднимает его)* — вы себя компрометируете. Судите сами: *(с злобной усмешкою)* прими я от него деньги, ведь всю жизнь попрекать себя должен; — совесть бы замучила.

Тарелкин *(оправляясь)*. А-а — так вы не взяли; ха, ха, ха, и не взяли оттого, что вас бы совесть замучила... ха, ха, ха! *(Заливается громким хохотом.)*

Варравин *(стиснув зубы)*. Смеетесь теперь, — не плакать бы после! *(Подступает к нему и говорит на ухо.)* Ведь я тихой смертью изведу... знаете...

Тарелкин *(останавливается)*. Нет, — я ничего.

Варравин *(та же игра)*. Ведь я из бренного-то тела таким инструментом душу выну, что и не скрипнет... *(Сверкнув глазами.)* Понимаете?

Тарелкин *(оробев)*. Да помилуйте — что вы — я ничего...

Варравин. То-то! *(К публике, мягко и тихо.)* Ей-ей. Как оставил он у меня на столе эти деньги — так точно кто меня под руку толкнул... *(Отступает с ужасом.)* Я и не взял... *(Посмотрев искоса на Тарелкина.)* Просто бог спас — его великая милость... *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

Тарелкин *(один. Долго посмотревши на все четыре стороны)*. Дело! Люблю!!. Всякую глупую башку учить надо. Мало того: по-моему, взять *(берет шляпу)*, да кулаком в ослиную морду ей и сунуть *(сует кулаком в шляпу)* — дурак, мол, ты, искони бе чучело — и по гроб полишинель!!. *(Надевает помятую шляпу и оборачивается к кабинету.)* А! Ограбил. Всех ограбил!.. Я говорил, что оберет он меня, оберет как липку — и обобрал!!. *(Повертывается и становится против тарантаса.)* Ну что же теперь, старый друг?.. А? Ну пойдем... пойдем опять по миру, гольем шитые, мишурою крытые, отхватывать наш чиновничий пляс. Думал я сим же днем спустить тебя на вшивом рынке... Нет, и этого не судила судьба. *(Надевает тарантас.)* Эх — мечты, мечты! Провалитесь вы в преисподнюю... *(Берет тросточку, напяливает*

перчатки и подходит к авансцене.) Мечтал я, когда был молод... прокатить по Невскому в коляске Баховой; мечтал, когда был зрел, схватить чин да кавалерию, подцепить какую-нибудь воронопегую купчиху в два обхвата мерою и ее свиным, сонным жиром залить раны и истомы служебные. Мечтал вот тут хоть копейку сущую заручить на черный день — нет! нет! и нет!! говорит судьба. Зачем ты, судьба, держишь меня на цепи, как паршивую собаку? Зачем круг меня ставишь сласти да кушанья, а меня моришь голодом да холодом? Зачем под носом тащишь в чужой карман деньги, сытость, богатство? Проклята будь ты, судьба, в делах твоих! Нет на свете справедливости, нет и сострадания: гнетет сильный слабого, объедает сытый голодного, обирает богатый бедного! Взял бы тебя, постылый свет, да запалил бы с одного конца на другой да, надемши мой мундиришко, прошелся бы по твоему пепелищу: вот, мол, тебе, чертов сын. *(Поднимает воротник тарантаса, застегивается и уходит, махая тросточкой.)*

Занавес опускается.

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

Комедия-шутка в трех действиях

Николаю Дмитриевичу Шепелеву.

Любезный Друг.

Не вместе ли с тобою еще юношами жили мы на высотах Альбано, в памятной нам Locanda Emiliana и зачитывались Гоголем до упаду.

Не твое ли чуткое артистическое чувство предрекло Кречинскому серьезный успех еще тогда, когда он писался *шутки ради,* и не от тебя ли слышал я тогда же первое и, могу с правом сказать, *единогласное* одобрение.

И теперь — несколько недель тому назад, озабоченный спешною отделкой «Смерти Тарелкина» — не к тебе ли обратился я за советом и не твоими ли верными указаниями Артиста наведен я на поправки, которые дали этой Пиесе целость и вложили в нее Логику Мотивов.

Право — старая наша дружба лишнего не сделала, когда она мне шепнула сделать тебе это посвящение и поставить *в головах* этой третьей и последней моей Пиесы твое, близкое мне, Имя.

Тебе преданный *А. Сухово-Кобылин.*

1869 г. февраля 20-го. Москва.

К ЧИТАТЕЛЮ

Всякое, думаю, беспристрастие признает, что Судьба моих двух Пиес не могла обольстить меня на дальнейшую деятельность для сцены. По крайней мере так влияли на меня события, сопровождавшие их появление, — и многое из набросанного a la prima [1] так в своих зародышах и замерло.

Деятельность моя перешла в другие, высшие сферы, где, как и в верхних слоях Атмосферы, больше благодетельной для Духа Тишины и Свободы.

Однако, издавая в свет мои драматические опыты, мне хотелось, даже и в смысле аффирмации, удержать за ними столько и Действительности и Диалектике любезное число *Три:*

Немцы говорят:

Ein Mal ist kein Mal.
Drei Mal ist Ein Mal. [2]

Мы, Русские, говорим: без Троицы и дом не строится, а потому:

Собравши несколько давно написанных мною сцен, втуне лежавших и имеющих своим Мотивом последний Монолог Тарелкина в Драме «Дело», я, скрепя сердце, связал их, как говорится, на живую нитку, озаглавил шуткою в 3-х Действиях и в таком полувыработанном виде не

---

[1] Раньше *(итал.)*.
[2] Один раз — не в счет, три — за один сойдет (буквальный перевод: один раз — ни разу, три раза — один раз) *(нем.)*.

без робости передаю их Публике, прося ее отнестись к ним снисходительно.

Если сцены эти доставят ей несколько минут простого, веселого смеха и тем дадут случай на время забыть ту *Злобу*, которая, по словам Писания, каждому *Дневи добавляет*, то я сочту себя вполне удовлетворенным.

31 октября 1868 года
Кобылинка.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максим Кузьмич Варравин. } одно лицо.
Капитан Полутатаринов — военная шинель надета в рукава, зеленые очки и костыль. } одно лицо.

Кандид Касторович Тарелкин } одно лицо.
Сила Силич Копылов } одно лицо.

Антиох Елпидифорович Ох — частный пристав.

Иван Антонович Расплюев — исправляющий должность квартального надзирателя. Пораздобрел и приобрел некоторую осанку.

Чибисов }
Ибисов } чиновники.
Омега }

Флегонт Егорыч Попугайчиков — купец.

Помещик Чванкин.

Крестьян Крестьянович Унмеглихкейт — доктор.

Людмила Спиридоновна Брандахлыстова — прачка. Колоссальная баба лет под 40.

Мавруша — кухарка.

Пахомов — дворник.

Качала }
Шатала } мушкатеры [1] богатырских размеров.

Ванечка — сын Расплюева, писарь.

Кредиторы Тарелкина:

1-й кредитор }
2-й кредитор } азартного свойства.

3-й кредитор — пиявкообразный человечек сутяжного свойства.

4-й кредитор — дюжая натура, с большими усами и крокодилообразным телом.

Еще кредиторы ad libitum. [2] Все они одеты в самые фантастические шубы и шинели.

Чиновники.

Дети Брандахлыстовой.

---

[1] Мушкатерами назывались прежде полицейские солдаты *(прим. автора)*.

[2] По желанию, на выбор *(лат.)*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната: в средине дверь в прихожую, направо дверь в кухню и на черный выход, налево постель за ширмами; беспорядок. Тарелкин входит, неся с собой всякое имущество. Сильно озабочен; расставляет мебель.

ЯВЛЕНИЕ I

Тарелкин *(один)*. Решено!.. не хочу жить... Нужда меня заела, кредиторы истерзали, начальство вогнало в гроб!.. Умру. Но не так умру, как всякая лошадь умирает, — взял, да так, как дурак, по закону природы и умер. Нет; — а умру наперекор и закону и природе; умру себе в сласть и удовольствие; умру так, как никто не умирал!.. Что такое смерть? Конец страданиям, ну и моим страданиям конец!.. Что такое смерть? Конец всех счетов! И я кончил свои счета, сольдировал долги, квит с покровителями, свободен от друзей!.. Случай: на квартире рядом живут двое: Тарелкин и Копылов. Тарелкин должен, — Копылов не должен. Судьба говорит: умри, Копылов, и живи, Тарелкин. — Зачем же, говорю я,

судьба; индюшка ты, судьба! — Умри лучше Тарелкин, а живи счастливый Копылов. *(Подумав.)* Решено!.. Умер Тарелкин!.. Долой старые тряпки! *(Снимает парик.)* Долой вся эта фальшь. Давайте мне натуру! — Да здравствует натура! *(Вынимает фальшивые зубы и надевает пальто Копылова.)* Вот так! — *(Отойдя в глубину сцены, прилаживает пару бакенбард; горбится, принимает вид человека под шестьдесят и выходит на авансцену.)* Честь имею себя представить: отставной надворный советник Сила Силин Копылов. Вот и формуляр. *(Показывает формуляр.)* Холост. Родни нет, детей нет; семейства не имею; никому не должен — никого знать не хочу; сам себе господин! Вот моя квартира, имущество!.. О вы, простите вы все!.. Прощайте, рыкающие звери начальники, — прощайте, Иуды товарищи!.. Приятели мои, ямокопатели, предатели, — прощайте! Кредиторы мои, грабители, пиявки, крокодилы... прощайте! Нет более Тарелкина. — Другая дорога жизни, другие желания, другой мир, другое небо!!. *(Прошедшись по комнате.)* От теории перехожу к практике. Сейчас из Шлиссельбурга. Похоронил копыловские кости; дело устроил; бумаги получил: там покончено!.. Теперь здесь, по Петербургу, надо устроить мою собственную, официальную несомненную смерть. Для этого извещена полиция; приглашены сослуживцы; окна завешены; в комнате царствует таинственный мрак; духота и вонь нестерпимые... В гробу моя кукла, увитая ватой, в моем мундире, лежит, право, недурно... С сурьезом и достоинством! Однако от любопытных глаз надо еще подбавить вони. *(В духе, кричит.)* Мавруша!! Разбойница Мавруша — где ты?

ЯВЛЕНИЕ II

Тарелкин, Мавруша входит.

Мавруша. Чего вам?

Тарелкин. Ты понимаешь ли, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. Чего?

Тарелкин. Нет — никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет... Ступай, купи еще тухлой рыбы.

Мавруша. Еще! Что ж мало?

Тарелкин. Да — не хватает — ступай!

Мавруша уходит.

(Ей вслед.) Скорее ступай.

ЯВЛЕНИЕ III

Тарелкин (один).

Тарелкин *(ходит по комнате)*. Все так... да... эту рыбу надо накласть в мою куклу в такой мере, чтобы их как поленом по лбу... Нет! *(соображает)* этого мало. Я хочу, чтобы начальство похоронило меня на собственный счет! Хочу, чтобы эта бессмертная смерть мне не стоила медной полушки — так и будет! Все пойдет, как по маслу, — надо только это хорошенько обставить. — Мавруша свой урок знает; вот уже месяц, как вся варравинская интимнейшая переписка вот здесь *(указывает)*, у меня под сюртуком!! Он уже ее хватился, ищет и на меня злится. Следовательно, при первой вести он явится сюда во всей ярости и будет спешить похоронами, чтобы тотчас обыскать мою квартиру — ха, ха, ха, ха!.. А-а-а! — Это ты, разбойник, вогнал меня живого в гроб! ты уморил меня голодом. Нет тебе пощады. Мы бьемся по смерть. Ценою крови — собственной твоей крови, выкупишь ты эти письма. Или нет! Ценою твоих денег, ворованных денег; — денег, которые дороже тебе детей, жены, самого тебя. Деньги эти я тихонько, усладительно, рубль за рублем, куш за кушем потяну из тебя с страшными болями; а сам помещусь в безопасном месте и смеяться буду — и сладко буду смеяться, как ты будешь коробиться и корчиться от этих болей. Боже! Какая есть бесконечная сладость в мести. Каким бальзамом ложится месть на рдеющую рану... *(Вынимает из-под жилета пачку писем.)* Вот они, эти письма *(хлопает по пачке)*, лежат на самом сердце, его греют! — Это моя плоть и кровь! — Это злейшие, ехиднейшие из всех дел варравинских, букет, который самому сатане можно поднести в знак любви и уважения. *(Бережно запрятывает бумаги под жилет и застегивается.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Тарелкин. — Мавруша входит.

Тарелкин *(идет ей навстречу).* Скорей, скорей, Мавруша — они скоро будут — время дорого... *(Берет рыбу и заслоняет себе нос.)* Фу, черт возьми! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Мавруша (одна), потом Тарелкин.

Мавруша. Вишь, черт, что задумал... Помоги, говорит, мне: — а потом и надует — ведь такой уж плут родился!.. *(Прибирает комнату.)*

Тарелкин *(возвращается).* Ну, смотри же, старая, — не наври чего — говори мало; — сиди себе да вопи, — одно тверди: ничего, мол, нет — жил честно — умер убого! Понимаешь? Денег, мол, нет; хоронить нечем; — а уж портится; видите, мол, вонь какая, — что тут делать? — а руками-то этак. *(Делает жест. Мавруша его передразнивает.)* *Так!..* *(Думает.)* А Варравину-то говори: полиция, мол, придет, — имущество захватит, — бумаги остались, и их захватит; — нехорошо. Поняла?..

Мавруша. Поняла, сударь, поняла.

Тарелкин. Ну ступай. *(Слышен шум.)* Они — ей-богу они — *(как будто робко)* — ну *(решительно)* слышишь — только их вонью-то ошибет, так ты их вот сюда и веди, чтобы они попусту около гроба не толклись. Поняла?

Мавруша. Поняла, сударь, поняла. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Тарелкин (один).

Тарелкин *(припрятываясь за ширмы).* Так... вот они... *(слушает)* в добрый час... их много... говорят... *(Слушает.)* Шумят... *(Слушает.)* Что такое!.. батюшки... *(в волнении)* что такое — открыто! открыто...

Слышен вопль Мавруши.

Боже мой... мы погибли... *(Прячется за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Варравин, за ним толпа чиновников, посреди их Мавруша.

Мавруша *(голосит и причитает)*. Сюда, отцы мои... сюда... ох... ох... ох...

Варравин *(останавливаясь на пороге)*. Фу, черт возьми, какая вонь.

Чиновники *(входят, заткнув нос, снимают калоши)*. Фу, — фу, — нестерпимо.

Чибисов. Одной минуты пробыть нельзя!..

Мавруша *(голосит)*. Сюда пожалуйте, отцы наши, сюда, су-да-ри-ки... ох...

Варравин. Да отчего же такая пронзительная вонь?

Мавруша *(та же игра)*. Отциии моии, как вони... то не... быть... умер — бедно ооох... Гроб купилааа, хоооронить-то и нечем. Вооот он, голубчиииик, и воняет!..

Варравин. Неужели ничего нет и хоронить нечем?

Мавруша *(та же игра)*. Нииичего, батюшка, нееет. — Полиция прийиидет — все схватит — бууумаги похватает — а бумаги какие — сам-то все...е их пряааатывал... ох...

Варравин *(с поспешностию)*. А бумаги после него остались?

Мавруша. Остались, свет, остались.

Варравин. Покажи.

Мавруша. Когда казать. Теперь ли казать. Хоооронить надо. — Воняет, голубчиииик, воняет.

Варравин *(в сторону)*. В самом деле похоронить... Пропали у меня секретнейшие бумаги, — стало, украдены — украдены кем?!. Им!!. И вдруг умер! Нет ли тут еще какой-нибудь мерзости?!.. Делать нечего — похоронить его — и потом отыскать, во что бы то ни стало, отыскать эти бумаги!.. *(Обращаясь к чиновникам.)* Господа, — что же нам делать? — Видите: — почти скандал; — похоронить нечем; — пожалуй, в городе узнают — скажут: с голоду умер; — товарищи оставили; — начальство не пеклось; — нехорошо — даже и публика не оправдает.

Чиновники. Да, да, не оправдает.

Варравин. Так вот что, господа. Сделаем христианское дело; поможем товарищу — а? Даже и начальство наше на это хорошо взглянет. Нынче все общинное

в ходу, а с философской точки, что̀ же такое община, как не складчина?

Чибисов. Да, господа, их превосходительство справедливы, — это и журналы доказывают: община есть складчина, а складчина есть община.

Чиновники. Да, да, это так.

Чибисов *(торжественно)*. Итак складчина! Община! Братство!! *(Пробирается к двери и ищет калоши.)*

Ибисов *(тот же тон)*. Так, так!.. Доброхотна дателя любит бог. *(Показывает пальцем наверх, пробирается к двери; та же игра.)*

Третий чиновник. Прекрасно!.. Прекрасно и тепло!.. От общего сердца! *(Та же игра.)*

Четвертый чиновник. С миру по нитке — бедному рубашка. *(Та же игра — общее бегство.)*

Варравин *(припирает двери и удерживает чиновников)*. Господа, что же вы?!. Постойте. Вы не так! — Нет, вы не так. *(Поймавши Чибисова и Ибисова за руки, выводит их к авансцене с прочими чиновниками.)* Господа, — послушайте меня, ведь мы одна семья — не так ли *(Встряхивая их за руки.)* Мы одна семья?

Чибисов и Ибисов *(привскакивая от боли)*. Так! так! Мы одна семья.

Варравин. Наш меньший брат в нужде. *(Встряхивая их за руки.)* Ведь мы люди теплые?

Чибисов и Ибисов *(привскакивают и коробятся от боли)*. Да, да, черт возьми, — мы люди теплые.

Варравин. Итак!! — Задушевно — нараспашку!!

Чибисов и Ибисов *(вырываются от него)*. Да, да, задушевно! нараспашку!

Все бегут.

Варравин *(поймавши их)*. Нет, нет, опять не так. *(В сторону.)* Экие аспиды, не поддаются! *(Вслух.)* Позвольте, господа, мы вот так это устроим. *(Собирает чиновников около себя.)* Ведь вы готовы на доброе дело?

Чиновники. Готовы, готовы.

Варравин. Ведь на доброе дело вы охотно возьмете деньги у другого, то есть в чужом кармане?

Чиновники. В чужом кармане? Охотно, очень охотно.

Варравин (*нежно*). Итак возьмите друг друга легонько за ворот. (*Чиновники берут друг друга за ворот.*) Так, хорошо. (*Расставляет их попарно.*)

Омега (*подбегая*). Ваше превосходительство! меня некому за ворот взять?

Варравин. Ну сами себя возьмите.

Омега (*кланяется*). Слушаю-с. (*Отходит и берет сам себя за ворот.*)

Варравин (*осматривая чиновников*). Хорошо, господа, хорошо! (*Нежно.*) Теперь возьмите каждый у другого бумажник.

Шум и свалка; чиновники тащат друг у друга бумажники.

(*Любуясь на картину.*) Прекрасно! По-братски! Вот истинная община! Ну, отсчитайте теперь по три рубля, но не более трех рублей! Не более!

Чиновники (*кричат*). Господа, по три... Но не более, не более! (*Отсчитывают деньги.*)

Варравин их получает и выходит на авансцену.

Варравин (*к публике*). Какая теплота, какой жар!.. даже удерживать надо... (*Тронут.*) Эти пожертвования меня всегда сильно трогают. (*Чиновникам.*) Теперь, господа, возвратите бумажники.

Чиновники возвращают бумажники.

Вот так. Благодарю вас. Позвольте мне сказать вам мое сердечное, задушевное спасибо. Вы сделали прекрасное дело — вы сделали доброе дело. Меньший брат умирает в нищете — и вы вдруг... Благодарю вас! — Я тронут — я плачу — плачьте и вы!

Все плачут.

Обнимите друг друга.

Обнимают друг друга.

Омега (*подбегая к Варравину*). Ваше превосходительство, мне некого обнять.

Варравин (*утирая слезу*). Ее обнимите. (*Показывает Маврушу.*)

Омега обнимает Маврушу.

М а в р у ш а. Что ты, нечестивец, бесстыдник... Что ты?! Отстань...

В а р р а в и н *(Мавруше)*. Подойди сюда, бедная женщина! Ты сирота?

М а в р у ш а *(вопит)*. Да, батюшка, сударь, сирота! Круууглая сирота.

В а р р а в и н. Ты одна осталась? *(Укладывает деньги в бумажник.)*

М а в р у ш а. Одна, батюшка, одна, как перстик, одинохонька. *(Протягивает руку.)*

В а р р а в и н *(кладет деньги в карман)*. Так знай, мой друг!.. есть добрые люди *(показывает на небо)* и небо! *(Чиновникам, с чувством.)* Идем, господа, идем! — Похороним Тарелкина!!.

Ч и н о в н и к и *(все в духе, подходят к Мавруше и хлопают ее по плечу)*. Да, есть добрые люди и небо. *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

М а в р у ш а стоит недвижно, Т а р е л к и н выбегает из-за ширм.

Т а р е л к и н *(бросается на Маврушу и обнимает ее)*. Да, Маврушенька, есть добрые люди и небо!!.

М а в р у ш а *(вырываясь от него)*. Да провалитесь вы все! — Что я вам шутиха досталась?

Т а р е л к и н *(радостно)*. Хорошо, Маврушенька, хорошо; необычайно хорошо; ура!!. Как гора с плеч! Век свой твоих услуг не забуду.

М а в р у ш а. Ой ли? Обманете!

Т а р е л к и н. Ей-ей не обману. *(Ходит по комнате и думает.)* Теперь Варравин кончит разом и справит похороны во мгновение ока. Он до бумаг-то рвется; а ты его поводи... не скоро давайся — ну, а потом и отдай... Черт с ним... они гроша не стоят; — хорошие я прибрал. И поэтому ты и клянись ему насмерть, что-де окроме этих бумаг никаких не было. Я, мол, за верное знаю. Смекаешь?

М а в р у ш а. Слушаю-с.

Т а р е л к и н. Теперь ступай — да подложи еще рыбки.

Мавруша уходит.

ЯВЛЕНИЕ IX

Тарелкин (один).

Тарелкин. Как сообразить мои дальнейшие поступки? — Куда направить путь? Где пригреть местечко? Долго ли выжидать и потом как нагрянуть? Каким приемом выворотить из Варравина деньги? *(Весело.)* Какими кушами, большими и малыми? а? Я думаю так, сначала малыми, а потом и качай и качай — ха! ха! ха! *(Ходит. Шум. Прячется за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Варравин входит. Тарелкин за ширмами.

Варравин *(постоявши в раздумье)*. Умер! Несомненно умер, ибо и протух!.. Нет вести, которая принесла бы мне такое удовольствие, скажу такую сладость...

Тарелкин *(за ширмами в сторону)*. Тек-с.

Варравин. Точно с моих плеч свалилась целая гора грязи, помоев и всякой падали.

Тарелкин *(в сторону)*. Merci!

Варравин. Точно после долгих лет томительной жажды я вдруг потянул в себя прозрачную, ключевую воду — и освежился. Самая бездельная и беспокойная тварь убралась в свою дыру.

Тарелкин *(в сторону)*. Полно, так ли?..

Варравин. Самая омерзительная жаба ушла в свою нору; самая ядовитая и злоносная гадина оползла свой цикл и на указанном судьбою месте преткнулась и околела!.. Умер!.. Самая гнилая душа отлетела из самого протухлого тела; как не вонять — по-моему, он мало воняет — надо бы больше.

Тарелкин *(в сторону)*. Благодарю; не ожидал! Каково напутственное слово?! Так нет! Постой; — я свое скажу.

Варравин. Теперь все готово — все приказано — все поряжено: ломовой извозчик, дроги, могила... На две сажени глубины приказал яму вырыть — туда его, разбойника *(делает жест)* — и концы в воду!!.

Т а р е л к и н. Концы в воду? Ой ли? Посмотрим. *(Импровизует.)*

Варравин генерал
Мне напутствие сказал;
Но, увы, не угадал,
Каков будет тут финал.

В а р р а в и н *(кричит)*. Эй ты — где ты там! — Ты, женщина!..

ЯВЛЕНИЕ XI

В а р р а в и н, М а в р у ш а входит, Т а р е л к и н за ширмами.

В а р р а в и н. Поди сюда, глупая баба.

М а в р у ш а *(подходит)*. Слушаю, батюшка.

В а р р а в и н. Знаешь ли, кто я?

М а в р у ш а. Не знаю, батюшка.

В а р р а в и н. Я генерал.

М а в р у ш а. Слушаю, батюшка, вашу милость.

В а р р а в и н. Знаешь ли, что такое генерал?

М а в р у ш а. Не знаю, батюшка, ваша милость.

В а р р а в и н. Генерал — значит, что я могу тебя взять и в ступе истолочь.

М а в р у ш а *(став на колени)*. Пощадите, батюшка, ваше сиятельство.

В а р р а в и н. Показывай тотчас, где его бумаги.

М а в р у ш а. Пожалуйте, ваше сиятельство — все, что вам угодно — все покажу.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XII

Т а р е л к и н, выходя из-за ширм.

Т а р е л к и н. Поищи; — ничего, для моциону, поищи, — ха, ха, ха! *(Ходит по комнате и трет руки.)* При мне мое сокровище! *(Хлопает себя по груди.)* Неразлучно, несомненно, нетленно. *(Подходит к двери.)*

Тишина.

(Прислушивается.) Чу... идут. *(Уходит за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Варравин и Мавруша входят.

Варравин. Нет — ничего нет!.. Непостижимо. Когда я знаю, положительно знаю, что он, непременно он выкрал у меня эти бумаги!.. Он мне даже однажды как-то странно и дерзко намекнул на подобное обстоятельство. Может, это, говорит, годится для отопления будущей квартиры — а! Это был такой мошенник, которого, кажется, живого мало разнять на части.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Варравин, Расплюев быстро входит, за ним Шатала и Качала становятся у дверей.

Расплюев. Вашему превосходительству честь имею явиться — что приказать изволите?

Варравин. Кто вы?

Расплюев. Исправляющий должность квартального надзирателя Иван Расплюев.

Варравин. Почему не приняты вами меры к сохранению имущества покойного?

Расплюев. Все меры приняты.

Варравин. Какие?

Расплюев. На дворе поставлен часовой; двое хожалых, двое добросовестных — сам здесь с полным рвением... Все цело — не извольте беспокоиться.

Варравин. Смотрите — это на вашей ответственности.

Расплюев. Строжайшие меры приняты! Изволите видеть — вон там *(указывает на дверь)* один добросовестный к имуществу покойного только руку протянул — так я его так-то по ней цапнул, что он и по сей час поднявши лапку ходит. Изволите посмотреть. *(Указывает на дверь.)*

Варравин. А служанка жалуется, что расхитили имущество, — пропали, говорит, бумаги покойного.

Расплюев. Она врет — позвольте опросить.

Варравин. Опроси.

Расплюев *(Мавруше)*. Какие бумаги пропали? — Какое имущество расхитили — говори.

Мавруша. Бумаги, батюшка, бумаги; вот, что их милости пишут — те самые.

Варравин в раздумье отходит в сторону.

Расплюев. Поди сюда! *(Отводит Маврушу в противную сторону сцены и подставляет ей кулак под самый нос.)* У тебя сколько зубов осталось — говори сколько, старая хрычовка, — я все решу.

Мавруша *(громко)*. Не знаю, батюшка, не знаю, я это так сказала — я никого видо̀м не видала и слыхо̀м не слыхала.

Расплюев *(Варравину)*. Изволите видеть, ваше превосходительство. Ничего, говорит, не видала и не слыхала. Ведь это уж такое племя. Оно без меры врать будет; а если теперь с первых разов его шарахнешь, то оно уже и совсем другие ноты поет.

Варравин *(думает)*. Странно... ну делайте свое распоряжение; выносите тело — да живее — что его долго держать.

Расплюев. Сию минуту, вынесем, ваше превосходительство. *(Мушкатерам.)* Эй, мушкатеры, тащи его!

Шатала, Качала и за ними Расплюев — быстро уходят.

ЯВЛЕНИЕ XV

Варравин, потом Тарелкин.

Варравин *(в задумчивости)*. Ну куда бы могли они у него запропаститься? — Теряюсь; — всего жду; — все подозреваю. Страшусь одного: взял он их да в страховом письме к его высокопревосходительству и отправил... гм...

Тарелкин *(выходит из-за ширм и говорит не своим голосом)*. Сетовать изволите, ваше превосходительство, слугу потеряли, потерю ощутили.

Варравин. Да-с; товарища, сослуживца потерял — вы его знали?

Тарелкин. Знал, — так, по соседству. Искать что-то изволите?

Варравин. Да. Формальные безделушки кое-какие.

Тарелкин. Конечно. В жизни все годится. Что же, нашли?

Варравин. Нет не нашел.

Т а р е л к и н. Достойно сожаления. А бывает. Кажется, иное близко, а оно далеко, а иное далеко, а оно близко. *(Хлопает себя по груди. В сторону.)* Что, крокодил? На моей улице праздник.

В а р р а в и н. Как вы говорите?

Т а р е л к и н. Говорю я, ваше превосходительство, бывает так: око видит, да зуб неймет, а иногда и так: зуб-то и ймет, да око не видит.

Шум. Шатала и Качала в глубине театра несут гроб.

Ах, вот и его выносят. Дозвольте, ваше превосходительство, старому знакомому прощальное, напутственное слово сказать.

В а р р а в и н. Извольте.

Т а р е л к и н *(торжественно)*. Орга́ны порядка — остановитесь.

Мушкатеры останавливаются.

Милостивые государи. Ваше превосходительство! Итак, не стало Тарелкина! Немая бездна могилы разверзла пред нами черную пасть свою, и в ней исчез Тарелкин!.. Он исчез, извелся, улетучился — его нет. И что пред нами? — Пустой гроб и только... Великая загадка, непостижимое событие. К вам обращаю я мое слово, вы, хитрейшие мира сего, — вы, открыватели невидимых миров и исчислители неисчислимых звезд, скажите нам, где Тарелкин?.. гм... *(Поднимая палец.)* То-то!..

Да, почтенные посетители, восскорбим душами о Тарелкине!.. Не стало рьяного деятеля — не стало воеводы передового полку. Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва заслышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед!!. Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади! — Когда пошла эмансипация женщин, то Тарелкин плакал, что он не женщина, дабы снять кринолину перед публикой и показать ей... как надо эмансипироваться. Когда объявлено было, что существует гуманность, то Тарелкин сразу так проникнулся ею, что перестал есть цыплят, как слабейших и, так сказать, своих меньших братий, а обратился к индейкам, гусям, как более крупным. Не стало

Тарелкина, и теплейшие нуждаются в жаре; передовые остались без переду, а задние получили зад! Не стало Тарелкина, и захолодало в мире, задумался прогресс, овдовела гуманность...

Но чем же, спросите вы, воздали ему люди за такой жар делания?.. Ответ, — нет не ответ, — скажу: ирония перед вами! Простой гроб, извозчик, ломовые дроги и грошовая могила... Однако — глядите, у этого убогого гроба стоит сановник *(указывает на Варравина)* — он властный мира сего — он силою препоясан. Что же говорит нам его здесь присутствие? Ужели лицемерием, или хитростию, или своекорыстною целию приведен он сюда и у этого гроба между нами поставлен? О нет! Своим присутствием он чтит в чинах убожество, в орденах нищету, в мундире слугу — слугу, который уносит с собою даже и в могилу собственные, сокровеннейшие интимнейшие его превосходительства...

Варравин *(с движением)*. Что такое?!!

Тарелкин *(продолжает)*. Слезы... *(Варравину.)* Я о слезах ваших говорю, ваше превосходительство.

Варравин делает утвердительный знак и медленно выходит.

Итак, почтим этот пустой, но многознаменательный гроб теплою слезою и скажем: мир праху твоему, честный труженик на соленом поле гражданской деятельности. *(Кланяется и отходит на авансцену.)*

Расплюев *(мушкатерам)*. Несите.

Гроб уносят. За ним выходят чиновники.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Расплюев и Тарелкин.

Расплюев *(надевши треуголку)*. Именно — вы справедливо, государь мой, заметили: душа бессмертна.

Тарелкин *(в духе; берет его за руки)*. А, — не правда ли? Бессмертна, то есть мертвые не умирают.

Расплюев. Так, так! — Не умирают!! *(Подумавши.)* То есть как же, однако, не умирают?!?

Тарелкин *(твердо)*. Живут... но, знаете, там *(указывая)* — далеко!!.

Расплюев. Да — далеко!!. ну так. Скажите, звание его какое было?

Тарелкин. О, почтенное. Коллежский советник. Ну, знаете, он у Варравина все дела делал.

Расплюев. Скажите! Отчего же похороны, можно сказать, в такой убогости... Что даже вот... и закусить нечего. Ведь это уже и религия наша обыкновенно предписывает.

Тарелкин. Ну, что делать — добродетелен был, — прост.

Расплюев *(с увлечением)*. Так! Понимаю... Знаете, что я вам скажу: добродетель-то в свете не вознаграждается.

Тарелкин. Так! Так! Не вознаграждается! Да кто вознаграждать-то будет? Люди? Вы их видели?

Расплюев. Видел.

Тарелкин. Сердце-то у них какое, видели?

Расплюев. Видел. Волчье!

Тарелкин. Именно волчье. *(Берет Расплюева за руку.)* А что, вы, стало, страдали?

Расплюев *(подмигивает публике)*. Таки бывало. — А вы?

Тарелкин. Паче песка морского!

Расплюев. Что вы? Да в гражданской службе, знаете... этого... не бывает — особенно в чинах.

Тарелкин. Нет — в чинах оно больнее выходит!

Расплюев *(с удивлением)*. Больнее??! Однако не публично, а так промеж себя?

Тарелкин. Ну, разумеется: знает бог да я!..

Расплюев *(фыркает)*. Пффу!! — Так расскажите, пожалуйста. Кем? Как? По какому случаю? Это меня интересует.

Тарелкин. Да что тут: я полагаю, ведь после похорон-то закусить не откажетесь.

Расплюев. Признаюсь — не без удовольствия. Должность-то наша собачья; так вот только тем и душу отведешь, что закусишь этак в полной мере да с просвещенным человеком покалякаешь.

Тарелкин. Так не угодно ли после церемонии на закуску ко мне?

Расплюев. Да какая церемония? На извозчике-то свезти да в яму зарыть. Это у меня, государь мой, и мушкатеры справят, а я только зайду, вот тут одному дворнику надо зубы почистить, а там и к вам. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Тарелкин (один).

Тарелкин. Провидение! — Благодарю тебя. И как все это легко и благополучно совершилось. Теперь одно: благоразумие. — Вон отсюда! Завтра сдаю квартиру и в путь! В глушь! В Москву! — Там и притаюсь — пока все это совершенно смолкнет и успокоится... Сейчас укладываюсь! *(Берет чемодан.)* Сейчас! Сейчас!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Чемоданы, ящики — все уложено; посреди комнаты накрыта закуска.

ЯВЛЕНИЕ I

Тарелкин (один).

Тарелкин *(сидит в креслах)*. Да, я теперь только понимаю счастие, сердцем чувствую, носом слышу. Вот оно... *(Осматривается вокруг себя.)* Тишина, покой, — независимость!! — Вот счастье!.. Нет начальства; — нет кредиторов; — даже друзей нет, чтобы отравить минуту отдохновения. — Лихое дело справил. Одним махом стряхнул старые грехи, в прах полетели цепи, уплачены долги, и сама природа актом моей смерти подмахнула так: получено сполна! А здесь, при мне, вот тут, на самом сердце запасный капитал. *(Вынимает бумаги.)* Собственноручные варравинские бумаги... Петля, в которой сидит его проклятая голова. Годик, другой — все будет тихо, — а там и предъявлю — и зло предъявлю, черт возьми. Ему и в голову войти не может, что я жив. Ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ II

Расплюев входит; Тарелкин убирает стол.

Тарелкин. Добро пожаловать.

Расплюев. Мое почтение.

Тарелкин. Что же вы так задержались?

Расплюев. Нельзя было. Пришлось до кладбища промолоть, — сам генерал Варравин провожали. *(Ставит в угол шпагу и треуголку.)*

Тарелкин *(указывая на закуску)*. Вот не угодно ли?

Расплюев *(трет руки и подходит к столу)*. Не прочь, сударь, — не прочь.

Тарелкин *(ставит вино и водку)*. Чем бог послал.

Расплюев *(рассматривая с удовольствием закуску)*. Он недурно послал. *(Берет хлеб и селедку. Вздыхает.)* Эх, эх, эх — слабости человеческие. *(Пропускает все и запивает вином.)*

Тарелкин. Сыру не угодно ли?

Расплюев *(переходя к сыру)*. Мы — и сыру. *(Берет хлеб, отламывает кусок сыру, пропускает все и опоражнивает бутылку.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Что за пасть такая?

Расплюев *(жует)*. Именно... справедливо вы давеча в вашей речи упомянули, что душа-то та бессмертна.

Тарелкин *(осматривая на свет пустую бутылку)*. Бессмертна... сударь, — бессмертна...

Расплюев *(берет еще сыру)*. И знаете, — что с ее стороны обязательно: ни она ест, ни она пьет. *(Жует.)*

Тарелкин *(обирает пустые тарелки)*. Да, действительно обязательно.

Расплюев *(жует)*. Ну, если бы таперь душа да еще кушать попросила, так что бы это было... Ложись да умирай.

Тарелкин. Точно умирай. *(Хочет налить ему в рюмку.)*

Расплюев *(подставляя стакан)*. Нет, вот стакан. *(Пьет.)* Эх ты, валяй, гуляй, душа-девица.

Тарелкин *(приносит еще хлеба)*. Что за пасть такая. Да это бездонная яма! Куда ж это у него проваливается?

Расплюев пропускает ломоть.

Еще!.. Что тебя прорвало, что ли? *(Вслух.)* Скажите, как вы себя чувствуете?..

Расплюев. Ну — скажу вам, еще ничего не чувствую.

Тарелкин. Неужели?

Расплюев. Натура такая: орга̀н. *(Наливает стакан водки.)*

Тарелкин. Это водка.

Расплюев. Водка — так водка. *(Выпивает.)* У меня это, батюшка, под одним номером.

Тарелкин смотрит на пол.

Вы чего ищете?

Тарелкин. А я смотрю — может у вас днище выперло, — так не проходит ли насквозь?

Расплюев *(встряхиваясь на стуле)*. Нет, сударь!.. У меня крепко, — не пройдет. — Вы слыхали, у Паганини хорош был инструмент?

Тарелкин. Слыхал.

Расплюев. Ну, у меня лучше.

Тарелкин. Верю.

Расплюев. Об этом инструменте расскажу вам, государь, гисторию: прихожу я этто в трактир; — спросил калач, чаю; — вот у меня инструмент мой и заиграл; — песни такие — ну! стало, мол, работы просит. — Делать нечего: подай, говорю, ветчины порцию, икорки порцию, водки по препорции; — думаю так, мол, червяка этого я тем и заморю. — Съел. Представьте себе, милостивый государь, не берет!

Тарелкин. Тсссcс...

Расплюев. Хорошо, думаю; отвалил еще хлеба, сыру спросил, хересу выпил; а меня, милостивец, еще злее на еду позывает. — Фу ты, мол, штука какая? Давай, говорю, блинов! Пропустил десяток, послал другой в погоню — только зуб разгорается — третий! Хоть ложись да умирай — не берет!!.

Тарелкин. Необычайно!!.

Расплюев. Вижу, дело плохо — все хляби мои стало, мол, разверзлись; и приказал, сударь, я подать по-нашему, по-русски: аржанова хлеба коврижину, три сельдины — по полену каждая, да квасу жбан — пере-

крестился — восчувствовал этак, съел; ну, будто и завязало. Так у меня тут *(хлопает себя по брюху)* огнь неугасимый и червь неутолимый.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же; входит Людмила Спиридонова.

Людмила. Скажите, отцы, — Сила Силич Копылов здесь, что ли, проживает?

Расплюев *(ест)*. Здесь, касатушка, здесь.

Тарелкин. Что тебе, матушка, нужно?

Людмила. Так, и где ж мне их найтить-то?

Тарелкин. Да вот он — я.

Людмила. Что ж мне это сказали, что вы померли?

Тарелкин. Нет, — это шутки, это глупые шутки.

Людмила. Н-да! Ну, я очинно рада. А то куда ж бы мне мою головушку приклонить. Ну что ж, вы Людмилушку-то помните, а?

Тарелкин. Какую Людмилушку?

Людмила. Людмилу Спиридонову; соблазнители вы!

Расплюев и Тарелкин смеются.

Тарелкин *(рисуется и припоминает)*. Амалия... ну Розалия... была, кажется, одна Капалия... ну Людмилы, нет — Людмилы не помню. Да она из балета или из школы?

Людмила. По протомойству.

Тарелкин *(с презрением)*. По протомойству?!! — Нет, я по протомойству никого не знаю.

Людмила. Ну, а сердце-то ваше не вещует?

Тарелкин. Ну нет; не вещует.

Людмила. Так вот она.

Тарелкин. Неужели? Вот те раз! Да это чудовище какое-то! — Нет, черт с тобой; — я такой женщины не понимаю.

Людмила. Ой ли? Вот как! Не понимаешь? А детей видеть хочешь?

Тарелкин. Какие дети? Что ты? У меня никогда детей не было.

Людмила *(Расплюеву)*. Вот они каковы, ваше бла-

городие: наплодят, да опосля и знать тебя не хотят. *(Отворяя дверь.)* Эй, дети, сюда!

Вбегают двое ребятишек.

Т а р е л к и н. Что это? — Боже мой!..

Л ю д м и л а. Ну, детки, вот ваш тятенька... Что, хорош — а? Ну не взыщите — каков ни есть — к нему.

Ребятишки бросаются на Тарелкина, — он от них отбивается.

Т а р е л к и н. Прочь, прочь, бесенята, прочь!!. *(В отчаянии.)* Как, вся жизнь!!. С прачкой?!! Нет!! Никогда.

Л ю д м и л а *(припадает к нему и нежничает).* Ну полно, Силич, — давай на мировую, ведь не впервóй. Ах! Силич! Силич! Идруг! постарел же ты... айиньки постарел. Тебя и не признаешь; облез, как колено голое. Да здесь взаправду в Питере воды такие *(махнув рукой),* так куда ж тут быть жиру или доброй сытости. Знаешь, Силич, как я только тебя увижу, так во мне две перемены бывает: одна от моей пламенной горячности, а другая от твоей жестокой холодности. *(Ласкается.)* Силич, идруг.

Т а р е л к и н. Ступай вон, гадкая баба, — вон! Я тебя не знаю, — вон! И щенят возьми, — а то я их в окно выкину.

Л ю д м и л а *(Расплюеву).* Вот, мой отец, слышали? Будьте свидетели! Вон как он свое исчадие прогоняет. Я вам, ваше благородие, просьбу подам — вы его, зверя, укротите.

Р а с п л ю е в. Приходи в часть. Там частному приставу и подашь.

Л ю д м и л а. Ну, так прощайте, ваше благородие. *(Берет детей.)* Я сейчас и подам... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Р а с п л ю е в, Т а р е л к и н, В а р р а в и н переодет; в военной поношенной шинели, парик, густые усы, зеленые очки; резкий, военный тон; хромает и подпирается костылем; толпа кредиторов.

Шум и голоса; стучатся в дверь.

Т а р е л к и н. Кто там? Кто это там?

Кредиторы и с ними Варравин, шумно входят.

Что вам надо?

1-й кредитор. Скажите на милость, где же Кандид Тарелкин?

2-й кредитор. Где коллежский советник Тарелкин?

Варравин *(не своим голосом)*. Где этот мошенник Тарелкин? *(Стукает костылем.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Э... э... э... Это мои кредиторы. Какие рожи... *(Вслух.)* Он умер, голубчики, умер.

1-й кредитор. Ах, разбойник, — он нарочно.

2-й кредитор. Я не согласен, я требую.

Варравин. Зарезал. Без ножа, а кинжалом ударил.

3-й кредитор *(пискливо)*. Вот оно!.. Где же у нас законы? Ведь это грабеж!!.

4-й кредитор *(притряхивая всем телом)*. Этто... бес... чест... но!!.

1-й кредитор *(кричит)*. А я вам говорю, что я его на дне преисподней сыщу!..

2-й кредитор *(кричит)*. Ну что вы бессмыслицу говорите. Какая преисподняя?.. Ну где там по преисподней нам за ним охотиться.

1-й кредитор. Однако могу же я искать мою собственность где я хочу.

2-й кредитор. Да отыскивайте; мне начхать на вашу собственность.

1-й кредитор. А я на вашу плюю. *(Плюет и растирает ногой.)* Видите!..

1-й и 2-й кредиторы *(горячатся, и вместе)*. Как! кому! я... я!..

Варравин *(разнимает их)*. Оставьте, господа. Вы не то. Подавай нам *(стучит костылем)* его имущество!

Кредиторы *(кричат)*. Вот это так! Подавай нам его имущество?!

Тарелкин *(затыкая себе уши)*. Все, все взяла полиция.

1-й кредитор. Стало, и имущество пропало? Это — это катастрофа!!

3-й кредитор *(к публике)*. Ну, я спрашиваю: где же у нас законы?

4-й кредитор *(та же игра)*. Эттто... бес... чест... но!!

2-й кредитор: Ну, пойдемте в полицию, — одно спасение полиция.

Все кредиторы *(кричат)*. В полицию! В полицию!

Тарелкин *(их провожая)*. В полицию! В полицию!

Расплюев *(встает из-за стола и выходит на авансцену)*. Это так, в полицию! Одно спасение полиция!..

4-й кредитор *(простоявши немного)*. Этто... бес... чест... но!!! *(Быстро повертывается и уходит.)*

Тарелкин выпроваживает кредиторов и припирает за ними дверь.

ЯВЛЕНИЕ V

Расплюев и Тарелкин.

Расплюев. Ну-ну. Накутил же этот Тарелкин — прах его возьми... Вот зрелище-то будет, когда эти кредиторы в части сразятся. — Боже мой! Ино так выходит: их куча, а именьишка на два алтына, так они вцепятся в какой-нибудь кусок — да так *(делает жест)* и таскают... Однако Тарелкин этот, стало, прожженная была персона. Ишь ты, умел пожить, умел во-время и дух испустить... Куда б ему таперь? — Не миновать бы беды горючей! И из службы бы выгнали — и раздели бы — и в сибирке бы насиделся. — А таперь что ему: слава богу, лежит себе вверх брюшком и лапочки сложил. Все тихо — все довольны... Даже вон его превосходительство генерал Варравин могилку посетили — ведь почет какой: — этакой вельможа и вдруг соблаговолил бренное твое тело до могилки проводить; — а что тело? — Навоз, потроха одни. Имуществом интересовались; с похорон сейчас со мною в часть; все до ниточки пересмотрели.

Тарелкин. Что ж, искал чего?

Расплюев. Да нет. Я полагаю так, одно воспоминание. У вельмож это бывает.

Тарелкин *(с иронией)*. Стало, сердцем-то очень нежен.

Расплюев. Я полагаю, — так.

ЯВЛЕНИЕ VI

Расплюев, Тарелкин, Варравин.

Варравин *(переодетый входит, в сторону)*. Там ничего нет; — бумаги, стало, здесь! *(Осматривая комнату.)* Непременно здесь.

Расплюев. Почтеннейший, чего вам?

В а р р а в и н. Скажите: неужели Тарелкин так-таки умер?

Т а р е л к и н *(расставляя руки)*. Умер.

В а р р а в и н. Умер? — умер? — скажите, однако, как же так?

Т а р е л к и н. Законом природы и волею богов.

В а р р а в и н *(покачав головой)*. Ай, ай, ай, ай, ай!..

Т а р е л к и н *(присматриваясь к нему)*. Разве вы знали покойного — царство ему небесное.

В а р р а в и н. Как же, знал. Вот свинья-то была.

Р а с п л ю е в. Однако вы, стало, его близко знали?

В а р р а в и н. Ну как же, приятели были.

Т а р е л к и н *(с удивлением в сторону)*. Приятели?!? Это что за птица? Отродясь не видывал.

Тарелкин и Варравин осматривают друг друга.

(В сторону.) Да это жулик какой-нибудь?

В а р р а в и н *(в сторону)*. Что за мошенническая рожа.

Т а р е л к и н *(Варравину)*. Однако, милостивый государь, замечу вам, о мертвых говорить так нельзя.

В а р р а в и н. Ну как же прикажете свинью-то назвать?

Т а р е л к и н. Как вы разумеете?

В а р р а в и н. А вот как: если у вас где-нибудь — в хлеве или подвале — свинья, и так, не большая и не сытая, — но вообще свинья — околеет, — то ведь вы не скажете, что у меня, мол, в подвале человек дух испустил.

Р а с п л ю е в *(хохочет)*. Однако он это хорошо вонзил.

В а р р а в и н. Итак, представьте себе, господин квартальный поручик, что этот подлец Тарел...

Т а р е л к и н. Нет, нет, позвольте.

В а р р а в и н. Что-ооо? — Что позволять-то? Я оскорблен, оскорблен на самом сокровеннейшем дне моей души, а вы мне не даете сколько-нибудь облегчить себя!.. Да кто же вы сами-то — после этого; позвольте спросить? — а?

Т а р е л к и н. Кто я? *(Показывая на Расплюева)*. Вы вот у кого спросите —

Расплюев делает утвердительный жест.

а вы-то кто?

Варравин. Я кредитор покойного.

Тарелкин. Да у него никогда такого кредитора не было!..

Варравин. А как вы, сударь, смеете? — Я — я капитан — капитан Полутатаринов, я — видите? *(показывает хромую ногу)* кавказский герой, — я Шамиля брал.

Тарелкин *(горячится)*. А я все-таки говорю...

Расплюев. Шшшш — господа! не шуметь... *(Варравину.)* Продолжайте.

Варравин. Итак, представьте себе, милостивый государь, этот негодяй, вероятно уже чувствуя, что скоро умрет, назанимал у знакомых денег, вещей, — что только мог — а вот у меня самым предательским образом выманил часы, и превосходнейшие — верите ли, брегет.

Тарелкин *(в сторону)*. Он, бездельник, на меня, как на мертвого, лжет.

Варравин. Взял он у меня эти часы и говорит: в театр, братец, еду; — цепочка есть, а часов-то нет; — одолжи; — я ему по дружбе — верите ли, только по дружбе...

Тарелкин *(в сторону, сжав кулаки)*. Вот ярость! Знать, что врет, и не мочь сказать — ты врешь!.. *(С иронией.)* Ну, и вы ему так и одолжили?

Варравин. Да, и одолжил. И что же он, ракалия и сын всякого ракалии, сделал? Часы взял; сам умер; и я — как рак на мели! А потому и состою его кредитором на сумму двести рублей серебром. — Но теперь где же эти часы? *(Осматривает комнату.)* В полиции их нет; стало, здесь, — непременно здесь. А потому позвольте мне все эти закоулки обшарить; — не засунул ли он их из одной лишь пакости куда-нибудь в щель, или не оставил ли разбойник промеж книг, бумаг, документов. Все возможно! *(Ходит по комнате и осматривает.)* Все возможно!!!

Расплюев. Так! это мое правило: всему верь, ибо все возможно! *(Указывая на дверь.)* Там кое-какой хлам еще остался — посмотрите...

Варравин. Прошу вас на все это наложить строжайший арест.

Расплюев. Вот так уж лишнее.

Варравин. Как?

Расплюев. Да и без того по копейке на рубль не хватит.

В а р р а в и н *(с жаром)*. Так! И не удивлен! Верите ли — какой он был от природы или уже по рождению пройда! Верите ли, что он на то только и бил, чтобы занять и потом естественно, чувствуя, что ему умереть надо, то, следовательно, не отдать. — Всемилосердый господи! Если бы он теперь мне в лапу попался, да я бы его, мошенника, в лапшу искрошил...

Т а р е л к и н *(с негодованием)*. Однако позвольте!

В а р р а в и н *(Расплюеву)*. Верите ли, благородный человек, что по этим обстоятельствам ему неоднократно и в рожу-то плевали.

Т а р е л к и н *(теряя терпение)*. Да это невыносимо.

В а р р а в и н. Вот выносил же.

Т а р е л к и н. Вы, наконец, мое нравственное чувство оскорбляете.

В а р р а в и н. Что-оо? Нравственное чувство? — А это что за настойка? — На каких ягодах? Деликатесы какие? — Нравственное чувство. — Нет — вот он ракалия — так все чувства оскорблял.

Т а р е л к и н. Какие же чувства оскорблял покойник?

В а р р а в и н. Все, говорю вам, все! Зрение, ибо рожа его была отвратительна. Слух, ибо голос его дребезжал, как худая балалайка. Осязание, ибо кожу его по самые оконечности рук покрывал ослизлый и злокачественный пот! Обоняние, ибо от него воняло дохлым мясом.

Т а р е л к и н. Лжете, сударь, никогда.

В а р р а в и н. Пахло, сударь, пахло.

Т а р е л к и н *(отбежав в сторону)*. Да что за сатана такая?!? Откуда навязался?

В а р р а в и н *(Расплюеву)*. Так видите, благородный человек, — все чувства! Все. И этот бандит у кого пронырством, у кого силою...

Р а с п л ю е в *(перебивая)*. Стойте!!. Дело — хитрейшего свойства! Эти приметы, что вы с такою ясностию изложили, приходятся как раз на Силу Копылова.

В а р р а в и н. Как так? Благодетельный человек, что вы говорите?

Т а р е л к и н. Как на меня?.. Как вы смеете? Какое основание? — Где право?..

Р а с п л ю е в *(с важностию)*. Позвольте, позвольте. Вы у меня не ораторствуйте — горла не драть!

В а р р а в и н. Та, та, та! Позвольте, благодетель, позвольте. Мы рассмотрим. А у меня вот предчувствие, что

я свои бумаги, то бишь — часы, отыщу — непременно отыщу.

Расплюев *(подпирается в боки и становится насупротив Тарелкина)*. Первое — лицо. *(Варравину.)* Ну что? — По-моему, лицо, можно сказать, неприятное.

Варравин. Гм! — лицо? Скажите, что это рожа, что это рыло — но лицом — нет, лицом не зовите — вы меня возмущаете!

Расплюев *(та же поза)*. Почти, почти.

Тарелкин. Мало ли непривлекательных наружностей. Это не доказательство.

Варравин. А голос — слышите ли голос.

Расплюев. Худая балалайка — так! так!!.

Варравин. Так, — совершенно так!

Расплюев *(та же поза)*. Вы его как бы Рафаелевой кистью описали.

Варравин *(жмет руку Расплюеву)*. Благодарю.

Тарелкин *(старается говорить басом)*. Позвольте, господа, — позвольте, что за опрометчивость.

Варравин *(взявши его за руку)*. Руки потные и ослизлые.

Расплюев *(в духе)*. Запах?

Подходят оба и нюхают Тарелкина.

Варравин, Расплюев. А чем пахнет?

Расплюев. Будто пресность какая.

Варравин. Да. Но ведь это близко.

Расплюев. Очень близкие признаки. Хитрое обстоятельство.

Тарелкин *(с жаром)*. Однако, милостивый государь: не угодно ли принять на вид более фундаментальные приметы. *(Варравину.)* Что вы воздухом и запахом стали доказывать! *(Расплюеву.)* Покойный Тарелкин имел прекрасные волосы и превосходнейшие зубы; — а я — как видите, и без волос *(показывает совершенно лысую голову)* и без зубов *(открывает рот)* а... а... а... а...

Расплюев. Ну вот это так — это так!.. Молодец, Сила Силич, срезал. *(Варравину.)* Что, милостивый государь? Стало, домой идти.

Варравин. Нет, — я иду далее и говорю: дайте ему волосы и дайте ему зубы... и тогда...

Р а с п л ю е в. Э... э... Капитан — зарапортовался. Ни, ни. Воспрещено и воспрещаю!.. Волосы и зубы в паспорте стоят, их, брат, колом не выворотишь, — а Антиох Елпидифорыч так говорит: их и царь не дает — их, говорит, дает природа... Да...

Т а р е л к и н *(берет его за руки)*. Прекрасно сказано!..

Кланяются и жмут руки.

Скажу более: их дает бог!..

Р а с п л ю е в *(в форсе)*. Го, го, го *(поднимает палец)* — высоко пошло!

В а р р а в и н *(несколько сбитый)*. Что ж? Может быть; может быть. Однако мы вот тово *(ищет)* — авось-либо господь бог и поможет... как бы этого право... *(Открывает комод.)*

Т а р е л к и н *(подбегая)*. Как вы, сударь, смеете здесь рыться?

В а р р а в и н. Ба, ба, ба! *(Вытаскивает из комода парик и зубы.)* А это что?

Р а с п л ю е в *(смотрит с удивлением.)* Парик и зубы!

Т а р е л к и н *(бросаясь на него)*. Как вы можете...

В а р р а в и н *(увертываясь)*. Да это не те ли, которые в паспорте стоят. — Ха, ха, ха...

Р а с п л ю е в. Ха, ха, ха... Казусная штука... Что ж нам делать?

В а р р а в и н. А что делать — взять да на него и напялить.

Р а с п л ю е в. Прехитрое обстоятельство — согласен!..

В а р р а в и н. Милостивец, соблаговолите. *(Ставит стул)*. Пожалуйте.

Т а р е л к и н. Что за вздор — что за глупые шутки — я не хочу...

Р а с п л ю е в. Ну мы подержим. *(Берет Тарелкина и сажает силою на стул.)* Вот так! *(Варравину, держа Тарелкина на стуле.)* Пожалуйте, батюшка, полотенце.

В а р р а в и н. Вот, благодетель, вот. *(Подает ему полотенце.)*

Р а с п л ю е в *(крутит ему руки за спинку стула)*. Мы подержим, мы подержим.

Т а р е л к и н. Ой, ой, ой, легче!

Варравин *(надевает и поправляет на нем парик)*. Как мы ему только зубы-то вставим?

Расплюев. А ничего. Вы ему рот-то пальчиком раскройте — ведь сами видели — не укусит.

Варравин *(оперирует)*. Именно, благодетель, не укусит.

Расплюев. А как уже вставите, то имейте осторожность — потому уже укусит.

Тарелкин произносит неясные звуки в то время, когда Варравин вставляет ему зубы.

Варравин *(отходит и осматривает Тарелкина)*. Боже мой! — Что это?! Я глазам своим не верю!

Расплюев. Что, что, что такое?

Варравин. Да это Тарелкин!!.

Расплюев *(в страхе)*. Неужели? — Как Тарелкин; да вы его верно знали?

Варравин. Как свои пять пальцев.

Расплюев. О ужас! стойте! знаете ли, что Тарелкин умер, несомненно умер и мною в землю зарыт; — генерал Варравин похороны справлял — сомнение невозможно!

Варравин. Да это он! — я вам говорю — он!..

Тарелкин. Ну полноте, господа, — прошу вас; — ну развяжите мне руки — прошу. — Ну что же? — ну случайное сходство.

Расплюев. Да, да — стало, действительно случайное сходство.

Варравин. Однако мой вам совет — этого субъекта не выпускать и аресту подвергнуть.

Тарелкин *(стараясь высвободить руки)*. Как вы можете? Осмельтесь только — голова ваша не уцелеет.

Варравин *(Расплюеву)*. Превосходно бы сделали. Я, батюшка, сам служил. Бывало, мимо меня никому ходу не было. Туда его, и кончено... и потому я могу сказать, положа руку на сердце *(кладет руку на сердце)*: мимо меня ни одна бестия не проскочила. *(Расплюеву.)* Спросите у него вид.

Расплюев. Подайте вид.

Тарелкин. Сделайте одолжение — вот мой вид на столе.

Варравин *(передавая Расплюеву вид)*. Вот он — смотрите. *(Расплюев читает.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Качала с пакетом в руке.

Качала *(подавая Расплюеву пакет)*. Ваше бродие, из части бумага.

Расплюев *(Качале)*. Погоди. *(Варравину.)* Нет, это так. *(Указывает.)* Отставной надворный советник Сила Копылов. Так... Верно!.. *(Принимая пакет от Качалы.)* Давай сюда из части бумагу. *(Распечатывает и читает.)* Что это? Что такое? Не пойму! *(Читает.)* Никак не пойму. *(Читает.)* Описать имущество проживавшего в третьем квартале скоропостижно умершего надворного советника Силы... Силы... Коп... Коп... Ко-пы-ло-ва!!. *(Смотрит на всех.)* Что?... а?... что!

Качала. Ён, ваше бродие, помер.

Расплюев *(кричит)*. Что? а?

Качала *(кричит)*. У Шлиссельбурхе помер. Как жил, так и помер.

Расплюев. Да вот он, сидит на стуле!!!

Качала. Не могим знать, ваше бродие.

Варравин *(в сторону, хлопнув себя по лбу)*. А-а-а — мошенник, — это он!!! — *(Расплюеву.)* Берегитесь!.. это... эт-то ужасно!!!

Расплюев *(жмется к Варравину)*. А что? а?.. я ничего не понимаю.

Тарелкин рвется на стуле и старается освободиться. Расплюев наталкивает на него Качалу.

Держи, держи его, бездельника!..

Качала упирается, Расплюев берется за бумаги. Варравин тоже читает.

Нет сомнения. Копылов умер. Умер от апоплексии! Умер в деревне Разгильдяевке, взрезан и в землю зарыт!!. *(Хлопает по бумаге.)*

Варравин. Ужасно!

Расплюев. Таперь опять это. Тарелкин умер! Умер — и мною!! — *(бьет себя в грудь)* мною в землю зарыт!!! Таперь этот-то: кто же он?!!

Варравин. Стойте! Я знаю, кто он! Это... это величайшая опасность жизни.

Расплюев *(оробев)*. Что вы говорите?

Качала *(тоже робея)*. С нами хрестная сила!

Варравин. Слушайте меня, но только крепитесь.

Расплюев крепится.

Знаете ли вы, что такое вуйдалак?

Расплюев. Нет.

Варравин. Вудкоглак?

Расплюев. Нет.

Варравин. Упырь?

Расплюев. Нет.

Варравин. Мцырь?

Расплюев. Нет! Нет! Нет! — но вижу — ужасно!!.

Варравин *(показывая на Тарелкина)*. Видите ли — во-первых, он уже мертвый.

Расплюев *(смущенно)*. Понимаю.

Варравин. Похоронен и в землю зарыт.

Расплюев. Понимаю.

Варравин. Но, естественно, он хочет жить.

Расплюев. Естественно.

Варравин. И что же — он покидает теперь свое жилище, могилу — там что, — и ходит.

Расплюев *(вздрагивая)*. Бррр...

Варравин. Но питаться злаками или чем другим не может, ибо это уже будет пищеварение; а какое же у него там, черт, пищеварение; а потому и питается он теплою... человеческою крррровью — потому готовое кушанье.

Расплюев *(хватает себя за голову)*. О боже мой! — это... это целый ад... *(Подходит к авансцене.)* Верите ли, моррроз так по всем жилам и дерет.

Варравин *(подходя в это время тихо к Тарелкину)*. Теперь, змея, ты у меня в руках!..

Тарелкин *(с ужасом)*. Варравин!!.

Варравин *(шипит)*. Я-я-а-а-а!!. *(Тем же ходом, берет стул и ставит его перед Расплюевым.)* Теперь садитесь.

Расплюев садится.

У него, стало, хобот.

Расплюев. Фу а!!!

Варравин. Хобот как жало скорпиона и крепости адамантовой.

Расплюев. Фу а! бррр!..

Варравин. Подкараулив теперь вас, он избирает в голове вашей место *(выбирает у него в голове место)*, да хоботом-то как кокнет *(кокает Расплюева по голове ко-*

стылем). Ну, стало, и этим самым повергает вас в беспамятство — понимаете, в беспамятство

У Расплюева занимается дух, он делает знак, что понимает.

и начинает он из вас сосать... сосать... крррровь сосать...

Тарелкин с отчаянием рвется.

Расплюев. Ай, ай, держи!

Качала *(жмется к Расплюеву).* Ух, ух!..

Варравин *(бросается к Тарелкину и затягивает ему руки. Тихо).* Отдай, злодей, мои бумаги!

Тарелкин. Не отдам!!.

Варравин *(затягивая ему крепче руки).* Берррегись! *(схватив шляпу и костыль, поднимает руки кверху; и вслух)* — боже праведный! Упаси мои косточки.

Расплюев *(ухватываясь за него).* Стойте — стойте, я вас не выпущу.

Варравин *(указывая на Тарелкина).* Держите его — берегите, — это птица редкая; — со дня сотворения мира не было!.. Какая честь, полиции честь — вам честь!

Расплюев. Не оставляйте нас.

Варравин *(уходя).* Вам крест — непременно крррéст!!!

Расплюев *(уцепившись за Варравина).* Нет, нет — я вас не выпущу!!.

Варравин *(рвется).* Не имеете права!..

Расплюев *(его держит).* Имен... именем полиции вам приказываю... Качала! Шатала! — Сюда! Съаркань ты мне этого зверя — съаркань!! Я ему первый допрос при вас вкачу.

Качала и Шатала накидывают на Тарелкина петлю.

Крути его! крути!

Они крутят.

В мою голову крути! Еще!..

Тарелкин. Ох, ох, — разбойники — что вы?

Расплюев. Ага — голос подал! — Говори, анафема, — кто ты?

Тарелкин *(в сторону).* Пропала моя головушка... *(Опускает голову.)*

Расплюев. Ну же, говори.

Тарелкин. Что мне говорить? — Я вам говорил — я Копылов.

Расплюев. Врешь, адская душа! Он умер. Вот бумаги — умер, выпотрошен и в землю зарыт! *(Качале.)* Крути!..

Тарелкин. Ой-ой-ой, — ну, я Тарелкин — ой, Тарелкин!

Расплюев *(с силою).* Врешь — Тарелкин — сам генерал Варравин — что ты, анафема, морочишь. *(Качале.)* Крути!

Тарелкин *(кричит).* Ай, батюшки, ай... я... я... оба.

Варравин *(Расплюеву).* И оба мертвые.

Расплюев *(хватая себя за голову).* Это, это ужасно! *(Вдруг вскакивает.)* Цепей и кандалов!!. Тут преступление!.. Нет, — нет, тут два преступления!

Варравин *(подхватывая).* Нет, тут три преступления!.. *(Поднимает высоко шляпу.)* К начальству!.. Да!..

Расплюев *(также махая шляпою).* Так!! К начальству!!

Схватываются с Варравиным под руки и стремительно выбегают вон, махая шляпами; — за ними Качала и Шатала тащат Тарелкина, прикрученного веревкою к стулу.

Занавес опускается.

Перемена декораций. Частный дом. Зал. Столы. Прямо против зрителя вхожая дверь. Направо дверь в темный коридор. Налево дверь в присутствие.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Ох сидит у стола, перед ним стоит графинчик. Расплюев.

Расплюев *(вбегая).* Где частный пристав? Где?

Ох. Я здесь, здесь.

Расплюев. Ччч... честь имею явиться.

Ох. Ну.

Расплюев. Я вне себя.

Ох. Как?

Расплюев. Я весь в воспалении.

Ох. Говори, что.

Расплюев. У нас в квартире жили двое.

Ох. Ну?

Расплюев. Как следует жили, умерли и в землю зарыты.

О х. Ну, — туда их!..

Расплюев. Двое эти один! — и этот один жив?!.

О х *(плюет)*. Вот всегда так соврет, что как обухом по лбу.

Расплюев. Есть воля ваша.

О х. Да ты, может, натощак так врешь; — так вон выпей водки. *(Наливает ему водки.)*

Расплюев *(с жаром)*. Что водка? — Меня выше водки подняло.

О х *(пьет)*. Выше водки?! — стало, действительно необыкновенное дело! *(Встает.)*

Расплюев *(с возрастающим жаром)*. Со дня сотворения мира не было!

О х. Рассказывай.

Расплюев. Извольте себе представить. Выходец с того света — оборотень, вуйдалак, упырь и мцырь — взят!.. Мною взят! Я весь в воспалении.

О х. Да где же он взят?

Расплюев. На квартире умершего Тарелкина и умершего Копылова.

О х. Откуда же этот оборотень явился?

Расплюев. Из земли вырос, — с неба свалился, из двух мертвых один живой вылупился; — теряюсь; — помрачился ум; — как в тумане хожу.

О х. Да где же он. — Заарестован?

Расплюев. Здесь — скручен канатом и взят! Вот тут — вон *(указывает)* в секретной и сидит!.. Можете представить эту честь — мне честь — полиции честь — награды — кресты...

О х. Да ты, кажется, спятил.

Расплюев. Я взял — я! — При сильнейшем сопротивлении *(бьет себя в грудь)* с опасностью жизни!..

О х. Сядь.

Расплюев *(вышедши на авансцену)*. Я Шамиля взял!!!

О х *(толкает его на стул)*. Сядь, говорю, ты угорел!

Расплюев *(вскакивает)*. Крррест мне — кррpест — георгиевский...

О х *(прерывая его)*. О, проклятый болтун! ступай к черту! *(Высовывает его в дверь.)*

Расплюев *(в дверях)*. Это мое убеждение!..

Ох захлопывает дверь.

ЯВЛЕНИЕ IX

Ох (один).

Ох *(думает)*. Стало, действительно, что называется, казус!.. Жили двое *(думает)* — оба умерли — убиты, что ли? Явился один — и этот один жив — черт возьми — даже лоб трещит! — Гм! — такая досада... ничего от него толком не отберешь... *(Думает.)* Как бы мне его в резон ввести — а... постой! *(Вывертывает ручку из половой щетки.)* Вот так хорошо будет... *(Отворяет дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Ох и Расплюев.

Расплюев *(вламываясь)*. Это... это мое убеждение *(бьет себя в грудь)*, крррест...

Ох *(грозя палкой)*. А это видишь! — Если я тебя промеж плеч ею двину, то твое убеждение *(показывает на потолок)* вон куда вылетит.

Расплюев *(стихает)*. Ну, это другое дело... *(Косится на палку.)* Это другое дело...

Ох *(строго)*. По службе, черт возьми!.. Знаешь! — Руки по швам!..

Расплюев вытягивается.

Докладывай начальству. *(Опирается на палку. Поза.)*

Расплюев *(руки по швам)*. Сего числа и дня арестован мною бродяга, беспаспортный вуйдалак, при сильнейшем сопротивлении... *(оживляясь)* с опасностью жизни... *(Бьет себя в грудь.)*

Ох *(подымая палку)*. А это?

Расплюев. Что ж? — Человека обидеть можно... *(Докладывает.)* Арестовав, имею честь представить.

Ох. Снабжен ли видом?

Расплюев *(подавая бумаги)*. Извольте усмотреть — вид умерший.

Ох *(рассматривает бумаги)*. Да; так! — Смотри, чтоб не ушел.

Расплюев. Все предосторожности взяты. Изначала я ему хитростию схватил рученьки, да полотенчиком и затянул; а потом съарканил; да так закрутил, что заревел; — при всей лютости, — а заревел.

О х *(помахивая палкою)*. Так так! Хорошо!

Расплюев *(сторонясь от палки)*. Ваше высокородие — вы ее положите.

О х. Кого ее?

Расплюев. Да вот барышню-то.

О х *(отдавая ему палку)*. Ты разве с нею знаком?

Расплюев *(ставит палку в угол)*. Ну, не то что знаком, а видал; а если и издали видал, то — верьте слову — для чувствительного человека и этого довольно.

О х. Так это его имущество досматривал генерал Варравин?

Расплюев. И его — и не его. Потому этот вуйдалак таперь на две половины разбился — одна выходит Тарелкин, а другая Копылов.

О х. Что-о-о? Откуда ты этой белиберды набрался?

Расплюев. По учиненному дознанию. Свидетельское показание имею, что чиновники эти не померли, — никогда, а самым жесточайшим образом засосаны насмерть!!.

О х *(с удивлением)*. Засосаны насмерть?!! — Как так?!.

Расплюев. Так точно. По этой части сведения собраны мною в полнейшем виде.

О х. Говори.

Расплюев *(ставит стул)*. Извольте сесть; я вам объясню в подробности. *(Усаживает Оха и становится против него)*. Изволите видеть: во-первых, у него хобот — хобот длины необычайной, — на конце хобота сосок, — сосок как жало скорпиона и крепости адамантовой. Таперь кой скоро жертву свою он заприметит, то он с крайнею лютостию хобот этот и выпустит — в рукав или в платок носовой — это все одно — и медленно, медленно избирает в голове вашей место *(ищет)*, надо бы мне что-нибудь твердое. *(Осматривается.)*

О х. Да вон палка.

Расплюев. Именно, ваше высокородие, палка! *(Берет палку. В сторону.)* Постой, старый черт, я тебя по плеши-то съезжу... *(Вслух.)* И избирает он в голове вашей самое слабое место, да вдруг как кокнет. *(Кокает его по голове.)*

О х. Ай!

Расплюев. Ну — уже и начинает с необычайной свирепостью сосать!.. кррровь сосать до самой смертной кончины!!

Ох (*трет себе голову*). Однако это довольно явственно.

Расплюев. Ну как же. Мне вот так-то капитан Полутатаринов два раза толковал и обещался к следствию явиться; я, говорит, это самое и при следствии покажу. Стало, такой уж обязательный человек. Он меня с арестантом даже вот сюда, до самой части проводил; берегите, говорит, — штука редкая; — со времени сотворения мира не было, чтобы полиция и оборотня взяла.

Ох. Гм! Н-да, две смерти, обе скоропостижные; — неизвестное лицо — оборотень ли, вуйдалак ли, то ли, сё ли, а все-таки следствие; — стало, тут кроме добра ничего нет.

Расплюев. Капитан этот говорит так: что больших награждений ожидать надо; — так уж сделайте милость, скорее доложите начальству — потому злейший преступник — я ни за что не отвечаю.

Ох. Разумеется, доложить начальству, без него далеко не уедешь!

Расплюев. Так вот и извольте объяснить ему, что, мол, ваше превосходительство, подчиненный мой, исправляющий должность надзирателя, Расплюев самолично взял, представил в часть с опасностью жизни — при сильнейшем сопротивлении — этакое исчадие природы — лютейшего злодея.

Ох. Ну можно и так доложить: более, мол, происходит от тщания в выборе подчиненных, которым, мол, в таком случае ничего более не остается делать, как исполнять свои обязанности.

Расплюев. Как вам будет угодно.

Ох. Конечно, брат, как мне будет угодно. Давай шляпу и шпагу. Еду сейчас к начальству.

Качала (*входит*). Ваше высокородие — действительный статский советник Варравин.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Варравин.

Варравин. Что такое, — я слышу, у вас необыкновенное происшествие?

Ох. Точно так, ваше превосходительство.

Варравин. Арестовано будто какое-то таинственное лицо и с большим шумом.

О х *(нерешительно)*. Мы сами в недоумении.

В а р р а в и н. Что же?.. Сверхъестественное?..

О х. Стало, сверхъестественное, ваше превосходительство, — ведь бывает?

В а р р а в и н *(утвердительно)*. И скажу вам, часто бывает. Вот теперь касательно оборотней и вуйдалаков, это несомненно. С ними одна трудность — это его схватить да взять.

Р а с п л ю е в *(хлопнув руками)*. Вот оно! — Ваше превосходительство! — Благодетель! Отец! Взял, ей-богу взял, при сильнейшем сопротивлении *(бьет себя в грудь)*, с опасностью жизни.

В а р р а в и н. Неужели!.. Это удивительный факт; расскажите.

Р а с п л ю е в. Вашему превосходительству известно, что служивший при вас чиновник Тарелкин помер и совершенно законным образом в землю зарыт. Сами давеча присутствовать изволили?

В а р р а в и н. Ну, как же, при мне, в моих глазах!..

Р а с п л ю е в. Проживавший на той же квартире чиновник Сила Копылов опять одновременно и скоропостижно умер!!. *(Поднимает палец.)*

В а р р а в и н. Тссс... и этот умер! — Что ж, действительно умер?..

Р а с п л ю е в. Помилуйте, — не только умер, а его еще взрезали, кишки выпустили, опять зашили, а там такую ему в брюхе смятку сделали, что он ее до второго пришествия не раскусит. Так это уже не смерть, а шабаш!..

В а р р а в и н. Действительно, шабаш.

О х. И что же, ваше превосходительство, — на квартире этих померших чиновников полиция по своей деятельности открывает...

Р а с п л ю е в *(перебивая Оха)*. Нет, я, ваше превосходительство, — я открываю.

О х *(строго Расплюеву)*. Полиция — говорю я вам!

Р а с п л ю е в *(жалобно)*. Я, ей-богу я! Ваше превосходительство, что же они у бедного человека последний кусок хлеба отымают.

В а р р а в и н. Оставьте его рассказывать.

Р а с п л ю е в. Открываю я третьего, неизвестно кто, неизвестно откуда. Дознаю; — оказывается, что это жесточайший злодей, вуйдалак, который для собственного

пропитания — обоих этих чиновников засосал насмерть!! Что же мне тут делать?

Варравин. Вы его и арестовали?

Расплюев. Ваше превосходительство: — как Суворов Прагу — штурмом взял! Сопротивление было жесточайшее, но к моему благополучию случился тут капитан Полутатаринов, кавказский этакой герой, который сам Шамиля брал; человек неустрашимый — он мне и помог. Он-то, знаете, необычайно опытен и благоразумен, ну а я человек простой — стало, горяч. Я-то рвусь, а он-то меня держит и говорит: — вещь единственная, вы, говорит, в истории будете; — крест дадут. — Он все знает, — ученый этакой муж.

Варравин. А-а-а — так он ученый?

Расплюев. Помилуйте: зеленые очки — вот какие, как фонари, так и горят. Сейчас видно — профессор.

Варравин. Ну, Расплюев, молодец! — Редкий случай. Вот что дорого: взял и не выпустил.

Расплюев. Ваше превосходительство, зубами держал. Ей-богу! — Пропадай, мол, мое все; лишь бы начальство было довольно.

Варравин. Да это геройский поступок.

Расплюев. Уж как вам угодно судите! Вот вам моя голова — вот и плечи.

Варравин. Что же вы хотите теперь делать?

Ох. Еду к начальству.

Варравин. Гм.

Ох. Все это происшествие донесу в подробности.

Варравин. Гм.

Ох. Пускай оно само и распоряжается.

Варравин. Гм... Стало, вы хотите такой редкости себя лишить и свое счастие отдать другому...

Расплюев *(перебивая его)*. Помилуйте, что вы?

Ох. Нет не хотим.

Варравин. Как же? Так я вас не понимаю. Ведь тут следствие, — неизбежное следствие.

Ох. Точно так.

Варравин. Ну, стало, начальство и распорядится; оно и пришлет вам на шею какого-нибудь амура по особым поручениям в манжетах, вот от которого фиалками-то пахнет — знаете?

Ох *(вздыхает)*. Знаю, ваше превосходительство.

Варравин. Вы у него в передней сидеть и будете. Хватали-то вы, — а схватит-то он. Вы как думаете?

Ох *(вздыхая)*. Бывало, ваше превосходительство.

Варравин. Для дурачков и будет!.. Этих случаев, сударь, веками дожидаются. Это всякому лакомый кус. Тут награды, кресты, чины.

Расплюев. Ну так! Вот слово в слово, что говорил капитан Полутатаринов.

Варравин. Да всякий то же скажет.

Расплюев *(складывая руки)*. Отец, отец, научите, что делать?

Варравин *(наставительно)*. А по началу не шуметь. Дело держать в секрете. — Понимаете?

Ох. Понимаю.

Расплюев. А-а-а-а!..

Варравин. Донесите легонько, — оказалось-де лицо: вида — подозрительного; — происхождения — неизвестного; — паспорт — фальшивый; прикажут произвести исследование — вы и следуйте; начинайте с маленьких да меленьких — тихонько да легонько, а там и развивайте, и подымайтесь выше да шире, шире да выше, да когда разовьется да запутается — так тут и лови! — Только хватай да руки подставляй; любое выбирай: хочешь честь или хочешь есть.

Расплюев *(в восторге)*. У-у... слова! — Золотые слова!!.

Ох *(тоже увлекшись)*. Верно судить изволите.

Варравин. А сначала себя не продавать; никак! Главное, слушайте меня. *(Понизив голос и отводя их в сторону.)* Опасайтесь воды.

Ох. Воды? как воды?

Варравин. Да! вода имеет для этих злодеев разрывную силу; никакие замки и кандалы не стоят, — и может случиться несчастие... уйдет!..

Расплюев. Нет, уж лучше я лягу да умру!

Варравин. А потому не давать воды ему ни капли.

Расплюев. Слушаю. Вот как, ваше превосходительство! — Маковой росинки во рту не будет.

Варравин. Так. Тогда он не могши по своей натуре умереть — постоянно будет в томлении.

Расплюев. Так его в томлении держать и буду!..

Ох. Однако, ваше превосходительство, долго ли держать его в томлении?

Варравин. Там видно будет.

Расплюев. Да о чем вы, Антиох Елпидифорыч, беспокоитесь? Качай его, злодея, да и только. Вы прикажите мне — я заморю.

Варравин. Молодец, ей-богу молодец.

Расплюев *(кричит)*. Рады стараться, ваше превосходительство.

Варравин *(хлопает его по плечу)*. Молодец! А я с своей стороны обещаю вам в этом принять участие и устроить так, что самое это следствие будете производить вы да он, и никто более. Понимаете?.. Прощайте!

Ох и Расплюев низко кланяются.

Надо начать с малого и кончить торжеством!.. *(Уходит.)*

Ох и Расплюев подобострастно его провожают.

ЯВЛЕНИЕ XII

Ох и Расплюев.

Ох *(в духе)*. Ну, Расплюев, исполать! Необычайную ты вещь удрал.

Расплюев *(в восторге)*. דединьки мои! Дединьки, отведите мою душеньку! Так все нутро и ходит; — то замрет — а то опять вспыхнет... Что сказал? Генерал-то что сказал!.. Ушам не верю!.. Ну, если мне крест-то дадут?!!

Ох. Да ты знаешь ли еще, какую следователь власть имеет?

Расплюев *(несколько будто приуныв)*. Нет, не знаю я, какую следователь еще власть имеет!

Ох *(внушительно и редко)*. Следователь может всякого, кто он ни будь, взять и посадить в секрет!..

Расплюев *(начинает перебирать плечами)*. Здрррр...ааствуй, милая, хорошая моя — чернобровая... похожа на меня. *(Зло проходится трепаком; в финале кричит.)* Ура!!. Все наше!.. Всякого теперь могу взять и посадить в секрет... Понимаю... Понимаю! Вот что, Антиох Елпидифорыч, такую бы я задал им переборку...

Ох. И зададим...

Расплюев. По первому разу купца Попугайчикова за ворот и туда!.. Уж очень у меня на этого Попугайчи-

кова руки чешутся; потому, подлец, всякую совесть потерял; и в ус не дует. Вы ему приказывать изволили, а он смеется. Нет, говорит, шалишь; прошло ваше время! А в чем же, Антиох Елпидифорыч, наше время прошло?

Ох *(подстегивая шпагу)*. Врешь, купец Попугайчиков, не прошло еще наше время!..

Расплюев подает ему треуголку — оба выходят в необычайном духе.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната частного дома.

ЯВЛЕНИЕ I

Расплюев (один).

Расплюев *(кладет на стол бумагу)*. Великий день! *(Хлопает по бумаге.)* Вот и предписание!.. Я следователь, я!.. Строжайшее следствие буду производить я!.. Подробнейшее розыскание произведу я. Все мышиные норки, все лазейки буду выворачивать наружу — я. Гм... а давно ли по этим лазейкам и норкам сам я свету божьего бегал... вот этих петличек *(указывает на свои петлички)* дрожал — а теперь меня дрожать будут!.. Раболепствовать будут!..

ЯВЛЕНИЕ II

Расплюев; входит Ох.

Ох. Ну что ты?

Расплюев. Да так, Антиох Елпидифорович, удостоился вот чести, звания — так рассуждаю...

Ох. То-то рассуждаю, — ты у меня смотри... своего места не забывать! *(Грозит ему пальцем.)* Понимаешь?!

Расплюев. Помилуйте! — Никогда.

Ох. Я тебе говорю, — у меня одно: деятельность и повиновение — повиновение и деятельность, только и знай.

Расплюев. Слушаю, Антиох Елпидифорович.

Ох. Другие, пожалуй, требуют еще преданности. Ну, преданности мне не надо. Потому если я тебя из службы выгоню да с голоду уморю — так ты мне предан будешь.

Расплюев. Это так, это точно так. Я завсегда говорю: палка хорошо — уж как хорошо; ну голод, по-моему, лучше. Голодом вы все сделаете; голодом вы и сердце тронете.

Ох. Трону.

Расплюев. Я вам про себя скажу. Отчего я человеком стал? Голод пронял. Доложу вам — желудок мой особой конструкции: не то что волк, а волкан, то есть три волка. Он каши-то меру просит, а ему подают наперсток; — вот я и взалкал. Да как взалкал,. — до исступления. Хожу по улицам да зубами и щелкаю... буду, мол, усерден, буду и ревностен; — только душу-то вы мою, святые угодники и архистратиги, из этого ада изведите... Вот они меня и извели да к вам и пристроили.

Ох. Ну — то-то, у меня смотри.

Расплюев. Вы видите — собою жертвую, с какого побоища вуйдалака доставил.

Ох. Ну, — ты его допрашивал?

Расплюев. Упражнялся.

Ох. Ну что ж?

Расплюев. Сначала вертелся — а потом и сознался. Умер, говорит, а теперь опять живу. Потом опять говорит — умереть рад, но не могу.

Ох. Что же — и он это чистосердечно говорит?

Расплюев. Помилуйте, как же не чистосердечно: ведь другой уж день не поим, так тут всякое чистосердечие наружу полезет. Наконец показал, что их целая шайка.

Ох. Стало, заговор.

Расплюев. Я вам докладывал и теперь докладываю: меры строгости потребны, хватать надо.

Ох. Скоро едешь.

Расплюев. Однако — когда сам арестант показывает: целая, говорит, партия — будто и генерал Варравин тоже из оборотней.

Ох. Что ты говоришь!

Расплюев. Ей-ей показывает. Был, говорит, змеею. Жало при себе имеет и яд жесточайшей силы. Вы, говорит, его освидетельствуйте; — генерала-то...

Ох. Ну что же?

Расплюев. Будем свидетельствовать, ха, ха, ха!

Оба хохочут.

Все наше! Всю Россию потребуем.

Ох *(весело смеется и машет руками)*. Что ты, что ты!..

Расплюев. Я-а-а таперь такого мнения, что все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей, и я всякого подозреваю; а потому следует постановить правилом; — всякого подвергать аресту.

Ох. Еще бы!

Расплюев. Да-с. Правительству вкатить предложение: так, мол, и так, учинить в отечестве нашем поверку всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли? Нет ли при них жал или ядов. Нет ли таких, которые живут, а собственно уже умерли, или таких, которые умерли, а между тем в противность закону живут.

Ох. Пожалуй и оказалось бы.

Расплюев. Вот так пошла бы ловля!.. С одних купцов что можно взять!..

Ох. Не хуже бы холеры было.

Расплюев. Что холера? — Что вы говорите: холера. Холера болезнь, и то вона какую жатву доставила — по сей час поминают; — а здесь оборотни, сосуны, вуйдалаки, то есть преступление: Сибирь и кандалы.

Ох. А затребовал ли ты помещика Чванкина по поводу переписки с арестантом?

Расплюев. Непременно.

Ох. Хорошо. А купца Попугайчикова?

Расплюев. Тронул. — Явится.

Ох. Свидетели тут?

Расплюев. Кое-кто явился.

Ох. Ну начинай! Да ты смотри — правило: при допросах ничему не верь.

Расплюев. А я вот на это слаб: всему верю.

Ох. Не верь, говорю. Я вот как: приди ты и скажи, вон, мол, Шатала пришел; так что ж? — ведь я не поверю; я пойду и посмотрю.

Расплюев. А я не так. Вы мне вот скажите, что вон его превосходительство обер-полицимейстер на панели милостыню просит — ведь я поверю. Взять, мол, его! — Я так за ворот и сгребу.

Ох *(машет руками)*. Обера-то! Что ты, что ты!..

Расплюев. Не могу. Нрав такой.

Ох. А ты себя сдерживай.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, входит Крестьян Крестьянович Унмеглихкейт.

Крестьян Крестьянович. А а... а... Антиоха Елпидифорыч — это... это у вас арестанта больна... тоскуй!..

Ох. Да, у него что-то в желудке; этакое — томление...

Крестьян Крестьянович. Это страданий спинной мозга.

Ох *(иронически)*. Ну так!!. *(В сторону.)* Попал пальцем в нёбо.

Крестьян Крестьянович. Эта спинной мозга близка эта шелюдка. Спинной мозга воспалений, ну и шелюдка воспалений. Как пошар, так пошар. Ево надо водолечений.

Ох и Расплюев *(машут руками)*. Что вы, что вы, Крестьян Крестьянович, совсем уж спятили; мы свои головы потеряем.

Крестьян Крестьянович. Мой голофа никогда теряй.

Ох. Ни, ни. Никак!..

Крестьян Крестьянович. Я вам гавару — польза будит.

Ох. Запрещаю.

Крестьян Крестьянович. Не имейте какой праф. Я доктор.

Ох. А я следователь — и имею секретнейшие причины.

Крестьян Крестьянович. А ну это дело десятый. Может быть, ошень фажный преступник.

Ох. У — вот какой.

Крестьян Крестьянович. Политический.

Ох. Больше.

Крестьян Крестьянович. Что ж, больши политический преступник?

Ох. Мцырь.

Крестьян Крестьянович *(содрогнувшись).* Шерт возьми! — Што такая, Антиох Елпидифорыч? — мой не знай.

Ох. И дай бог никогда не знать.

Крестьян Крестьянович. Это — это фрей масон?

Ох. Хуже; а главное зловреднее.

Крестьян Крестьянович. Ай, ай, ай, — ну, батушка, я ему микстур писуй.

Ох. Нельзя.

Крестьян Крестьянович. Ну — пилюлька.

Ох. Пилюльку можно.

Крестьян Крестьянович. Што такой ему писуй... *(думает)* ну Salis... Salis... нет, нет... *(думает)* ну Extractum... Extractum... нет, нет — ну assa foetida — это такой — я ему хочит Тейфельсдрек, это... навоз! — Да, шертово навоз!!.

Ох. Ну и чудесно. Если чертово, то ему по нутру придется. А дело в том, Крестьян Крестьянович, вы пропишите так, чтобы на случай видно было, что медицина свою помощь подала.

Крестьян Крестьянович. А — карашо, — карашо.

Ох. Ну а там, что выйдет, ведь она за это не ответствует.

Крестьян Крестьянович *(с особенным убеждением).* О нет!.. Никогда медицин отвечай... никогда!.. Никогда. *(Уходит.)*

Ох *(Расплюеву).* Ну, Иван Антонович, начинай.

Расплюев *(кричит в канцелярию).* Эй, Ванечка, сюда!..

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Ванечка с бумагами входит и садится за особый стол.

Расплюев. Ты смотри у меня, рассобачий сын, не зевать; — слòва — и того не проронить? — грошей не собирать — а то я тебя!.. Эй, Качала! Кто там явился?

Качала. Мещанка Брандахлыстова, ваше бродие.

Расплюев. Ну, давай сюда Брандахлыстову.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, входит Людмила Спиридонова.

Расплюев *(Людмиле)*. Как звать?

Людмила *(робко)*. Ась!

Расплюев *(кричит)*. Как звать?

Людмила. Людмилой, сударики, Людмилой Спиридоновой.

Расплюев. Ну, ты, Людмила Спиридонова, Силу Копылова знала?

Людмила. Знала.

Расплюев. А Кандора Тарелкина знала?

Людмила. Нет, не знала.

Расплюев. Ну, таперь тебе Силу-то Копылова оказывали? — Ты его видела?

Людмила. Видела.

Расплюев. Признаешь ли ты его?

Людмила. Признаю.

Расплюев. Ну, стало, это он?

Людмила. И он, сударики, и не он.

Расплюев *(Оху, значительно)*. Вот оно! *(Ванечке.)* Пиши.

Людмила *(продолжает)*. Его как звать-то?

Расплюев. Сила Силин Копылов.

Людмила. Ну он.

Расплюев. А с виду?

Людмила. А с виду не он.

Расплюев *(Оху)*. Вот оно... Прикажите записать.

Ох. Непременно. *(Ванечке.)* Пиши.

Расплюев. Хорошо, кумушка. Теперь вот что: имеем мы на Силу Копылова подозрение, что он оборотень.

Людмила. Оно, сударики, можно; от него, все станется. Ономнясь своих детей не признал; подлец человек — стало, все станется.

Расплюев. Ты с ним жила?

Людмила. Жила.

Расплюев. Ну что, он оборачивался?

Людмила. Завсегда.

Расплюев. Во что же он оборачивался?

Людмила. В стену.

Расплюев. Как же он в стену оборачивался?

Людмила. А как я на постель полезу, так он, мошенник, рылом-то в стену и обернется. Так вот я с ним одиннадцать годков и мучилась; глаза выплакала с разбойником; глаз, бывало, не сомкну, все плачу, а он дрыхнет себе, да и только, горой его раздуй; а теперь, жеребец, и от меня отрекся и от детей-то отрекся, кормить не хочет; это не мои, говорит, дети. Чьи ж, мол, эти дети, коли не твои? Укажи, чьи? Так не указывает.

Расплюев. Ну, таперь ты, видя, что он эвдаким манером в стену-то обертывался, и не робела с ним спать-то.

Людмила. Робела, сударики, робела, так делать-то мне что? Мое дело женское.

Расплюев *(Оху)*. В показаниях сбилась, с преступником в сожительстве, не прикажете ли подвергнуть аресту?

Ох. Ничего, подвергнуть.

Людмила. Ах, отцы мои, благодетели, что вы, побойтесь бога, у меня дети есть, их кормить надо.

Ох. И, милая, — их соседка накормит.

Людмила. Соседка? — Да у меня соседка такая стервотинка, что она их нарочно уморит.

Ох. Не уморит; — а уморит, так отвечать будет. — Мы никому не спустим.

Людмила. Ну, разве что отвечать-то будет...

Ее уводят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и помещик Чванкин.

Чванкин *(входит с большим форсом)*. Что это, а? а? Скажите, скажите мне, кто здесь командует?

Расплюев. Господин частный пристав.

Чванкин *(ходит)*. А! — частный пристав — частный пристав — а как он смел, частный пристав, меня беспокоить, а? как он смел?

Расплюев. Да вот извольте объясниться с ними. *(Указывает на Оха.)*

Чванкин *(запальчиво)*. Нет, я спрашиваю: как же он смел? Да знает ли он, кто я? а? Да я... я сам власть имею, а? — Я помещик Чванкин!!. Да у меня в Саратовской губернии двести душ! — да у меня в Симбирской гу-

бернии двести душ! — Да у меня черт знает где черт знает сколько душ! Да я... Да он... *(ходит по комнате и колотит по столам.)*

Расплюев *(Оху)*. Что прикажете тут делать? — Ничего не сообразишь.

Ох *(подмаргивая Расплюеву)*. Попроси их в темную.

Расплюев. Можно?

Ох. Можно. *(Ванечке.)* Пиши постановление, знаешь — там — по форме, сбивчивость речей... нечто тяготящее душу и прочее.

Чванкин *(вдруг повертывается к Расплюеву)*. Чью душу? Говорите, чью? — мою? Так знайте, что у меня в Саратовской губернии триста душ, да у меня в Симбирской губ...

Расплюев *(Качале и Шатале)*. Ну-тка в темную!

Мушкатеры подхватывают Чванкина под руки.

Чванкин *(кричит)*. Как в темную?!. Стой! Вы! — Эй! Стой! Зачем?.. Я протестую *(болтая ногами по воздуху)*, я адрес!!. У подножия престола... я у подножия. *(Его голос замолкает в коридоре.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и купец Попугайчиков входит и кланяется.

Расплюев. Ваше имя?

Попугайчиков. Флегонт Егорыч-с.

Расплюев. Фамилия?

Попугайчиков. Попугайчиков-с.

Расплюев. Звание?

Попугайчиков. Торгуем-с.

Расплюев. Чем?

Попугайчиков. По винной части.

Расплюев. Ну, вы подсудимого знали?

Попугайчиков. Помилуйте, к чему нам знать?

Расплюев. Как же вам не знать.

Попугайчиков. Почем же нам знать?

Расплюев. Вы должны знать.

Попугайчиков. Что делать, не знал.

Расплюев *(помолчав)*. Ведь мы, батюшка, не отстанем.

Попугайчиков. Как угодно.

Расплюев *(Оху)*. Прикажете продолжать?

Ох. Продолжать.

Расплюев *(хлопнув по столу всей пятерней)*. Да вы знаете ли, какое дело следуем, а? Оборотень, вуйдалак, упырь и мцырь!! — взят! — сидит в кандалах — и показывает!!. *(Опять хлопает.)* Так что же вы тут говорите...

Попугайчиков, посмотрев искоса на Расплюева, вынимает бумажку и подает Оху.

Ох *(продолжая читать бумаги и не смотря на Попугайчикова)*. Что это?

Попугайчиков. Благодарность-с.

Ох. Какая?

Попугайчиков. Двадцатипятирублевая.

Ох. Не могу.

Попугайчиков. Сделайте милость.

Ох. Не могу.

Попугайчиков. Не обижайте, ваше высокородие.

Ох. Не могу, говорю я вам, — рад бы, но не могу.

Попугайчиков *(вздохнув)*. Извольте-с. *(Достает другую бумажку.)*

Ох. Послушай, Флегонт Егорыч, ты меня знаешь?

Попугайчиков. Помилуйте!

Ох. Ну — то-то; я, братец, без хитростей; — меньше ста рублей ни копейки.

Попугайчиков. Обижаете, Антиох Елпидифорыч.

Ох. Какая же обида?

Попугайчиков. Обижаете.

Ох. Ну веришь ли ты богу?.. Веришь ли?

Попугайчиков. Верю.

Ох. Ну, не могу.

Попугайчиков. За что такая обида?

Ох. Какая же обида? Обиды нет. Обида — произвол; а тут какой же черт произвол, когда моя необходимость... Ну не могу.

Попугайчиков *(вздыхает)*. Быть, стало, по-вашему. *(Отдает сотенную и подходит к другому столу. Ванечке.)* Ну ты, гнида, где расписаться?

Ванечка *(подает ему перо)*. Вот-с вам, Флегонт Егорыч, — вот и перышко — мы вам, сударь, в лучшем виде, Флегонт Егорыч-с! Сделайте милость... Флегонт Егорыч...

П о п у г а й ч и к о в. Ишь, крапивное семя, туда же! *(Дает ему деньги и уходит.)*

Р а с п л ю е в *(Качале)*. Ну кто там еще?

К а ч а л а. Дворник Пахомов.

Р а с п л ю е в. Давай Пахомова.

Ох выходит.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Расплюев и дворник. Мушкатер его вводит силою.

Р а с п л ю е в *(дворнику)*. Подойди.

Пахомов стоит у дверей.

Подойди, говорят.

Мушкатер его подталкивает.

Да подойди к столу-то, черт! — Не съест.

Пахомов подвигается.

Ну, — ты свидетель?

П а х о м о в. Я-то?

Р а с п л ю е в *(передразнивает его)*. Да, ты-то.

П а х о м о в. Чаво-с?

Р а с п л ю е в. О чтоб тебя... *(Внушительно.)* Свидетель ли ты?

П а х о м о в *(помявшись)*. Чаво-с?

Р а с п л ю е в *(тычет ему кулаком в зубы)*. Свидетель ли ты?

П а х о м о в *(прибодрясь)*. Свидетель, сударь, свидетель.

Р а с п л ю е в *(отходит к авансцене)*. Я вот только теперь начинаю силу чувствовать. *(Пахомову.)* Знал ли ты твоего жильца, надворного советника Силу Копылова?

П а х о м о в. Чаво-с?

Р а с п л ю е в *(замахивается на него)*. А...

П а х о м о в. Знал, сударь, знал.

Р а с п л ю е в. Ну! Таперь — скажи ты мне, не замечал ли ты — не оборачивался ли он во что?

П а х о м о в. Ась?

Р а с п л ю е в *(становится против него и подпирается в боки)*. Бестия, каналия, протоканалия!!. Что ж я этак долго около тебя ходить буду; мне ведь твоей братии,

скотов, двадцать пять человек спросить надо — ракалия, разве меня хватит; — ведь меня не хватит!!.

Пахомов *(робко).* Как, сударь, вашей милости будет угодно.

Расплюев. Ой ли? — Как мне угодно, — хорошо. Мне вот как угодно. Эй, Шатала!

Шатала подходит.

Стань ты вот здесь! *(Становит Шаталу сзади Пахомова.)* Таперь, как я ему вопрос дам, так ты мне его и резни, — и так ты мне его резни, чтобы у него ответ как пуля вылетел... Понимаешь?

Шатала. Как нам эвтова не понимать, ваше бродие. *(Насыкивается ударить Пахомова.)*

Расплюев *(останавливает его за руку).* Дурак! Стой! — ты не так, а вот когда я ему вопрос изделаю.

Шатала. Слушаю, ваше бродие.

Расплюев *(ставши против Пахомова).* Ну вот, сынок, ты таперь мне и объясни, что́ замечал ты особенного в твоем жильце, Силе Копылове?

Пахомов *(озираясь назад).* Что... Я... заметил у Коп... *(получает в затылок удар и прикусывает язык)* ууу... ууу... батюшки...

Расплюев *(Шатале, с сердцем).* Осел! Ну что же ты ему самую таперь речь перебил? А? Я тебе что приказал...*(Подступает к нему со сжатыми кулаками.)* Ты, стало, моих слов не слушаешь — а?

Шатала смотрит на него во все глаза.

Постой, глупый бык, — я тебе эвту механику устрою... Эй, Качала, — поди сюда!

Качала подходит.

Качала. Чаво изволите, ваше бродие?

Расплюев. Стань вот сзади эвтого быка. *(Становит его сзади Шаталы.)* Вот так *(поднимает ему руку),* так! Как я тебе сигнал дам, так ты мне его в затылок и двинь... *(Шатале.)* Вот ты у меня, бычье рыло, и будешь знать, когда тебе следует свидетеля резнуть. *(Отходит в сторону и осматривает.)* Ну, вот, дружки, я вам механику и устроил... и устроил...

Мушкатеры стоят в позе; Расплюев ими любуется.

Теперь и отдохнуть можно. *(Садится на стул.)* [1] Пойдет машина сама собою. *(В духе разваливается на стуле и покачивается.)* Н-ну, приятель — объясни же мне, что̀ заметил ты особенного в твоем жильце, Силе Копылове? *(Дает сигнал.)*

Качала режет Шаталу — Шатала Пахомова — Пахомов вскидывается на воздух и валится на Расплюева. Они падают один на другого и катятся по полу. Шум и смятение.

Пахомов. Ой, ой, ой... батюшки, ..у... би... ли... у... би... ли...

Расплюев *(запыхавшись, приподнимаясь с трудом)*. Ох... стой... Ох — спину сломали... ооо... черти!!. палачи! *(оправляется)* вологоны проклятые, лукопёры... Ишь рыла-то здоровые уставили...

Ох *(входит)*. Что это, — что такое?

Расплюев. Помилуйте, Антиох Елпидифорыч, — вот дворника допрашиваю, так никак не соображусь.

Пахомов. Ох... о... у... би... ли... у... би... ли...

Ох *(посмотрев на Пахомова, Шатале)*. Что же ты, дубовая башка, так дерешься?

Шатала. Их благородие изволили говорить: режь — я и резнул.

Ох. Ты этак человека убьешь.

Шатала. Никак нет, ваше вшсокородие, я снароуку знаю; я его у самый загривок резнул. Мие их брродие строго приказывают: если ты, говорят, у меня человека убьешь, — так я тебя палками закатаю. Так я эфто у предмете имею.

Пахомов *(бросается на колени)*. Батюшка, ваше превосходительство, пощадите; я и так скажу, ей-богу скажу; мне вот даже повернуть шею невозможно; — я что угодно, то и скажу. *(Утирает кулаком слезы.)*

Ох. А и в самом деле — ну вас, дураков, ступайте вы все к черту. *(Выгоняет мушкатеров. Пахомову.)* Ну, говори; только ты обстоятельно, братец, говори, — не вертись. — Не видал ли ты — оборачивался ли Копылов в зверя или скота какого?

Пахомов. Нет, ваше высокородие, ей-богу нет; в скота он не оборачивался.

---

[1] Вдоль авансцены от правой руки зрителя к левой сначала стоит Качала, за ним Шатала, потом Пахомов; перед ним Расплюев на стуле.

Расплюев. Врешь.

Пахомов *(с убедительностью)*. Ей-богу, не оборачивался; что хотите делайте, не оборачивался; — вот в стену — в стену точно что оборачивался.

Расплюев *(с жаром)*. А!.. Вот оно!..

Ох. Каким образом?

Пахомов. А вот сойдет с лестницы — ну — иное дело — случится — в стену и обернется!

Расплюев. В стену?.. Что ж тебе так это и видно?

Пахомов. Как же, ваше благородие, мне так это и видно.

Расплюев. Что ж тебе видно?

Пахомов. А что лица-то не видно.

Расплюев. Так тебе видно, что лица не видно?

Пахомов. Да-с.

Расплюев. А где же лицо?

Пахомов. А в стене.

Расплюев *(с жаром)*. Ай, ай, — а велика ли стена?

Пахомов. Как есть наша стена.

Расплюев. Фу ты, боже мой!.. Длина?

Пахомов. Двадцать пять сажен.

Расплюев. Вышина?

Пахомов. Пять сажен.

Расплюев *(Ванечке)*. Пиши!!. *(К публике.)* Так вот мороз по всему и ходит. *(Оху.)* Изволите видеть, ваше высокородие, необыкновенно.

Он делает утвердительный знак.

И какое согласие показания с Брандахлыстовою-то!.. Два свидетельские показания — полное доказательство!!.

Ох. Да, да! *(Ванечке.)* Составь журнальное постановление, — а дворника под арест.

Пахомов *(на коленях)*. Ваше высокородие, — не погубите!..

Ох. Ни, ни. Нельзя, любезный.

Пахомов. Помилуйте, сударь, кто же будет улицу месть?

Ох. А у тебя есть жена?

Пахомов. Как жены не быть; жена есть.

Ох. Ну жена и выметет.

Пахомов. Где ж ей месть, — она не выметет.

Ох. А городовой придет, — да палку возьмет, вот она и выметет.

Пахомов. Ну разве городовой палку возьмет.

Его уводят.

Ох *(Качале)*. Ну — теперь впусти-ка этого помещика...

Качала осторожно отворяет дверь в темный коридор; Расплюев прячется за Оха.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, из темного коридора медленно входит Чванкин.

Чванкин *(осматриваясь)*. Господа... мое почтение. *(Раскланиваясь с Охом.)* Если вам угодно меня спросить, то я со всею готовностью. *(Раскланивается.)*

Ох. Да уж сделайте одолжение...

Чванкин. Я с удовольствием; — я даже с большим удовольствием. Вы бы мне прямо тотчас так сказали — и я бы тотчас с удовольствием... *(Ванечке.)* Миленький, дай мне перышко — надо будет ответики написать...

Расплюев. Ну — вы знали Тарелкина?

Чванкин *(с готовностью)*. Тарелкина? — Нет, не знал.

Расплюев. А Копылова знали?

Чванкин. Копылова знал.

Расплюев. Следствием открыто, что вы находились с подсудимым в странной и таинственностью облеченной переписке.

Чванкин. Какою же таинственностью: я с ним о девках переписывался.

Расплюев. Как? Как?

Чванкин. Я у него трех девок купил.

Расплюев. Трех? трех девок? Вы купили. *(Оху.)* Воспрещено законом.

Ох. Строжайше... Продолжай.

Расплюев. Когда и с какой целью дозволили вы себе купить у подсудимого девок, и главное в таком количестве?

Чванкин. А вот видите, — признаться, я сам недоумевал.

Ох. Это не извинение, — мы этого не принимаем.

Расплюев. Мы этого не принимаем.

Ох *(Расплюеву)*. Молчи. *(Чванкину.)* Незнанием, сударь, законов никто да не отговаривается. Извольте показывать.

Чванкин. Жил я в Москве; приходят ко мне из моего симбирского имения мужики. Батюшка, говорят, барин, купите нам девок. — Где ж, мол, я вам, сиволапое стадо, девок куплю? — Да мы уже и сторговали. — И сторговали? — Говорят: сторговали. — Почем? — Да по двадцати по пяти рублев. — За сотню? — Помилуйте, говорят, за штуку. — Хороши? — Важные, говорят, девки... Ну, думаю, дешево!.. Как, скажите, целую этакую девку, как она есть... за двадцать пять целковых!..

Расплюев *(с увлечением)*. Дешево!.. Целую этакую девку... *(Показывает как она есть.)* Я бы сам дал!!.

Чванкин. Вот я их и спрашиваю: где ж, мол, такие девки продаются.

Расплюев. Да, это интересно: где ж они продаются?

Чванкин. Мужики мне и говорят: а по соседству в княжой вотчине у управляющего Силы Силича Копылова. Я к Копылову письмо, он мне ответ, — так наша переписка и пошла.

Ох. Переписка перепиской, а дело все-таки серьезное; девками торговать, сударь, не дозволено.

Чванкин. Нет, позвольте. Ведь это для тягол, это для тягольного счета.

Ох. А мы вот увидим, для чьего счета. По этому обстоятельству неизбежно будет учинить местное дознание, так вы потрудитесь, во-первых, скрепить ваши показания.

Чванкин садится и скрепляет показания по листам.

Расплюев *(постояв в раздумье)*. Эхма!!. *(Хлопает себя по затылку.)* Дешево!!.

Ох *(Расплюеву)*. Очнись — облом! *(Чванкину.)* А во-вторых, сударь, — извольте дать подписочку о невыезде из города.

Чванкин *(продолжая скреплять листы)*. К чему же подписку; что за подписка; я и так из города никуда не поеду.

Ох. Так уж форма.

Чванкин *(тверже)*. Я вам говорю, что не поеду, так вы можете верить. *(Встает.)* Кажется, между благород-

ными людьми и благородного слова довольно. *(Берет шляпу и хочет идти.)*

Ох. Нельзя-с.

Чванкин. Однако, черт возьми, когда я говорю, так довольно!.. *(Скоро идет к дверям.)*

Ох *(давая знак мушкатерам)*. Ей, Качала!..

Качала и Шатала подхватывают Чванкина под руки.

Чванкин. Что это?.. Стойте!.. опять в темную?!.

Ох. Да-с. Мы уж попросим опять. *(Мушкатерам.)* Несите в темную.

Чванкина несут в коридор.

Чванкин *(болтая ногами)*. Ну так я подписку, — я лучше подписку — стойте!.. окаянные!!.

Его вносят в коридор.

Я даю подписку!!. Две подписки!!.

Ох *(мушкатерам)*. Качала!.. Назад!..

Чванкин *(вырываясь из их рук)*. Я с удовольствием — я с большим, черт возьми, удовольствием... вам подписку дам... я хоть три подписки дам.

Ванечка *(подавая ему перо)*. Извольте подписать.

Чванкин подписывает.

Ох *(вздыхает)*. Все, сударь, форма; все форма.

Чванкин раскланивается и уходит.

ЯВЛЕНИЕ X

Ох, Расплюев, входит Варравин.

Варравин. Ну что у вас, господа, делается?

Ох. Следствие производим, ваше превосходительство; два показания уже приобрели, — свидетели показывают!..

Варравин. Что же такое?

Ох. Оборачивался!..

Варравин. Хорошо. *(Расплюеву.)* Ну что он?

Расплюев. В сильном, сильном томлении.

Варравин. Воды не давали?

Расплюев. Ни капли.

Варравин. И следовательно, тоска большая и силы нет?

Расплюев. Какая сила — чуть не околевает.

Варравин *(трет руки)*. Хорошо.

Расплюев. В последнее время при всей лютости, но

ослаб. Сознался. Стал показывать, что у вас служил, только сбивчиво и все врет; искренности настоящей еще нет.

Варравин. Погоди, братец, она будет. *(Оху.)* Вы имейте в виду, что я как свидетель могу вам сделать очень важное касательно Тарелкина показание. Еще будучи в живых, он вдруг с глубоким огорчением объявил мне, как начальнику, что иногда он бывает зайцем!..

Ох. Собственное признание есть высшее всего мира свидетельство, говорит закон.

Варравин. Да! — И что в этом виде собственные его кредиторы производят ему по улицам травлю — что, как он лично меня заверял, доставляет ему несказанные мучения...

Расплюев. Необычайно, ваше превосходительство. Вот, стало, уж имеем в деле два свидетельские показания, что арестант оборачивался, и к этому собственное пред лицом вашим признание...

Ох. По закону — полное доказательство!

Варравин. Стало, дело обставляется отлично!.. Теперь мне непременно надо спросить его по одному предмету. *(Оху.)* Прикажите подать его сюда.

Ох. Сейчас, ваше превосходительство. Ей, Качала! подать сюда арестанта.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же; мушкатеры вносят Тарелкина, привязанного по-прежнему веревкой к стулу.

Тарелкин *(слабым голосом)*. Воды... ох воды...

Варравин *(отходя в сторону — Расплюеву)*. Допрашивайте.

Расплюев *(торжественно)*. Говори чистосердечно, кто ты таков?

Тарелкин. Ох — я Копылов.

Расплюев. Вздор.

Тарелкин. Ну, я признаюсь, я Тарелкин... только воды... ох... тоска какая...

Расплюев. И этому не верим. Ничему не верим.

Тарелкин. Да дайте мне воды; ну я что хотите скажу, только воды...

Расплюев. Говори — ты мцырь?

Тарелкин. Ну, мцырь.

Расплюев. Ты вуйдалак, упырь?

Тарелкин. Да, да... ох...

Расплюев. Кто твои сообщники?

Тарелкин. Весь Петербург и вся Москва.

Расплюев *(Оху)*. Вот оно!.. *(Вслух.)* Показывай поимянно — кто и кто?

Тарелкин. Мало ли их!..

Расплюев. Показывай говорю!.. Ну главных зачинщиков показывай!

Тарелкин. Максим Варравин, экзекутор Живец, частный пристав Ох, квартальный поручик Расплюев.

Расплюев *(смешавшись)*. Вот те раз!.. *(Оху.)* Что же тут прикажете делать.

Варравин *(Расплюеву)*. Продолжай!..

Расплюев. Говори, что вы делали?

Тарелкин. Ох... людей морили... Вот вы теперь меня морите... ох...

Расплюев *(строго)*. Ты у меня не вертись... Кого вы уморили?

Тарелкин. Муромского уморили.

Расплюев. Что же, кровь высосали?

Тарелкин. Да, всю кровь высосали... да дадите ли вы мне воды — змеиные утробы... Что это... Какой жар стоит... Какое солнце печет меня... Я еду в Алжир... в Томбукту... какая пустыня; людей нет — всё демоны...

Варравин *(тихо, Оху и Расплюеву)*. Выйдите — я его сам допрошу.

Ох и Расплюев выходят в залу присутствия.

ЯВЛЕНИЕ XII

Варравин и Тарелкин.

Варравин *(подходя к Тарелкину)*. Я здесь! пустой человек!!. Ты в моих руках — все открыто — все знаю — ты пропал!

Тарелкин *(тоскует)*. Ох... ох... мне все равно...

Варравин. Признайся, ты украл бумаги...

Молчание.

Отдай — в Сибири будешь...

Тарелкин *(поглядев на Варравина)*. От того и в Сибири не буду, что не отдам!!.

Варравин. Умрешь.

Тарелкин. Умру, — а не отдам!..

В а р р а в и н. Томительно умрешь. Я жаждой уморю... Ей, Качала!

К а ч а л а входит.

Принеси, братец, мне стаканчик воды.

Т а р е л к и н. О мучение какое... что это... жар какой...

Качала подает Варравину воду.

В а р р а в и н *(пьет)*. Хорошая вода. Что, братец, проточная или ключевая?

К а ч а л а. Ключевая, ваше превосходительство, прямо из реки.

В а р р а в и н. Хорошо, братец, ступай себе.

Т а р е л к и н *(мечется)*. У... у... боже мой... какое мучение... *(Варравину.)* Нате вот!.. Возьмите их!.. *(вытаскивает из-под сюртука бумаги)* вот они... ваши бумаги... только воды... *(протягивает руку)* дайте... дайте...

В а р р а в и н *(берет бумаги)*. Постой... ты, пожалуй, обманешь... *(Рассматривает бумаги)*. Так; так; — они! *(Дает ему воду.)* Ах, предатель, — ах, злодей.

Тарелкин пьет.

Ах, змея — доморощенная змея.

Т а р е л к и н *(поет)*. Максим Кузмич, куда же мне теперь деваться-то? *(Оправляется.)* Я лучше куда-нибудь уеду...

В а р р а в и н *(развязывая веревку)*. Ступай к черту, провались в ад, — только с глаз-то уйди.

Т а р е л к и н *(встает и оправляется)*. Ну — матенька, ваше превосходительство, Максим Кузмич... ну не сердитесь — будьте отцом родным. *(Кланяется.)* Простите! — Ну что делать; не удалось — ну ваша взяла... *(Смеется.)* Только ради самого создателя вы мне теперь помогите: бумаги-то, бумаги копыловские отдайте; куда мне без них! Формуляр-то его; — я тотчас в Москву и улизну.

Подходят оба к столу и роются в бумагах.

В а р р а в и н. Вот тебе формуляр — возьми! *(Дает ему формуляр.)*

Т а р е л к и н. А аттестаты-то, аттестаты!..

В а р р а в и н. Вот тебе и аттестаты *(дает ему аттестаты)*, только провались.

Т а р е л к и н. Я уйду; ей-богу уйду... только, Максим Кузмич... *(становится в просительную позу)* — на дорогу-то... вы уж того...

Варравин *(с отчаянием сует руку в карман)*. На тебе, на!.. черт, дьявол, вурдалак проклятый!.. *(Дает ему деньги.)* Кровь ты мою высосал!!. *(Проталкивает его к двери.)*

Тарелкин *(в глубине сцены снимает парик, вынимает зубы, горбится и принимает прежний вид Копылова. Потом обертывается и выходит на авансцену. Медленно окинув взглядом публику)*. Господа, вам не надо ли управляющего имением?.. имею вот аттестаты *(показывает аттестаты)*; об опытности и говорить нечего: прошел огнь и воду! Насчет честности — сами видели: за правду страдал!.. Удостоверение могу представить от любого общества сельского празднословия... но особенное чувствую влечение заняться винокуренной операцией — это уж просто натура говорит... Плодопеременные вам севообороты заведу, и с каким угодно удобрением: компосты ли захотите, или костяное, или жидкое, или, может быть, потверже любите — все могу! Или Либихов порошок, так своими руками сделаю. Одно слово, введу вам прогресс: рациональное хозяйство на вольнонаемном труде... так обделаю, что только ахать будете... Право, подумайте... Харррроший случай!.. *(Подождавши.)* Что же? Нет!... Не хотите? *(Обращаясь к одному из зрителей)*. Сделайте одолжение, милостивый государь, потрудитесь записать на случай мой адрес его высокоблагородию — надворный советник-с — Силе Силичу Копылову — вот их превосходительству Максиму Кузмичу *(указывает на Варравина)*; они мне передадут-с. *(Раскланивается и убегает.)*

Варравин *(кричит ему вслед)*. Я тебе говорю: ступай прямо в пёкло; — там тебе не откажут — примут!..

Занавес опускается.

ПРИМЕЧАНИЯ

В случае воспроизведения пиесы «Смерть Тарелкина» на сцене, автор находит нужным заметить следующее.

Пиеса по своему шутливому характеру должна играться живо, весело, громко — avec entrain.[1] Особливо *текст* должен быть выучен твердо и произносим явственно и *рельефно,* в противном случае при довольно сложном движении лиц на сцене *слова,* т. е. самая суть дела, могут оставаться для зрителей неуловимыми, так что вместо действительной жизни пред ними будет совершаться известного рода *суматоха.*

Костюмировка лиц широкая и произвольная. Некоторые роли могут быть слегка шаржируемы. Например: мещанка Брандахлыстова, помещик Чванкин, мушкатеры Качала и Шатала и вся группа кредиторов, костюмы которых не подлежат никакому контролю и — как это бывает у ростовщиков — зависят от принимаемого ими в залог носильного платья. Роль Брандахлыстовой *(в случае нужды)* может быть исполнена мужчиной.

Того, кто будет исполнять роль Тарелкина-Копылова, автор просит обратить внимание на двукратное превращение *на сцене,* т. е. *в глазах публики,* Тарелкина в Копылова. Превращение это должно быть исполнено быстро, внезапно и сопровождаться изменением выражения лица и его очертаний. Это дело мимики и задача для художника. Здесь, для примера, можно указать на французского комика Левассора, который очень разработал этот момент

[1] С увлечением *(франц.).*

искусства и этим приобрел весьма большую репутацию. Игру своих лицевых мускулов он, как известно, довел до той подвижности, что даже по произволу переменяет форму своего носа и при помощи парика, бороды и усов почти мгновенно принимает формы самых разнородных типов.

В заключение автор почитает себя вправе протестовать самым энергическим образом против тех из актеров, которые являются перед публикой, не выучивши роль, и потому дозволяют себе изменять текст самым безобразным образом. Для автора, добросовестно трудившегося над своим произведением, приемы эти прямо возмутительны. Публика должна остановить актера, уклоняющегося от текста; и на всех сценах образованного мира такие небрежности преследуются ею *неумолимо*. И поделом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если бы, за всем этим, мне предложен был вопрос: где же это я так-таки такие *Картины* видел?.. то я должен сказать, положа руку на сердце:

Нигде!!! ...и — везде...

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an.

Как аукнется, так и откликнется.

КОММЕНТАРИИ

Текст пьес А. В. Сухово-Кобылина печатается по единственному прижизненному изданию трилогии 1869 г.

Первая пьеса А. В. Сухово-Кобылина, «Свадьба Кречинского», написанная в конце 1854 года, была впервые напечатана в журнале «Современник» в 1856 году (майский номер). Журнальный текст пьесы с незначительными изменениями был включен автором в трилогию, вышедшую в 1869 году под названием «Картины прошедшего. Писал с натуры А. Сухово-Кобылин» (Москва, 1869). В это единственное прижизненное издание трилогии вошли пьесы: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина».

В начале 1860-х годов Сухово-Кобылин издал маленьким тиражом драму «Дело» в Лейпциге, но печатные экземпляры этого заграничного издания до сих пор обнаружить не удалось. В 1887 году «Дело» было напечатано под заголовком «Отжитое время». На титульном листе этого издания значится: «Издание второе. Исправленное и сокращенное по указаниям сцены. Продается в пользу недостаточных студентов Московского университета. Дозволено цензурою января 15 дня 1887 года. Типография Л. и А. Снегиревых».

В 1898 году в качестве приложения к журналу «Будильник» была напечатана отдельным изданием пьеса «Свадьба Кречинского» с портретом автора и иллюстрациями спектакля в московском театре Корша.

Что касается трилогии в целом, то она была впервые переиздана через 24 года после смерти автора, в 1927 году, в серии «Русские и мировые классики», под редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова (М. — Л., 1927). В основу этого издания был положен текст «Картин прошедшего» 1869 года, воспроизведенный по новой орфографии.

В 1938 году трилогия вышла в Государственном издательстве художественной литературы (М., 1938), а в 1949 году — в издательстве «Искусство» (М. — Л., 1949). Но оба последних издания воспроизводили текст трилогии, напечатанной в серии «Русские и мировые классики» 1927 года. В них были механически перенесены ошибки и опечатки, вкравшиеся в это издание. Так, например, в реплике Муромского («Свадьба Кречинского», действие I, явление III) вместо слова *гиль* в трех изданиях напечатано слово *гниль*. В первой ремарке II действия «Дела» вместо слова *козируют* напечатано слово *позируют*. Во всех трех изданиях, вопреки воле автора, финальное послесловие, посвященное всей трилогии, произвольно отнесено только к «Смерти Тарелкина», и т. д.

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

«Свадьба Кречинского» в первый раз была поставлена 28 ноября 1855 года в Московском Малом театре в бенефис известного актера С. В. Шумского, выступившего в заглавной роли. М. С. Щепкин, высоко оценивший идейно-художественные достоинства пьесы, играл роль Муромского; П. М. Садовский — роль Расплюева.

Сухово-Кобылин, с волнением следивший за сценической судьбой своего драматургического первенца, 21 ноября 1855 года записывает в дневнике: «Нынче первая репетиция пиэсы. Достоинство ее начинает из ценности удачи быть возводимо к ценности литературной. Сказывали, что Садовский в роли Расплюева уморил всех со смеху — даже суфлер кис со смеху над своим манускриптом». [1]

Премьера имела большой и прочный успех, но взыскательного автора удовлетворили не все исполнители. Вот что он пишет матери о первом спектакле:

«1855, 29 ноября. Москва.

Любезный друг маменька!

...Вчера давали пиэссу — впечатление сильное, успех большой, но мог быть больше... Садовский-Расплюев был превосходен — Шумский слаб...» [2]

---

[1] «Русская старина», 1910, V.

[2] «Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным». Вступительные замечания Е. Коншиной. — Труды публичной библиотеки имени Ленина, вып. III, 1934.

Что касается роли Муромского, то она, по словам Сухово-Кобылина, была изваяна «высоким резцом» М. С. Щепкина (см. характеристики действующих лиц «Дела»).

Роль Муромского стала одной из любимых ролей Щепкина, а пьесу «Свадьба Кречинского» он ставил в одном ряду с «Горем от ума» и «Ревизором». Вот что он пишет Т. Г. Шевченко 11 декабря 1857 года, собираясь навестить своего друга в Нижнем-Новгороде и сыграть там несколько спектаклей: «Да что играть? Ну, пожалуй... Горе от ума, Ревизора, Свадьбу Кречинского...»

7 мая 1856 года «Свадьба Кречинского» была поставлена в Петербурге, в Александринском театре, где в лице актера В. В. Самойлова роль Кречинского нашла выдающегося истолкователя.

Сухово-Кобылин увидел в талантливой игре В. В. Самойлова гармоническое сочетание типического и индивидуально-конкретного, что является неотъемлемым свойством реалистического искусства.

27 августа 1856 года автор послал Самойлову кубок, сопроводив свой дар интересным письмом:

«...Хотя и поздно, но я хочу повторить вам мою признательность и мое глубокое сочувствие к вашему свободному и творческому таланту. Кречинский явился в вас *не только типом, а живою конкретною личностью...* (подчеркнуто мною. — *И. Г.*). Примите, Василий Васильевич, мой кубок на добрую память о том дне, когда явился предо мною «Кречинский» в плоти и крови; если день этот будет памятен для русской сцены, то выпейте его до дна за будущность искусства на Руси, и да здравствует все прекрасное!» [1]

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an. Hegel. Logik. — Этот эпиграф, взятый из «Логики» Гегеля и поставленный на титульной странице прижизненного издания трилогии и повторенный в послесловии к трилогии, в точном переводе гласит: «Кто с разумом рассматривает природу, на того и она взирает разумно».

Стр. 51. *...эка ведь им гиль в голову села...* — *Гиль* — вздор, чепуха.

Стр. 54. *Как он наш солитер обделал...* — *Солитер* — крупный бриллиант.

Стр. 65. *...перед кармазинный, а зад крашенинный.* — *Кармазин* — сукно темно-красного цвета. Кармазинный — то есть нарядный; *крашенинный* — сделанный из крашеного крестьянского полотна.

---

[1] «Русская старина», 1875, I, стр. 207.

Стр. 65. *...так и напиши: всех в изделье! — Изделье* — барщина при крепостном праве. Перевести с оброка на изделье — то есть на барщину, самую тяжелую форму эксплуатации крепостных крестьян.

Стр. 84. *Вот стразовую побрякушку ухватил... — Страз* — искусственный камень. Назван по имени его изобретателя, ювелира XVIII века Страса (Stras).

Баа!.. Эврика!.. — Эврика — «Я нашел» (греч.); так, по преданию, воскликнул древнегреческий геометр Архимед (287—212 до н. э.), когда он открыл закон гидростатики, названный впоследствии его именем.

Стр. 88. *Зажги карсели... — Карсель* — старинная лампа, в которой горючее нагнеталось при помощи часового механизма. Названа именем ее изобретателя, часового мастера XVIII века Карселя (Carsel).

Стр. 89. *Напевает из «Волшебного стрелка». — «Волшебный стрелок»* — популярная в России опера знаменитого немецкого композитора Карла Вебера (1786—1826).

...в эту великую минуту, мы переходим Рубикон... — Перейти Рубикон — иносказательное выражение, означающее решимость совершить бесповоротный шаг. *Рубикон* — река в Италии, которую Юлий Цезарь перешел, вопреки запрещению Сената, начиная войну, приведшую к установлению империи в древнем Риме.

Что, Расплюев, виктория? — Виктория — победа (лат.).

Стр. 90. *Нас сцапают, и по Владимирке. — Владимирка* — шоссейный тракт из Москвы на Владимир и далее, по которому отправляли арестованных этапом на каторгу.

Стр. 94. *...профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско...* — Бартоломео *Боско* (1793—1862) — популярный итальянский фокусник, выступавший в Петербурге и Москве.

Стр. 108. *...на дуван подымает честь... — Дуван* — открытое, возвышенное место; в данном случае — выставлять честь напоказ.

Стр. 114. *Что-о-о-о?.. А, вот что!.. Сатисфакция... — Сатисфакция* — давать удовлетворение (лат. satisfactio) оскорбленному противнику, соглашаясь на дуэль; требовать сатисфакции — вызывать на дуэль.

ДЕЛО

Вторая пьеса Сухово-Кобылина «Дело», как явствует из дневников драматурга, была закончена к концу 1861 года.

Все попытки Сухово-Кобылина провести ее на сцену императорских театров окончились неудачей, так как III отделение потре-

бовало изъять из текста важнейшие в идейно-художественном отношении места пьесы, вплоть до сокращения целых ролей (Важного лица и Князя). Вопрос о постановке пьесы временно отпал. «Дело» было напечатано в 1869 году в трилогии «Картины прошедшего».

Второе издание пьесы, осуществленное в 1887 году, было изуродовано цензурой, хотя на титульном листе значится, что издание исправлено и сокращено «по указаниям сцены». Для того чтобы приглушить злободневное звучание пьесы, на титульном листе появился подзаголовок — «Отжитое время». Этим самым нарочито подчеркивалось, что события, изображенные с такой правдивостью и силой в «Деле», являются теперь, в 80-х годах, лишь достоянием далекого прошлого.

Пьеса подверглась сильному сокращению; весь текст испещрен купюрами, из которых только очень немногие вызваны желанием автора сделать текст более сценичным.

В издании 1887 года отсутствует очень важное обращение автора «К публике». В первом действии (I явл.) изъято знаменитое письмо Кречинского о взятках. Там же купированы рассказ Атуевой о стряпчих и характеристика Тарелкина, данная Нелькиным («Это тряпка, канцелярская затасканная бумага...»). В V явлении снят весь рассказ Ивана Сидорова о продаже лубков (это сделано по совету театра).

Во втором действии наиболее существенной купюрой является сокращение диалога Варравина и Муромского (VI явл.).

В третьем действии (XII явл.) купирован весь диалог князя и Варравина о «падении» Лидочки, чрезвычайно важный для характеристики обоих действующих лиц. Купирована реплика князя: «Его [Муромского] в желтый дом, а молодца с девочкой строжайше... строжайше». Купирована реплика князя: «Карету! Просителей вон!» и т. д.

Ради мнимой сценичности изменен и обеднен монолог Лидочки (II явл.). Вот как он начинается в редакции 1869 года: «Я бы хотела одного: чтобы и он [Кречинский] приехал, чтобы и он заплакал. Ведь он любил меня... по-своему... нет! Не любил он меня. Почему бы ему не прийти да не сказать, что вот ему деньги нужны! Боже мой — деньги! Когда я ему всю себя отдавала...»

В редакции 1887 года этому монологу, богатому психологическими оттенками, придана мелодраматическая окраска и «театральность»: «Какой ужас!.. Какой страм... в этой бумаге!! *(С увлечением.)* Да! Умереть!.. Что ж? Разве он любил меня? Никогда!..»

В четвертом действии (I явл.) купирована сатирическая харак-

теристика законов, данная Нелькиным: «...этот старый шут-закон, расшитый по швам, разряженный лентами...»

В пятом действии (VII явл.) купированы слова Муромского: «...здесь грабят! Я вслух говорю — грабят!»

Изъята вся сцена с Важным лицом, хотя он имеется в перечне действующих лиц пьесы. Некоторые реплики Важного лица произносит князь. Эта купюра, конечно, намного ослабляет идейное звучание пьесы.

Еще более многострадальна сценическая история «Дела». Сухово-Кобылин впервые начал хлопотать о постановке пьесы в 1863 году.

Как явствует из материалов Центрального гос. исторического архива в Ленинграде, директор императорских театров граф Борх 18 июня 1863 года препроводил пьесу в «III отделение собственной его императорского величества канцелярии... на предмет ее представления на театрах».

29 июня 1863 года последовал ответ III отделения: «Пьеса эта в настоящем виде пропущена быть не может, но, по личному объяснению с автором, изъявившим согласие исключить из пьесы роль князя и Важного лица и некоторые места, зачеркнутые красным карандашом, переделанная таким образом, может быть разрешена по вторичному процензурованию».[1]

Однако «Дело» «по вторичному процензурованию» не было пропущено на сцену, так как Сухово-Кобылин отказался сократить роль князя, без которой рушился весь замысел пьесы.

Цензор Нордстрем, излагая сюжет «Дела», приходит к следующему выводу: «Настоящая пьеса изображает... недальновидность и непонимание обязанностей своих в лицах высшего управления, подкупность чиновников, от которых зависит направление и даже решение дел, несовершенство законов наших (сравниваемых в пьесе с капканами), безответственность судей за их мнение и решение — все это представляет крайне грустную картину и должно произвести на зрителя самое безотрадное впечатление, которое еще усиливается возмутительным окончанием пьесы».[2] Только через 19 лет (в 1882 году) она была разрешена для постановки в Петербургском Александринском театре, а затем в Московском Малом театре.

В Ленинградском государственном театральном музее хранится рукописный экземпляр пьесы «Дело» («Отжитое время»). На ти-

---

[1] Ф. 780, оп. 1, д. 40.

[2] Центральный гос. исторический архив в Ленинграде. Из архивов норешенных дел.

тульном листе рукой автора написано: «Прошу играть по этому экземпляру. А. Сухово-Кобылин. 13 августа 1882 года. С. Петербург».

Над этим сценическим вариантом «Дела» цензура проделала особенно разрушительную работу, намного превосходящую все купюры в тексте издания 1887 года. И даже в таком изуродованном виде пьеса имела большой успех. Ее играли крупнейшие русские актеры: В. Н. Давыдов, К. А. Варламов, А. П. Ленский, В. Н. Андреев-Бурлак и др.

Сухово-Кобылин очень высоко ценил глубокий реализм, которым было пронизано актерское исполнение его пьес. 19 сентября 1897 года он обратился к В. Н. Давыдову и труппе Александринского театра с таким письмом: «...В плоть и кровь реальности воплотили вы, господа, мои очерки типов «Дела», «Кречинского». Половина этого труда — ваша! Половина успеха — ваша! Половина славы — ваша!.. Ваш признательный сотрудник А. Сухово-Кобылин».[1]

В 1905 году, в связи с прокатившимися по стране революционными событиями, сатирическая направленность «Дела» и «Смерти Тарелкина» привлекла к себе внимание театров. Но цензура категорически запретила их для постановки на сцене народных театров даже с теми многочисленными сокращениями, которые в свое время Сухово-Кобылин был вынужден сделать.

Вот что пишет 8 декабря 1905 года «цензор драматических сочинений» по поводу «Дела»: «Несмотря на всю искусственность построения пьесы, основанной на случайностях, она заключает в себе много возмущающей правды и поэтому именно, в случае постановки ее на сцене народных театров, произвела бы крайне неблагоприятное впечатление, в особенности по непосредственному участию, которое принимают во всей интриге высокопоставленные лица. Поэтому я полагал бы невозможным одобрить эти пьесу для народных театров».[2]

Пьеса «Дело» исполнялась по полному авторскому тексту, не изуродованному цензурой, только на советской сцене после Великой Октябрьской социалистической революции.

Стр. 126. *Говорит как Демосфен, именно тогда, когда последний клал себе в рот камни.* — *Демосфен* — знаменитый древнегреческий оратор (384—322 до н. э.). Он в юности упорно преодолевал физи-

---

[1] Центральный гос. литературный архив, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 259.

[2] Центральный гос. исторический архив в Ленинграде, ф. 776, оп. 26, д. 24.

ческие недостатки речи. Для того чтобы стать оратором, укрепить голос, улучшить дикцию, Демосфен, по преданию, декламировал во время морского прибоя, набрав в рот мелкие камешки. Сухово-Кобылин, говоря о Тарелкине, иронически намекает на его косноязычие.

Ибисов. Бонвиван, супер... — *Бонвиван* (франц. bon vivant) — человек, любящий пожить в свое удовольствие. *Супер* (лат. super — сверху, над) здесь обозначает поверхностность, верхоглядство.

...изваянная высоким резцом покойного М. С. Щепкина. — Михаил Семенович *Щепкин* (1788—1863) — великий актер, основоположник русского сценического реализма, исполнявший роль Муромского в первой постановке «Свадьбы Кречинского» в Московском Малом театре (28 ноября 1855 года).

Стр. 138. *Quartier Latin* — Латинский квартал, район в Париже, в котором расположен университет и живут студенты.

С Сорбонной познакомился... — *Сорбонна* — парижский университет, основанный в середине XIII века Ребером Сорбоном.

Стр. 142. *...к Ваалову-то идолу и к нему пойду.* — *Ваал* — имя одного из древневосточных богов. В эпоху укрепления рабовладельческого государства это был воинственный бог, покровитель царской власти.

Стр. 151. *...Неокентаврий владеет нами...* — от слова кентавр, мифическое существо, получеловек-полулошадь.

Стр. 152. *Некоторые из них пишут, другие козируют.* — *Козируют* — беседуют, болтают. От французского глагола causer.

Тарелкин (сидит за своим столом и напевает арию из «Elisir»). — Имеется в виду комическая опера итальянского композитора Гаэтано Доницетти (1797—1847) «L'Elisire d'amore» («Любовный напиток»). Невежественный Тарелкин в искаженном виде цитирует фразу из популярного «романса» Неморино — героя «Любовного напитка». Вот подлинный текст этой фразы: Cielo si puó morir di più non chiedo, non chiedo (Перевод: Небо, если б я мог умереть, то я большего бы не просил).

Стр. 153. *Как, бывало, Сальви валял эту арию... а Марио до него далеко.* — Лоренцо *Сальви* (1810—1879) и Джузеппе *Марио* (1810—1883) — известные итальянские певцы, выступавшие в Петербурге и Москве в 40-х годах XIX века.

Нет, свои гугеноты — доморощенные. — Чиновник Шило, говоря об «избиении Муромских», сравнивает их с гугенотами — французскими протестантами, сторонниками реформации, которые жестоко преследовались католической церковью и королевской властью вплоть до буржуазной революции 1789 года. Гуге-

ноты подверглись зверской резне в «Варфоломеевскую ночь» с 23 на 24 августа 1572 года (под праздник св. Варфоломея).

Стр. 158. *Ведь в полпивную не пойдешь; обедать — все-таки у Палкина...* — *Палкин* — известный петербургский ресторатор.

Помилуйте; он карбонарий... — *Карбонарий* — буквально, угольщик (итал.), член тайной революционной организации, основанной в Италии в начале XIX века и боровшейся за национальную независимость против иноземного гнета.

Стр. 176. *Не изыдеши оттуда, дóндеже не отдаси последний кодрант.* — *Кодрант* — мелкая медная монета. Иван Сидоров цитирует эту фразу из евангелия: не выйдешь оттуда, покамест не отдашь последнего гроша.

Стр. 187. *Его бы надо взять да в съезжий дом отправить.* — *Съезжий дом* — помещение для арестованных, полицейский участок.

Стр. 190. *А что мне эта меледá...* — *Меледá* — медлительность, вялость, мешкотность.

Стр. 194. *Все чиновники (вместе насыкаются с бумагами).* — *Насы́кать* — порываться, кидаться.

Стр. 199. *...приносит несколько экранов...* — *Экран* — от французского слова écrin; ларчик, шкатулка для драгоценностей.

Стр. 205. *...которое Левиафан безвредно попирал ногой...* — *Левиафан* — в библейской мифологии — огромное хищное животное.

...позовите сейчас экзекутора... — *Экзекутор* — чиновник, ведавший хозяйственными делами и надзором за внешним порядком в канцелярии.

Стр. 211. *Слово и дело* — выражение, бытовавшее в Московской Руси и в Российской империи до Екатерины II, означавшее, что тот, кто произнес его, хочет донести властям о каком-нибудь государственном преступлении.

Стр. 214. *...Бурцев, буйный забияка...* — Это искаженная цитата из известного стихотворного послания поэта Дениса Давыдова (1784—1839) «Бурцову» («Бурцов, ёра, забияка»). Князь, желая очернить Муромского, сравнивает его с гусаром А. П. Бурцовым, славившимся в начале XIX века своими озорными проделками и буйством.

Стр. 219. *...и по гроб полишинель!!.* — *Полишинель* — комический персонаж французского кукольного театра. В переносном смысле — шут, паяц.

Стр. 220. *...схватить чин да кавалерию...* — *Кавалерия* — знак отличия, орденская лента через плечо.

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

Третья и последняя пьеса Сухово-Кобылина — комедия-шутка «Смерть Тарелкина» — была окончательно завершена в конце 1868 года и напечатана в трилогии «Картины прошедшего» (1869). При жизни автора пьеса не переиздавалась.

Несмотря на все старания и хлопоты Сухово-Кобылина, «Смерть Тарелкина», сразу же по выходе в свет, была запрещена для постановки на сцене, причем этот запрет сохранял свою силу вплоть до 1917 года. Драконовская цензура трех царствований (Александра II, Александра III, Николая II) не соглашалась ни на какие переделки и сокращения текста, которые предлагались автором, страстно желавшим увидеть на сцене свое творение.

В конце 80-х годов Сухово-Кобылин начал перерабатывать пьесу, насильственно приглушая в ней остросатирическое звучание. 21 марта 1889 года он пишет своему другу Н. В. Минину: «...Тарелкина в свободные минуты свои переделал. Теперь перелистываю... Вообще сцены в пьесе ладные и живые».[1]

Однако цензура наотрез отказалась пропустить на сцену и этот «облегченный» вариант «Смерти Тарелкина». Об этом автор с большой горечью сообщает своей сестре Е. В. Петрово-Соловово в письме от 2 февраля 1892 года: «...третью пьесу Феоктистов[2] не пропускает... Я ее изменил, исправил, сделал новый конец по указанию цензуры, но ничто не помогло. Это так мне прискорбно, что я почти заболел».[3]

Тем не менее Сухово-Кобылин не складывает оружия. Возобновление пьесы «Дело», состоявшееся 3 января 1892 года в Петербурге и имевшее огромный успех у передовой публики столицы, придало новые силы престарелому драматургу. 23 и 24 марта 1892 года он обращается с двумя взволнованными письмами к В. Н. Давыдову, прося его прочесть «Смерть Тарелкина» в присутствии влиятельных петербургских журналистов. Он надеется, что знаменитый артист мастерским чтением расположит их в пользу комедии:

---

[1] ИРЛИ Академии наук СССР. Архив Н. В. Минина, ф. 186, ед. хр. 28.

[2] Е. М. Феоктистов — начальник главного управления по делам печати.

[3] «Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным». Вступительные замечания Е. Коншиной. — Труды публичной библиотеки имени Ленина, вып. III, 1934.

«Понедельник, 23 марта, 92. С. Петербург.

Любезнейший Владимир Николаевич.

Согласно вашему желанию — но с прискорбием — посылаю вам пьесу, которую так хотелось прочесть *обще* с вами и переговорить о некоторых опущениях нецензурных штрихов... Пожалуйста, возьмите на вид, что момент этот для меня и частию для вас, то есть вашей роли, есть решительный. Если мы ее не проведем теперь, она погибла навеки... *Каждая из моих пьес есть процесс, который я должен выиграть против цензуры и прессы* (подчеркнуто мною. — *И. Г.*) всякими принудительными подходами...

...озлобление цензуры на нее большое — она обречена на вечный запрет — то есть для меня на *вечный,* ибо мне 74 года — скоро умирать. Прошу вас: *помогите.*

P. S. Отмеченное на поле красным карандашом есть новое *теперь,* сейчас вставленное в 4-е действие, где весь конец изменен, чтобы выпустить допрос Тарелкина, который особенно возмущает цензуру, — и мне кажется, что последняя сцена Оха с доктором достаточно вознаграждает это опущение допроса и даже лучше, окончательнее заканчивает всю трилогию, видеть которую всю на сцене есть мое предсмертное желание». [1]

Назавтра, во вторник, 24 марта, Сухово-Кобылин накануне публичной читки пьесы снова пишет В. Н. Давыдову: «...убедительно прошу, прочтите внимательно хоть один раз эту несчастную пьесу, которую ваш талант может так легко воскресить от ее 20-летней смерти и забвения.

Факельщиков у ней много, а действительных друзей — никого, если вы ее покинете. Для вас это момент внимания, а для нее целая жизнь...» [2]

Но и на этот раз победили «факельщики»: новый вариант пьесы был запрещен. Через несколько лет Сухово-Кобылин снова возвращается к своей «несчастной» пьесе, сокращает ее, приглаживает, смягчает ее трагический колорит, стремится придать ей хотя бы внешне беззаботно-веселое обличье. «Смерть Тарелкина» превратилась в «Расплюевские веселые дни», и под этим новым заглавием она, наконец, увидела «ламповый свет» на сцене Литературно-художественного театра в Петербурге — 15 сентября 1900 года.

---

[1] «Театр», 1938, V, стр. 122, 123.

[2] Там же.

Трехактная комедия-шутка, несмотря на все сокращения, стала «комедией в 4-х действиях», снабженной «оглавлением». Действие первое: «Вступление в должность»; действие второе: «Закуска»; действие третье: «Мечты»; действие четвертое: «Как на свете все превратно». Из текста изъято: посвящение Н. Д. Шепелеву, обращение «К читателю», «Примечание», в котором даются указания насчет сценического воспроизведения пьесы.

В первом действии (I явление) отсутствует монолог Тарелкина; из него взяты только отдельные фразы, вошедшие в монолог второго явления. Вычеркнуты наиболее острые места: «Прощайте, рыкающие звери — начальники, — прощайте, Иуды товарищи!..» Отсутствует также монолог Тарелкина, в котором дается злая характеристика Варравина. Изъято изречение Варравина об общинах: «...нынче все общинное в ходу...» В эпизоде «Складчины» чиновники весьма облагорожены. По первому приглашению Варравина они «обступают Варравина и подают кредитки».

В знаменитой «заупокойной» речи Тарелкина сделаны сокращения. Вычеркнуты фразы: «Едва заслышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед!» Купирована фраза о «прогрессе». Сокращен весь абзац об «эмансипации женщин» и т. д.

Несколько смягчена и «облагорожена» энергичная и сочная лексика пьесы.

В четвертом действии снят последний монолог Тарелкина — обращение к публике: «Господа, вам не надо ли управляющего имением?..»

«Расплюевские веселые дни», условно разрешенные петербургскому Литературно-художественному театру, были запрещены для постановки на сцене народных театров с их широкой демократической аудиторией. Даже в облегченном литературном варианте «Смерти Тарелкина» цензура не без основания видела яркую сатиру на «представителей правительственной власти». В своем докладе о «Расплюевских веселых днях», датированном 20 сентября 1905 года, цензор писал: «Пьеса эта для народных театров совершенно непригодна, представляя из себя сатиру на администрацию вообще и полицию в частности.

Автор, хотя и в шутливой форме, яркими красками очерчивает произвол, вымогательство и взятки представителей правительственной власти. Подобные пьесы, дискредитирующие власть, нельзя не признать для простолюдина безусловно вредными, и я полагал бы поэтому комедию «Расплюевские веселые дни»,

разрешавшуюся до последнего времени даже для общей сцены только условно, на народных театрах вовсе не допускать». [1]

Полный и неискаженный текст «Смерти Тарелкина» после полувекового запрета получил сценическое воплощение в советском театре.

Стр. 223. *Николаю Дмитриевичу Шепелеву.* — *Н. Д. Шепелев* — двоюродный дядя А. В. Сухово-Кобылина по материнской линии.

...на высотах Альбано, в памятной нам Locanda Emiliana... — *Locanda Emiliana* — гостиница в итальянском городке, расположенном у озера Альбано.

Стр. 224. *...даже и в смысле аффирмации...* — *Аффирмация* (лат. affirmatio) — утверждение, удостоверение.

Стр. 225. *Злобу... Дневи довлеет* — слова из евангельского афоризма: «Довлеет дневи злоба его», то есть: довольно для каждого дня своей заботы.

Стр. 226. *Мушкатеры.* — В пьесе «Расплюевские веселые дни», являющейся сокращенным вариантом «Смерти Тарелкина», к слову «мушкатеры» автор делает следующее примечание: «В былое время, в 20-х годах, мушкатерами назывались полицейские солдаты, которые в просторечии были известны под названием «дантистов», то есть мастеров кулачной расправы, рукоприкладства.

Стр. 246. *По протомойству.* — *Протомоя* — прачка.

Стр. 251. *...выманил часы, и превосходнейшие — верите ли, брегет.* — *Брегет* — дорогие старинные часы (по имени французского часовщика Bréguet).

Стр. 255. *Спрсcите у него вид.* — *Вид* — официальный документ, паспорт, удостоверение личности.

Стр. 257. *Хобот как жало скорпиона и крепости адамантовой.* — *Адамант* — алмаз, бриллиант (греч.).

Стр. 265. *...как Суворов Прагу — штурмом взял!* — В 1794 году А. В. Суворовым было взято предместье Варшавы — Прага. За эту победу ему было присвоено звание фельдмаршала.

Стр. 267. *Ну, Расплюев, исполать!* — *Исполать* — хвала, слава (греч.).

Стр. 270. *...святые угодники и архистратиги...* — *Архистратиг* — военачальник, эпитет воинственного архангела Михаила.

Стр. 273. *Это — это фрей масон?* — *Франкмасоны,* буквально «вольные каменщики» (франц.), воздвигающие «храм добродетели».

---

[1] Центральный гос. исторический архив в Ленинграде, ф. 776, оп. 26, д. № 24.

Франкмасонство, возникшее в XVIII веке, — тайное религиозно-мистическое движение, ставившее себе целью «нравственное совершенствование». В 20-х годах XIX века масонские ложи в России были официально запрещены.

Стр. 274. *Ономнясь своих детей не признал...* — *Ономнясь* — недавно, намедни.

Стр. 283. *Ведь это для тягол...* — *Тягло* — крепостная повинность, барщина или оброк, взимавшийся с крестьянской семьи.

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН
Трилогия

Редактор Р. Софронова
Художественный редактор
Л. Чалова
Технический редактор
Э. Марковская
Корректоры
Л. Никульшина
и Л. Лапшина

Сдано в набор 12/IX 1958 г.
Подписано к печати 24/XII 1958 г.
Бумага 84×108 1/32 — 9,625 печ. л. =
=15,78 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16,14.
Тираж 50 000 экз.
Зак. № 256. Цена 5 р. 55 к.

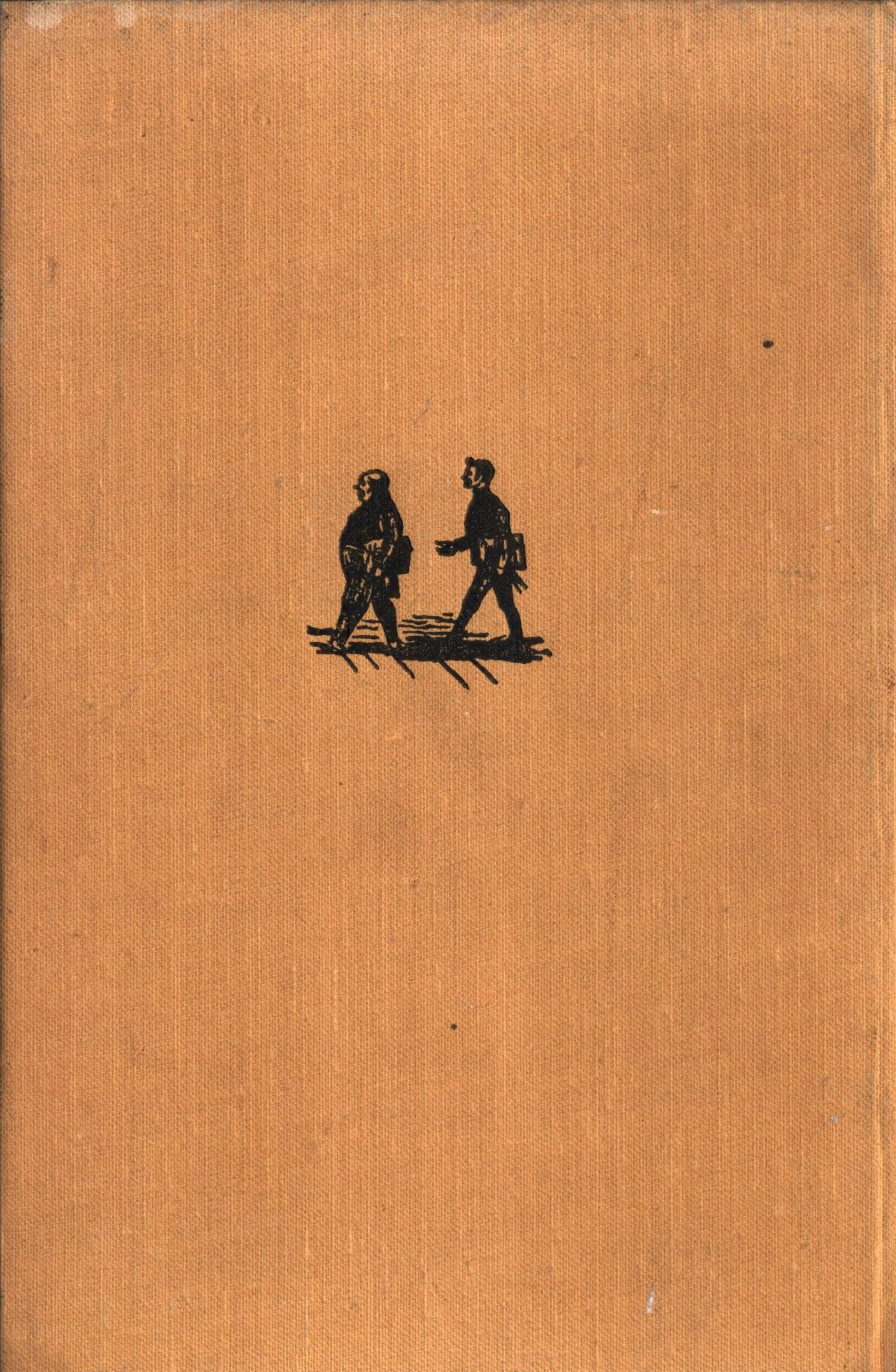
Гослитиздат,
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный
Двор» имени А. М. Горького,
Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
7	6-я св.	1824	1834
23	7-я сн.	Жена-Франсуа	Жана-Франсуа
34	20-я св.	Хлестаков, или Долин	Хлестаков, или Долги

Сухово-Кобылин. Трилогия

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН
ТРИЛОГИЯ